

84K237

Ш17

Сафуан
Шаймерденов

487071

Стенкой
сокол

Сафуан
Шаймерденов

Стенкой
сокол

ПОВЕСТИ

Перевод с казахского

АЛМА-АТА «ЖАЛЫН» 1991

ББК 84 Каз7—44
Ш 17

Шаймерденов С.

**Ш 17 Степной сокол: Повести. Пер. с каз.— Алма-Ата:
Жалын, 1991.— 320 с.**

ISBN 5-610-00499-3

В книгу известного казахского писателя вошли три повести: «Маргау», «Меджун-тал» и «Степной сокол». Это очень разномысленные произведения. Одно о добродушном пастушьем псе Маргау. Другая повесть — эпизод из жизни художника. Третья — об удивительной жизни казахского батыра Битабара, прославившегося сначала как великолепный боец, а затем ставшего знаменитым шахтером-стахановцем.

Ш — 4702250201—97 — 41—90
408(05)91

ББК84Каз7—44

ISBN 5-610-00499-3

© Шаймерденов, 1991

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. Мукашова
г. Петропавловск

487071

Глава первая

СХВАТКА

Хан-джайляу сегодня мрачен. Окруженный горами, точно сдвинутыми мохнатыми бровями, он весь закрыт пеленой непрестанно сеющего мелкого, как пыль, дождя. И отары нынче рано покинули пастбища, а теперь овцы сгрудились за плетнем, все теснее жмутся друг к другу. У входа в юрту примостился громадный черный пес с белой мордой. Взгляд его прикован к дверям юрты. Ведь огонь, который разжигают обычно в очаге на открытом воздухе, сегодня перекочевал под войлочный купол в чрево железной печки. Хозяин озабочен: то ли ждет дорогого гостя, то ли просто соскучился по свежему мясу. Но, как бы там ни было, в казане, булькая, варится свежая баранина, источая аромат, который, смешиваясь с кисловатым запахом мокрой овечьей шерсти, щекочет ноздри и у сытой собаки. Тем не менее черный пес спокоен, даже равнодушен, хозяин щедро бросил ему овечьи потроха: «На, Маргау, ты это заслужил!»

Черный пес не особенно вникал в это слово «Маргау», он слышал его с самого своего щенячьего детства и привык к нему, а кроме того, звук этот обычно сопровождался

чем-то приятным — чаще всего куском мяса. «Маргау, Маргау, на, на! Кя-кя! Маргау, айт, Маргау, ату!» — этот несложный запас слов он хорошо усвоил. Стоит хозяину произнести «Маргау», как черный пес, виляя хвостом, мгновенно оказывается рядом, с готовностью заглядывая в глаза: «Ну, что прикажешь делать? Или дать что-нибудь мне хочешь?!»

Все, кто живет в этой юрте, имеют свои имена. Хозяина ее, худощавого, чуть сутуловатого человека с редкими усами на очень смуглом лице, люди окликают Лезбай или Леке. А хозяйка зовет его «Эй», «Ой», «Этот»; тогда же, когда бывает в хорошем настроении, — «хозяин нашего дома»! Дети, плачут ли они или радуются, все равно называют хозяина «аке, аке»¹. Маргау любит это слово, он даже иногда путает его с «кя-кя» («на-на!») и мигом вскакивает.

Детей в этой юрте трое: старший, Канат, давно стал, как здесь говорят, ученым, женился, живет в Алма-Ате. Он очень важный, в одном из институтов руководит ответственным делом. Дабыр и Адыр — совсем еще маленькие. Говорят, после Каната до Дабыра и Адыра рождались еще дети, но им не суждено было выжить — умерли младенцами. Иной раз, утомившись, пригонит Лезбай отару, вздохнет с горечью и скажет Маргау: «Вот вырос Канат, живет своей семьей, а эти — малы еще. Будь живы Кошен с Есеном, не было бы мне так одиноко. Один ты — утеха моей души», — и ласково гладит Маргау по голове, а черный пес виляет хвостом от удовольствия. Канат и впрямь живет далеко и наезжает к ним редко. А вот Дабыр и Адыр — всегда перед глазами. Маргау с ними на равных, и позабавиться можно, а если захочет полакомиться кусочком хлеба с маслом или еще чем-нибудь, то не станет церемониться, живо выхватит из рук у мальчишек. Если же это не удастся, зарычит — «р-р-р!», а малыши пони-

¹ Аке — папа.

мают по-своему: «Видишь, он зовет Дабыр-р-р!» — «Нет, — спорит другой, — не меня он зовет, а тебя — Адыр-р-р!», и оба отдают псу все, что у них есть, стараясь опередить друг друга.

Жена хозяина — высокая, стройная. У нее матово-белое красивое лицо. Особенно хороши глаза. Когда она даже едва заметно улыбнется, ее большие черные глаза становятся загадочными. Эту таинственную улыбку Маргау тоже знает: после нее уставший Лезбай сразу светлеет лицом, добрее. Да, красивая женщина Умсундык, с посторонними людьми всегда приветливая и вообще спокойного нрава. Какой бы сердитый и хмурый человек ни прискакал к ним, как бы ни супил брови — из дома он таким не выходил, черный пес с белой мордой еще этого ни разу не видел.

Любопытно — двое в их доме называют ее Умсундык, и только маленький Адыр — «тате»¹. Ведь Умсундык — мачеха. Родная же мать, Айган, умерла осенью позапрошлого года, а спустя некоторое время в дом вошла Умсундык. И сразу все переменялось. Постель Айган она куда-то отравила. А в доме появились зеленые и красные одеяла, подушки, а с ними какие-то непонятные Маргау запахи. И порядок стал в доме. Не нахвалятся соседи: Умсундык пылинке не даст пристать. А детки, даром что неродные, смотри, какие чистенькие, ухоженные. Картинка, да и только!

Конечно, Маргау не всегда понимал смысл сказанного, но его собачье чутье не упускало ни одной интонации в настроении людей — они были веселы, радушны, значит, это хорошие слова.

Еще одна перемена — другие люди теперь в дом приходили: реже гостевали бородатые старики и старухи в белых жаулыках², зато все чаще вместо них Маргау видел

¹ Тате — тетя.

² Жаулык — женский головной убор.

женщин в коротких платьях с голыми ногами и руками. Им нипочем — день ли, ночь ли, дома Лезбай или нет. Приходят, уходят. Маргау никак не может к ним привыкнуть, с рычанием кидается навстречу. И если в это время кто-нибудь из домашних не крикнет: «Эй, Маргау, пшел!» — и не возьмет за ошейник, от грозной собаки им несдобровать. В таких случаях Умсундык волнуется больше всех.

— Привяжи же ты наконец собаку! Не натворила бы бед! — требовательно настаивает она.

Раньше, когда жива была Айган, Маргау любил зайти в дом и лечь у порога. Ему разрешалось. Теперь это баловство навеки ушло вместе с Айган.

— Это что за кошмар, собака повадилась в дом. Осквернит же все, посуду опоганит, выведи ее немедленно! — приказывает Умсундык.

— В этом доме все трудятся, прежде всего я, а потом Маргау. Пусть лежит, что тебе, — добродушно отвечает хозяин.

После ласковых слов Лезбая Маргау вытягивает передние лапы, кладет на них морду и лежит, не сводя преданных глаз с хозяина. Он, словно тамырши¹, чутко улавливает пульс и у домашнего очага, и там, за юртой.

Умсундык прячет привычную улыбку и, вскинув черные брови, спокойно бросает, точно камень, тяжкие слова:

— Ау, я вам говорю, или вы не слышите? В таком случае иду я.

Лезбая поведение жены раздражает. Он хмурится, однако соглашается:

— Ладно, ладно, уйдет собака. — И, взяв кусок посуды, бросает за дверь: — На, Маргау, поди гуляй!

Любит Лезбай Маргау, и Маргау предан ему — такова их дружба.

А Умсундык? Можно ли ее винить в том, что не пускает

¹ Тамырши — народный лекарь.

Маргау в дом,— только ведь из-за чистоплотности. А так она хорошо знает, какова нелегкая доля Маргау в чабанской жизни. И ценит. Потому-то ни днем, ни ночью не забывает его накормить. Даже когда возвращается из гостей — ее первый вопрос: покормили собаку? И чем бы ни была она занята, не преминет напомнить детям: «Эй, дети, Маргау-то проголодался, налейте ему чего-нибудь в миску». Особенно заботлива она в отсутствие Лезбая, когда тот пасет овец. То и дело подзывает к себе Маргау, старается не отпускать далеко. И Маргау не против. Пожалуй, ему нравится это. Бывает, полеживает в нескольких шагах от Умсундык, повиливает хвостом, уставится ей в глаза: «Ну, приказывай, какую службу сослужить? От кого защитить?»

Однажды в доме чабана собрались его друзья. Один из них — ровесник Лезбая Кенеш. Раньше он заигрывал с Айган по праву сверстника, обнимал, шутил. И когда по старой привычке полез обнимать Умсундык, приговаривая: «Иди-ка поближе, а то у Лезбая небось и силенок не осталось», Маргау неожиданно сорвался с места и чуть не задрал Кенеша. Даже приказ Лезбая: «Пошел вон, никто не угрожает Умсундык!» — не успокоил Маргау, и он то и дело оглашал лаем своим все вокруг, пока гости не уехали. С тех пор, как только приезжают люди, Умсундык начинает беспокойно суетиться: «Да уйми ты этого пса!»

Лезбай — чабан опытный, умелый. Почти ежегодно получает премии. Но имя его называют не всегда. Чтобы повторяли чаще, надо, наверное, на глазах у начальства больше вертеться, ни в чем не перечить. Сказать по правде, Лезбай не склонен к такому. Если кто из района заявится к нему, встретит хорошо, сделает все, что в его силах. Но ни к кому не ездит, просьбами никого не утруждает. Неохота. Покойная Айган хныкала:

— Что же ты не пойдешь, не объяснишь толком? Может, отметят по заслугам.

Ответ Лезбая был краток:

— Дело же ясное, сами все должны знать, зачем надоедать?

— Бедолага ты мой, со своим «сами все должны знать» недополучаешь положенного.

— А чего недополучил? Все у меня есть, все как надо!

Но Айган не унималась:

— Вон, гляди, у этого Бузаубая показатели не лучше, а стал в передовиках ходить!

— В прошлом году нас тоже премировали. Вон тот ковер на стенке, откуда он взялся?

— Знаю, как ты его получал. Помню, как Каргабек вопил: «Это не Лезбаю, а его псу премия!»

— Пьяный чего не сболтнет?

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Лезбай обычно быстро сдавался:

— А вообще-то прав Каргабек. В той премии есть, конечно, доля Маргау.

Супруги спорили так частенько, и, странно, Лезбай отвечал на попреки Айган, глядя не на нее, а на собаку. Может, поэтому Маргау словно понимал, о чем речь, вилял себе хвостом, как бы польщенный похвалой хозяина.

Маргау все больше становился знаменит в округе. Немало людей не прочь были заполучить его. Находились даже такие, которые предлагали:

— Продай собаку, дам корову с теленком.

Но Лезбай ни в какую.

— Берите что хотите, но собаку и жену не просите. Все равно не дам,— отшучивался он.

Маргау и впрямь редкостное создание. Летом на Ханджайляу скапливается множество овец, набегает полно собак. Иные люди не прочь потешить себя собачьей дракой. И тогда-то уж ни одна собака не в силах соперничать с Маргау. Самые злющие псы, стоит им увидеть Маргау, обойдут вокруг него разок-другой и, обнюхав, отходят в сторонку. А стоит Маргау, не трогаясь с места, гордо

вытянув шею вперед, как бы призывает: «Чего рычать друг на друга, что лезть на рожон — лучше подумайте, что вас ждет». Если же кто из его четвероногих братьев не внемлет этому, Маргау, подойдя к задире, с силой толкнет грудью. Забияке этого вполне достаточно, он, виновато взвизгнув, поджимает хвост и бросается наутек. Голос Лезбая звенит тогда от гордости:

— Давай сюда приз!

— Собаки не дрались, какой тебе приз?

— Твоя собака дважды перевернулась. Мало этого? — Лезбай хохочет, довольный. — Мой пес не собак берет, а волков...

Вот такая собака у Лезбая.

Маргау вдруг задрал морду и принялся: к прежним запахам прибавился еще какой-то посторонний.

Пес повернул морду по ветру, шерсть у него встала дыбом, он коротко взвыл и умолк. Это он предупредил: «Берегитесь, надвигается чужой запах». Всю округу заполнил запах бензина. Маргау вскочил. Глядя в сторону дороги, несколько раз гулко пролаял: «Не приближайтесь! Здесь — Я!»

Но домашние истолковали это на свой лад:

— Пес лает, видно, приехали!

С этими словами Лезбай вышел из дому, за ним побежала Умсундык.

Внизу на косогоре показался грузовик. Донесся гул мотора. Маргау рванулся с места и помчался навстречу.

— Маргау! Назад! — сердито позвал хозяин.

Умсундык суежилась:

— Привяжи, а то укусит кого-нибудь.

Черный пес с белой мордой в такие минуты не понимает, кто и зачем пришел. Чуть что — «Назад!» Обескураженный Маргау поплелся и лег у ног хозяина.

Вскоре и машина подошла. Из кабины вылез парень

среднего роста, полный, смуглолицый. Идет, перекачивается, будто кожаный бурдюк. Лезбай поспешил к нему, протянул руку:

— Заходите. Весть пришла, правда, с опозданием. Но все готово, ждем.

Парень в ответ холодно пожал руку, едва шевельнул губами. Что он сказал, не услышал даже чуткий Маргау, не то что Лезбай.

Стоявшая позади Умсундык держалась очень свободно.

— О, кайным¹, что это не показываешься в наших краях? Или совсем забыл о своем дядюшке? — Она с улыбкой переводила взгляд то на мужа, то на гостя. — Услышал Лезбай о твоём приезде, совсем покой потерял: «Вскипяти чай, свари мяса». И чего, спрашивается, так переживает?

— Спокойней, спокойней, байбише². — Лезбаю показалось, что женахватила через край.

Смуглый джигит круто повернулся. Сделал шаг вперед, улыбнулся Умсундык:

— Не сердитесь, тетушка. Теперь будем приезжать так, чтобы след коня не остывал.

— Вот это другое дело. А то за провинность твою пришлось бы отдать и коня и чапан по древнему обычаю.

— Ладно, иди в дом, готовь дастархан, — недовольно сказал Лезбай.

Умсундык бросила кокетливый взгляд на гостя и, еле слышно вздохнув, направилась в дом.

Маргау хорошо знает и этого смуглого. Каргабек, который всегда упрекает Лезбая в чем-то, говорит с ним резко. Раньше, когда жива была Айган, он приезжал раз или два в год и опять исчезал надолго. С тех пор как появилась Умсундык, зачастил к ним. И все же она недовольна. Но, конечно, все это Маргау понять трудно.

¹ Кайным — младший брат мужа.

² Байбише — здесь: хозяйшка.

— Когда переедешь на новое место?

Голос Лезбая прозвучал в ответ тонко, как у бабы:

— Тебя ждем, Кареке.

— А чего ждать, готовился бы. Вечно вы ждете, когда вам разжуют и в рот положат.

Чабан не нашелся, что ответить. Не любит Маргау этого надутого толстяка, который все время ворчит на Лезбая. Вскочить бы — и клыками в ляжку: «Ты с кем и как разговариваешь?» Маргау даже зарычал. Глаза пса красные, полные злобы.

— Какой у этого черта дикий взгляд. Убери его куда-нибудь.

Лезбай взялся за ошейник:

— Он знает тех, кто бывает у нас, не кусает.

— Это еще как сказать. С доброго телка вымахал, чтоб ему пропасть!

Лезбай рассмеялся.

Из дома раздался голос Умсундык:

— Я же говорила: привяжи. Искалечить может.

Лезбай повел собаку в овечий загон, привязал и вернулся к гостю.

— Ну, проходите.

Каргабек повернулся к машине:

— Ау, чего вы не вылезаете?

Двое юношей, сидевших в кузове, спрыгнули на землю.

Каргабек представил их:

— Это — мой зять, а это — племянник. Учатся в Алма-Ате. На каникулы приехали. Нарочно с собой взял, говорю: посмотрите наши джайляу.

— О, добро пожаловать! Нет лучше отдыха, чем на джайляу.

— Баспай, — назвал себя парень с длинной шеей и глубоко сидящими глазами.

— Таспай, — представился второй, невысокий, рыжеватый.

— Идемте в дом, — пригласил Лезбай.

— Пожалуйста,— слышался звонкий голос Умсундык.— Собаку-то привязал? Душу он готов отдать за своего пса.

— Ох и псина! Видно, волков берет? — восхитился Таспай.

— Что там волк! — горделиво сказал Лезбай.— Тигра может взять. В прошлом году Маргау один попал в стаю волков, и то отбилсЯ.

Зазвенели рюмки. Маргау почувствовал еще один омерзительный запах. Разговор пошел оживленный. Словно колокольчик, позванивал ясный голосок Умсундык:

— Бери же, кайным! Бери! Плохой джигит, говорят, половину оставляет на блюде... Мясо очень нежное, ягненок!

— Поднимите и вы свою рюмку, женеше...

— Женеше твоя давно выпила, ты не упускай свой черед.

Резко прозвучал голос Каргабека:

— Она у нас такая, женеше. Жаль только, за старичком замужем, а кроме этого — во парень! Давайте выпьем за здоровье женеше!..

— Ну, поехали!..

Вновь раздался звон рюмок. Маргау, волоча веревку, перешел на другое место и прилег. Отсюда, из-под ссохшегося пыльного войлочного полога, ему видны сидящие в юрте: Лезбай как бы в стороне. На торе, почетном месте, двое молодых гостей. Справа полулежит на правом боку Каргабек. Рядом с ним сидит Умсундык. Она, помешивая, разливает сорпу. Ребятишки вертятся у казана: старший что-то с аппетитом ест, Адыр, похоже, засыпает.

Водка развязала язык долговязому Баспау:

— Кареке, вы говорите «старик». Лекен до сих пор еще мужчина что надо.— Он ухмыльнулся, явно предвкушая скандал.

— Ну, как не назвать его стариком, если тянешь вперед, а он артачится. Упрется всеми четырьмя ногами, ни тпру, ни ну.

— Что значит четырьмя ногами? — вмешался рыжий паренек. — Это же человек. Двумя ногами — другое дело. Четыре лапы только у животных бывает.

— Ох и хитер же этот Таспай, — сказала Умсундык с ноткой обиды в голосе. — Каргабек верно говорит. Наш Лекен, святая душа, тяжел на подъем.

Каргабек разгорячился:

— Другие дают обещания, берут обязательства получить по сто пятьдесят ягнят, по сто шестьдесят семь, по сто восемьдесят... А этот старик упрется — и ни в какую: баш на баш, от сотни — сотню...

— Это ведь тоже немалый труд, к голове прибавить голову, — заключил разговор Лезбай.

Каргабек нахмурился:

— Вот-вот, я же говорю. Ты, старик, прежде всего перестань пятиться как рак. Избавишься от этой привычки — получишь и по сто шестьдесят, и даже по сто восемьдесят.

Лезбай не любил зряшного бахвальства и пошел напролом:

— Как же я получу? Летом — то жара, то холод, зимой — то снег по колено, то гололед. И падеж бывает, и волки нападают. Как же я получу?

— А другие как?

— Об этом ты у меня не спрашивай. Оба мы прекрасно знаем, как другие получают. Такие показатели мне не нужны.

Каргабек задумался.

Маргау, наверное, остался доволен тем, что хозяин одержал верх, — противник умолк: подняв морду к небу, пес дважды гавкнул и опять затих.

Умсундык подвинулась к мужу:

— Ох и привычка у тебя: выпьешь и затеваешь со всеми спор. Лучше предложил бы чего еще гостям.

Лезбай понял, что хватил, и как-то странно рассмеялся.

— А ведь и вправду так... Ну, давайте выпьем за здоровье моих молодых гостей.

Маргау издал звук, подобный стону, и зевнул: и чего это люди пристрастились к этой вонючей гадости? Пить, есть — это ясно. Воду пьют, чтобы жажду утолить. А какая польза от этой дряни? Сам Маргау в рот ее никогда не брал. И все же не сдох. А люди — пьют и пьют!

Маргау долго лежал неподвижно.

Вдруг затрещало что-то. Это, оказывается, Таспай крутит ручку радиоприемника.

— Эй, племянник, оставь радио, иди сюда. Песни будем петь, — позвал Каргабек.

— Вот это здорово! — вспыхнула Умсундык. — И вправду, так редко встречаемся, давайте повеселимся.

— Эй, дети, — повысил голос Каргабек, — знаете, как ваша Умсундык-женгей поет?

Умсундык лукаво взглянула на мужа:

— Какой уж там голос! Говорят, один лысый сказал: сколько лет уже, как с гребенкой расстался.

— Спойте, спойте нам.

Лезбай пояснил:

— Ваша женге раньше участвовала в этой... как ее...

— Самодеятельности. Народной самодеятельности, — подсказал Таспай.

— Да, да! Не раз премии получала.

— Голос у нашей Умсундык ничуть не хуже, чем у Тулегеновой. Лекен знает дело, не зря на другую не позарился.

Лезбай удовлетворенно хмыкнул:

— Это верно, приезжала сюда с самодеятельностью, вот и приглянулась.

— Ну, старик мой что-то расхрабрился после молока от бешеной коровки!

— Свои счета без нас будете сводить. Ну, спой, зачем, думаешь, приехали из такой дали? Чтоб твой голос послушать. Мясо и водка нашлась бы и у других чабанов, — настаивал Каргабек.

— Что ж, раз просит кайным, спою. Так уж и быть. Не судите строго.

Умсундык взяла в руки блюдце. Голос у нее и в самом деле оказался чистым и звонким. Поднеся блюдце ко рту, как резонатор, она затянула протяжную, печальную народную песню.

Словно цветок яблони,
Словно узор текемета,
Проходит жизнь,
Не приметная ни для кого...

Гости были в восторге. Каргабек посидел молча, вздохнул:

— Да, проходит, проходит, не приметная ни для кого. Ну, давайте за прекрасный голос нашей женеше.

Лезбай заглянул в рюмки и обнаружил, что они пустые.

— Неужели вся водка? Умсундык, есть где-нибудь в запасе, принеси.

— Чего нести, если нет. Когда в тот раз приезжала автолавка, говорила тебе — возьми побольше. Так ты заупрямился. Ну, вот ищи теперь сам.

— Эй, старик, что ж ты так? — Каргабек с издевкой смотрел на Лезбая. — Обеднел бы от лишней бутылки? Может, денег не хватает? Я дам тебе.

— Надо же, а? Вроде как должно было хватить. Сейчас поскачу в магазин.

Каргабек откинулся на подушку:

— На коне — уйму времени отнимет. Садись в машину. Туда и обратно — полтора часа. Если удержишься хоть на одну минуту, переберемся к твоему соседу.

— Надо же, а? — и с этими словами Лезбай сел в машину.

Маргау рванулся было за ним, твякнул и замолчал.

Лезбай помахал рукой из машины:

— Я уеду, ты убежишь, кто же за овцами присмотрит? Скоро вернусь. Лежи на месте.

Маргау будто понял эти слова. Не стал скулить.

Моросил тихий, мелкий-премелкий дождь. Овцы в загоне стояли спокойно. Свежий ветер с гор доносил какие-то запахи, звуки. Вот с грохотом свалился в ущелье камень. Вот пробежал быстроногий, как ветер, зверь. Где-то завыл волк. Зашумели кроны деревьев.

Открылась дверь юрты, вышли наружу Баспай и Таспай. Маргау хотел кинуться к ним, но ничем не грозили эти покачивающиеся на неверных ногах парни. И все же пес неотрывно следил за каждым их движением.

— Какая тишина! Какой воздух! — Баспай прищелкнул языком и потянулся. — Ни единого звука!

Если бы Маргау мог, он наверняка рассмеялся бы. «Болтайте! Все вокруг полно запахов, звуков. Но вы не способны услышать это». Но он лишь заворчал.

Парни насторожились.

— Ой, оказывается, собака тут!

Отойдя в сторону, они направились к реке.

— Поосторожней, собака у нас злая.

Взгляд Маргау снова проник в дом. Дети, за целый день набегавшись, поев мяса и горячей сорпы, уснули там, где и сидели. Каргабек полулежал теперь на левом боку. Умсундык отодвинула дастархан и села, касаясь коленями его колен.

— Не выпьешь ли еще сорпы, кайным?

Маргау заметил, что рука Каргабека легла на поясницу Умсундык.

— Пусть хоть яду нальет такая женеше, кайным не испугается. Выпьет, — сказал он и привлек ее к себе.

— Гости могут вернуться...

— Эти парни соображают. Пока старик твой не заявится, и близко не подойдут.

Умсундык промолчала. Каргабек обнял ее обеими руками и привстал...

В крови у каждой собаки еще с древнейших времен есть это — умереть, но не дать хозяина в обиду. Маргау, хотя и не понимал человеческой речи, не мог допустить, чтобы

Умсундык, которая каждый день наливала ему еды, подчинилась Каргабеку. Маргау неистово залаял.

— Кажется, он, Умсундык выскочила во двор. Нет, машины не было. В низине, куда поехал Лезбай, ни души. Каргабек оказался прав: парни ушли далеко вдоль реки. Не похоже, чтобы скоро вернулись.

— Чего разгавкался! Лежи смирно! — прикрикнула Умсундык и, помешкав немного, вошла в дом.

— Долго что-то ходила? — голос Каргабека дрогнул.

— Никого не видно.

— А чего пес гавкал?

Каргабек рассмеялся и притянул женщину к себе:

— Ох, дочь шайтана!.. Иди скорее! Я соскучился...

— Не знаю, не знаю! Может, послаще женге нашел... Реже стал заезжать.

— Слаще тебя нет никого на свете.

Каргабек улегся, Умсундык привалилась к нему.

— А старика не стыдно будет? — спросила она.

Пес опять яростно залаял, рванулся раз-другой и вырвал из земли колышек, к которому был привязан. Прибежав к дому, стал царапаться в дверь.

Умсундык, зная, как легко Маргау может проникнуть внутрь, завизжала:

— Ойбай, Каргабек! Собака отвязалась, загрызет сейчас.

Но Каргабек не желал ничего слушать:

— И хорошо, что отвязалась.

Собака окончательно убедилась в том, что чужой человек обижает Умсундык, и, нащупав наконец передней лапой защелку, откинула ее и набросилась на Каргабека.

Тот, похоже, только теперь пришел в себя.

— Ах, чтоб были прокляты твои предки! Вон отсюда!

И Умсундык тоже завопила:

— Маргау! Маргау, уходи отсюда!

Но Маргау не слушался. Он всадил клыки в жирное

Село Каргабека и с силой тряхнул его раза два. Каргабек

Библиотека
И. М. Мушкетера
г. Петропавловск

487071

был напуган до смерти. Размахивая руками, он колотил пса кулаками по глазам, по морде...

Сплетясь в клубок, пес и человек оказались у двери. Со звоном рухнула посуда, проснулись ребятишки, заплакали. Одежда Каргабека была вся в крови. Улучив момент, Умсундык ухватила пса за ошейник. Почувствовав свободу, Каргабек бросился к двери, но незастегнутые брюки скользнули вниз и запутались в ногах. Перевернувшись несколько раз, он кубарем выкатился за дверь. Маргау рванулся вслед, волоча за собой Умсундык, которая крепко держалась за ошейник. Каргабек, сверкая сквозь рваное белье задом, убегал куда глаза глядят. Собака с рычанием бросилась за ним, но, какой бы сильной она ни была, легко ли волочить за собой по земле человека. Умсундык показалась тяжелей камня, и Маргау залаял: «Отпусти немедленно! Иначе тебя тоже задеру!» Но женщина скорее готова была умереть, чем отпустить. Поняв, что Каргабек может удрать, пес бросился на хозяйку и цапнул ее за руку. Намертво сцепившиеся пальцы разжались. Маргау пустился за беглецом. И тут у калитки остановилась машина, из кабины выскочил Лезбай.

— Маргау, назад! Маргау!

Услышав голос хозяина, Маргау остановился как вкопанный.

— Взбесилась собака, ни с того ни с сего взбесилась, — истерически кричала Умсундык. — Видишь, и меня искусила. Чего стоишь? Верни пса на место! — Она стала подниматься, прикрывая оголенную грудь.

Лезбай схватил пса за ошейник.

Маргау гулко пролаял: «Не я же виноват. Они виноваты. Хотели посмеяться над тобой, а я не вытерпел».

— Ойбай, старик мой, гляди, чтобы тебя тоже не укусил! Ни с того ни с сего взбесился!..

Прихрамывая, возвратился Каргабек. Маргау снова бросился к нему. Лезбай уперся в землю ногами, но пес и его протащил несколько шагов.

— Взбесилась твоя собака! Немедленно прикончи ее, слышишь?! — орал Каргабек.

— Ничего не понимаю, — Лезбай с недоумением глядел то на полуодетую жену, то на Каргабека без брюк.

— Чего тут не понимать? Вышел по нужде, а он как набросится. Брюки скинул, иначе бы вообще растерзал.

Маргау вновь залаял, словно опровергая: «Вранье сплошное все, что он говорит!»

Каргабек был вне себя от ярости. Он схватил лежащую перед юртой деревянную ступу и кинулся к собаке.

— Прикончишь ты эту псину или нет?

Лезбай будто сердцем почувствовал неладное, его всего затрясло от гнева.

— А если нет, что ты сделаешь?

— Ну тогда пусть получает! — и с размаху ударил ступой собаку, рвавшуюся из рук.

Маргау завыл. Лезбай схватил Каргабека за руки.

— Нарочно отпустил собаку, когда уезжал. Опозорить меня решил, да?..

Такой клеветы Лезбай не мог вынести.

— Ах вот как! — хозяин двинул кулачищем в ухо Каргабеку.

Тот отлетел в сторону.

— погоди, старый хрыч. Я тебе покажу, как собаку на меня спускать! — Каргабек распахнул дверцу машины: — Эй, парни, поехали. В милицию!

Прибежавшие на шум ребята ничего не поняли. «Что случилось, что случилось?» — повторяли они, садясь в тронувшуюся с места машину.

Брюки Каргабека остались лежать у дверей.

Никто в доме Лезбая не мог уснуть, пока не перевалило за полночь.

— Убей эту бешеную собаку! — умоляла Умсундык. — Видишь, что он с моей рукой сделал?

И впрямь: на левом запястье ее была кровь и след укуса.

— Правду говорят, что бешеная собака хозяина кусает.
— Если она взбесилась, почему на меня не кинулась?
Крикнул: «Назад!» — послушалась ведь, — не поддавался Лезбай.

Дети тоже шумели:

— Маргау не бешеный!

— Врет она все!

— А вам откуда знать, сидите и помалкивайте! — крикнула на них Умсундык.

— Я видел. Вот тот дядька схватил ее и повалил. Маргау и разозлился. Я тоже боялся, что дядька задавит тате, убьет, — вмешался Адыр.

Умсундык взвизгнула:

— Где это видано, чтоб человека ни с того ни с сего убивали?! Не я ли, наоборот, схватила пса за ошейник, и то он проволок меня до двери по земле.

— Хватит! — недовольно перебил Лезбай. — По вашим словам выходит, что все произошло в доме. А Каргабек сказал, будто собака напала на него, когда он на двор вышел?

Умсундык ловко вывернулась:

— Он у загона на него напал. Каргабек, чтоб спастись, прибежал в дом.

Лезбай промолчал, искоса взглянул на Дабыра с немым укором: «Ты же в этом доме после меня самый разумный. Что скажешь?»

— Я подошел к Маргау, он положил голову мне на ноги и так жалобно застонал, — пробубнил мальчик, уклоняясь от ответа.

Адыр заспорил:

— У Маргау из глаз слезы текли. А ты говоришь — стонет.

Умсундык почувствовала себя увереннее.

— Не прикончишь сейчас, завтра из района приедут и пристрелят. А то заберут проверить на бешенство.

Дабыр и Адыр заняли:

— Не дадим стрелять!
— Ляжем сверху и будем лежать!
— Пусть только попробуют! Я тогда возьму папино
ружье и их самих застрелю! — пригрозил Адыр.

— Правильно говорит Адыр. Никому не отдадим Маргау, — поддержал Лезбай младшего сына.

Уже далеко за полночь все наконец уснули. Один лишь Маргау не спал. Долго лизал рану, пока кровь не остановилась. Непонятно отчего хотелось выть. Тянет морду сверху, но нет сил. Что-то с ним не все в порядке. К тому же хозяину не нравится, когда он воет.

Айган, бедняга, долго болела. На короткое время вставала на ноги, хлопотала по дому, а потом опять ложилась в постель. Приезжали люди в белых халатах и увозили ее на несколько месяцев. В отсутствие Айган и детям, и Лезбаю становилось худо. Не лучше было и Маргау, привыкшему кормиться и пить из рук Айган. Им овладевало беспокойство. Может, от этой самой тоски, кто знает, он подолгу выл, задрав морду к небу. А за три дня до смерти Айган тоска и вовсе завладела всем его существом. Он уселся на вершине холма неподалеку от дома и выл дни и ночи напролет. Из юрты выскакивал Лезбай и сердито кричал: «О, чтоб на твою голову свалилась та беда, которую ты кличешь! Пошел!» Но и это не могло остановить Маргау. Через три дня Айган умерла. Маргау провел ту долгую ночь без единого звука, обессиленный, в полном изнеможении.

— Собака всегда чует беду, — шумели люди. — Сегодня даже голоса не подает.

И вот будто снова напала та болезнь: грудь распирает тоска.

Вдруг опять все вокруг заполнил запах бензина. Маргау бросило в дрожь, он знал: запах этот не к добру. Он издал жалкий звук, похожий на всхлип ребенка, уставшего от долгого плача, и, волоча омертвевшую ногу, побрел к речке за домом. В низине сверкнули фары, донесся гул мотора. Ночная тишина была разбужена.

За свою короткую жизнь Маргау уже понял, что такая схватка не останется без последствий. По крутому склону он осторожно спустился к реке, скользя от камня к камню, присел, опустив ногу в быстрые прозрачные струи. Почувствовав жажду, он стал жадно лакать, шлепая языком по воде. Свет приближающейся машины и нарастающий с каждой минутой гул мотора тревожил его. Маргау ступил шаг, другой, и ему показалось, что раненой ноге стало полегче. Посмотрел на другой берег — вот он, рядом, рукой подать. Река не глубокая. Можно даже не опираться на больную ногу, а переплыть, работая передними лапами. С этим намерением Маргау и двинулся вперед...

Легковая машина остановилась у дома. Двое пересекли лучи света от фар и темными силуэтами направились к дому. Маргау сразу узнал их: те же, что приезжали за Айган.

С ружьем в руке из юрты выскочил Лезбай:

— Эй! Кто там?

— А, сам герой! Что же ты отдаешь людей собаке на растерзание?

Лезбай растерян молчал.

— Ладно, ладно, знаем мы, что ты скажешь. Поехали в район, там разберемся. А где бешеная собака?

Слова «бешеная собака», много раз повторяемые сегодня, видимо, запечатлелись в памяти Маргау. Перед глазами возник Каргабек со ступой в руке и вопящая Умсундык.

Маргау, волоча ногу, перебрался через речку и скрылся в густом тальнике на крутом яру.

— Я спрашиваю, где бешеная собака? — Голос стал строже, настойчивее.

— В нашем доме нет такой собаки.

— А если не бешеная, стала бы она кусать человека?

В это время, чуть ли не причитая, из дома выбежала Умсундык.

— Ох, неправду он говорит, что собака не бешеная.

Она волков берет, вот он и скрывает, боится, что застрелите. Если не бешеная, разве стала бы кусать меня — я ведь каждый день ее кормлю. Вот, посмотрите, — Умсундык подставила руку под луч от фары.

Женщина в белом халате и мужчина в милицейской форме склонились над ней.

— Ужас какой укус!

— Давай ищи собаку, Лезбай!

— Маргау, Маргау! На, на! — кричала Умсундык.

А Маргау все дальше уползал в тальник.

Милиционер включил карманный фонарик и, шаря им по двору, тоже позвал:

— Маргау, Маргау!

— Если сам хозяин не позовет, не придет он. Зови его, Лезбай! — кричала Умсундык.

— Ты же говоришь: бешеная. А какая может быть хитрость у бешеной собаки? — осадил он жену.

— Хватит препираться. Давай сюда псину! Иначе... — пригрозил милиционер.

Кажется, Лезбай понял, что Маргау им не найти.

— Нет собаки.

— Куда же она делась?

Ответ Лезбая был краток:

— Пристрелил ее.

— Неправду, неправду говорит! — опять закричала Умсундык.

Но Маргау исчез.

Стало светать. Женщина в белом халате сделала укол Умсундык. И объяснила:

— Остальные тридцать девять сделают в районе, приезжать будете каждый день.

— А ты, Лезбай, поедешь с нами. Вот акт, подписанный тремя свидетелями. Так что напрасно не вилай! — твердо произнес милиционер.

Лезбай покорно пошел впереди. Вскоре черная машина, перепоюсанная красной полосой, развернулась и помчала по дороге.

Маргау понял это и застонал, завыл. Долго еще над рекой плыли страшные, рвущие душу звуки.

Глава вторая

СЛЕДЫ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

Однажды ночью, лет пять тому назад, на отару Лезбай напали волки.

Айган опять слегла. И днем и ночью в ледящую февральскую стужу за овцами присматривал один Лезбай. Он долго ходил вокруг загона, обмазанного снаружи овечьим пометом, а потом зашел домой погреться. Подложил угля в железную печку, плававшую посреди юрты, укутал потеплее ребят, раскрывшихся во сне. Только пригубил он из пиалы горячего чая, как услышал странный шум в загоне. Прибежав туда, увидел, как перепрыгнувший через дувал черноухий волк хозяйничает там вовсю. Движения зверя были точны и стремительны. Он молниеносно выбирал себе жертву среди сбившихся в углу овец и перекусывал ей горло.

Испугавшись человека, волк одним прыжком вымахнул из кошары. Лезбай огляделся: пять овец дергались в предсмертных судорогах.

— Где же Актос? Почему даже звука не подает? — удивился Лезбай.

Хотя на отару напал всего один волк, подошли они сюда, видимо, стаяей. Это Лезбай понял на следующий день. В отдалении от кошары увидел следы отчаянной борьбы, и ему стало ясно, что Актос никогда теперь не вернется.

После этого случая Лезбай известил сына, который только что окончил институт и устраивался на работу в Алма-Ате: любым путем найди такую собаку, чтобы присматривала за скотом. Заплати, сколько бы ни просили.

Канат встревожился не на шутку. Он тут же отправился на собачий базар. Оказалось, что там какие только душе угодно собаки: куцы, с отвисшей губой, мохнатые, беспрестанно лающие и важно молчащие,— словом, на любой, самый привередливый, вкус.

В сторонке от всех стояла рыжеватая собака с белой шеей и узкой мордой, шерсть на груди, как шуба у верблюда, до самой земли. Возможно, потому, что тело было у нее длинное и густо покрыто шерстью, голова казалась очень уж маленькой. Хозяин объявил:

— Шотландская овчарка колли, завезена в Россию с незапамятных времен. В годы русско-японской войны несла санитарную службу. С 1952 года на Дальнем Востоке в оленеводческих совхозах колли используют как пастухов, так как эта порода очень чутка к хищникам и ее сторожевые качества славятся. Шотландская овчарка получает все большее распространение и в животноводческих районах Казахстана.

Последние слова сразу же вызвали у Каната симпатию к рыжей собаке.

— Овчарка, говорите... А волков берет?

— Еще как! Ни один серый не устоит.

Кто-то потянул Каната за рукав.

— Тебе нужен настоящий волкодав?

— Да.

— Тогда лучше этой не найдешь. Кавказская овчарка. Его перебил другой:

— Что твоя кавказская овчарка по сравнению с восточноевропейской!

— Истинный волкодав — азиатская овчарка!

— И все-таки ни одна не сравнится с немецкой!

Хозяева собак горячились в споре, и Канат растерялся: какую же овчарку предпочесть? Пожилой человек в зеленой шляпе, молча наблюдавший за этой сценой, подошел к нему:

— Вам для чего собака нужна?

Канат рассказал о просьбе отца.

— Раз так, не берите ни одну из них.

— Почему?

— Потому что у взрослой собаки уже сложился характер, установились привычки. Она с трудом привыкает к новой обстановке. Если хотите, чтобы собака стала настоящим другом чабана, возьмите щенка и вырастите.

— А где же я возьму щенка?

— Поставите магарыч, я помогу.

Канат с подозрением взглянул на собеседника: шляпа мятая, старенькое пальто в пятнах. Очевидно, помимо прямого своего назначения оно использовалось еще и как одеяло. Под тусклыми глазами — мешки. Пальцы, с въевшейся угольной пылью в порах, дрожат. Видимо, напился вчера до беспамятства. А говорит толково.

Мужчина в зеленой шляпе, будто угадав его мысли, повторил:

— Правду говорю, отец всю жизнь будет благодарить.

— А пол-литра сейчас поставить или потом? — испытующе спросил Канат.

— Идемте со мной.

Старик пошел впереди, Канат за ним.

— Куда мы?

— Вот тут гастроном, возьми бутылку. А потом я скажу, куда идти.

Канат подумал, подумал, а потом решил: «Э, где наша не пропадала! Может, и в самом деле найду то, что ищу!» И зашел в магазин.

Сунув бутылку в карман, старик заметно оживился.

— Каждый хвалит своего пса. А ты видел монгольскую собаку или королевского дога?

— Я вообще мало сведущ в собаках.

— Тогда слушай: есть на свете две исключительные породы собак. Одна из них — дог, другая — монгольская овчарка. По силе, по телосложению и по красоте дог занимает первое место. Его предки восходят к тому псу, которого древние греки использовали в сражениях. Позже

дог стал нести сторожевую службу. Было время, когда графы в Европе брали его на охоту на кабана или медведя. Но так как из-за красоты дога с давних времен больше держали дома, пестовали, то он превратился в домашнюю собаку. Шерсть стала гладкой, он зябнул на морозе. А предок монгольской овчарки — тибетский дог. Это очень крупный, очень сильный, злой и клыкастый пес. Чаще всего их встретишь в Восточно-Казахстанской или Семипалатинской областях, куда их завезли в годы войны монгольские чабаны. Эти собаки верно служат чабанам, переносят и зимние бураны, и летнюю жару.

— Ну и какую же из этих двух пород вы мне рекомендуете? — спросил Канат, теряя терпение.

Зеленая шляпа с улыбкой поглядел на Каната и подмигнул:

— Не спеши. Я тебе дам щенка, подобного которому нет ни у кого. А назвать его можешь сам.

— Как вас зовут? — спросил Канат, заинтересованный новым знакомцем.

— В принципе, можешь Иван Ивановичем звать.

— Где работаете?

— В принципе — кочегаром в одном учреждении. Но можешь считать и собачником; есть же профессии — скотник, птичник, свинарь. А если всерьез — кинолог я. Специалист по выращиванию новых пород собак.

Беседуя, они поднялись вдоль Алмаатинки и вошли во двор стоящего на отшибе дома. Иван Иванович повел Каната к маленькой землянке, притулившейся в углу двора.

— Я держу собак в теплом помещении.

Навстречу им выскочила белая собака с гладкой шерстью, вся в крупных и мелких горошинах — на груди и лопатках, на боку, на шее и сзади. «Успокойся, Джейхун! Это наш друг!» — Иван Иванович взял пса за ошейник, погладил по шее.

Пес обнюхал Каната. А у того душа в пятки.

— Не бойся, теперь не тронет,— успокоил Иван Иванович.

— И все же держите покрепче,— проговорил Канат, прячась за хозяина.

Иван Иванович рассмеялся и отпустил собаку.

Джейхун стоял, уперев морду в грудь Канату.

— Джейхун только так здоровается с гостями,— успокоил Иван Иванович.— А ну, Джейхун, на место!

Пес отошел и, как бы проскользнув мимо Каната, на секунду прижался к его ногам.

— Этот жест пойми как призыв к миру. Она взяла твой запах. Теперь никогда не тронет.

У Каната вроде отлегло от сердца. Но он был поражен. Впервые видел, чтобы собака, не подпрыгнув, не встав на задние лапы, достала мордой до груди человека.

— Это и есть королевский дог. Сука. Высота в холке — девяносто семь сантиметров. А у тех, что ты видел на базаре, даже самых мощных, не выше шестидесяти пяти — семидесяти четырех сантиметров. Вот и сравни-те! — Иван Иванович почему-то перешел на «вы».

Канат молча слушал, а Иван Иванович с подъемом продолжал:

— У матери Джейхун рост был сто три сантиметра. В камышах Алакуля одна кабана брала.

— А у этой какие заслуги?

— Никаких особенных. Дважды с медведем в поединок вступала — всего лишь! — Иван Иванович вновь расхохотался, довольный. Канат тоже рассмеялся.

— Вот медали, которые завоеваны Джейхун в разное время,— Иван Иванович протянул Канату ящичек.— Все золотые. Эту в Москве, на Всесоюзной выставке. Эту — на республиканской. Эту... в общем, все не перечислишь. Около тридцати.

Собака зашла за еще не остывшую печку. Иван Иванович жестом подозвал Каната. Подойдя поближе, тот увидел пятерых щенят. Черные, мохнатые, с белыми пятнами-горошинками на морде и на груди. Канат хотел

поближе разглядеть их, но Джейхун преградила ему путь и зарычала.

— Сука есть сука,— сказал Иван Иванович.— Выбирай отсюда.

Канат долго и с любопытством наблюдал за щенками. Стоило матери подойти и прилечь на бок, как они с писком устремлялись к ее теплomu животу. Канат еще раньше приметил щенка с белой мордочкой, с белыми горошинками на бедре. Он быстрее всех достиг матери и, вскарабкавшись повыше, вцепился в сосок потолще. Канат ясно ощутил, что этот щенок особенный. Он казался подвижнее, крупнее и сознательнее остальных.

И Канат выбрал именно этого щенка.

— Эге! — удивился Иван Иванович.— Говорил, ни черта не смыслишь в собаках, а похоже — специалист!

— Не знаю, мне он показался крупнее других.

— Молодец, парень. Я хотел сам его предложить. Этот беломордый, я вам скажу, будет со временем королем собачьим! Ну, а в честь него можно хлопнуть хоть по одной.— Иван Иванович достал из кармана бутылку, поставил на самодельный столик.

— Я не пью.

— И все ж — пригубь.

— Нет, спасибо.

Иван Иванович не то в шутку, не то всерьез нахмурился:

— Тогда не видать тебе беломордого.

Что делать, пришлось Канату присесть на перевернутый старый ящик. Иван Иванович выложил на стол кусок колбасы, стал мыть стаканы. Джейхун, видно, учуяла запах мясного, быстро подошла к Канату и раз-другой ткнула железной мордой в руку.

— Джейхун, смотри! Мы теперь родня!

Канат взял кусочек колбасы, бросил собаке. Она наклонила голову, понюхала, но не стала трогать.

— Гляди, какая привереда. С пола не ешь, значит?

Канат поднял кусок и положил его на край стола.

Джейхун, положив морду на стол, вновь обнюхала колбасу. Иван Иванович гремел стаканами:

— Она не ест из чужих рук. Кто знает, может, ты иголку туда воткнул или яду добавил. А может, задобрить хочешь, войти в доверие и что-нибудь спереть.— Иван Иванович взял колбасу и, повертев в руках, как бы проверяя, сказал: — Ничего подозрительного, чистая колбаса, на, Джейхун, ешь!

— Она у вас аристократка!

— Еще какая!

— А вот тот, с белой мордой,— каков он будет?

Иван Иванович, у которого после водки словно разгладились морщины и складки на лице, охотно заговорил:

— Ты заметил, что мать такая гладкая, а щенята мохнатые? Отчего, думаешь?

— Этот вопрос я хотел бы вам задать.

Иван Иванович отер пот со лба:

— В том-то и дело. Отец у них монгольская овчарка, которая за одну зиму взяла семнадцать волков. Таусогор! Надеюсь, понимаешь теперь: новая порода. Отец брал волков, мать с медведем тягалась, бабка по материнской линии с кабаном, так что, будь уверен, и с этим щенком не пропадешь. Великая собака будет!

Канат расхохотался.

Иван Иванович даже обиделся:

— Не веришь? Если из этого белоголового щенка не получится в конце концов великий пес, сними мне голову. Не смейся, не смейся.

Канат сделал нетерпеливое движение:

— Ну хорошо, а какова же цена?

Иван Иванович осоловело поглядел на него:

— Ты мне нравишься. Поставь еще бутылку, и бело-мордый кутенок — твой.

Канат вынул из кармана деньги.

— Нет, так не пойдет. Принеси сам.

На одно мгновение Канат подумал: «Чего я вожусь с этим алкоголиком?!» Но, увидев лежащую за печкой Джейхун, быстро согласился:

— Ладно! Только меня не заставляй пить.

Уже в дверях он услышал:

— Эй, парень, не одну, а две возьми. И закусочку побольше, собак надо покормить.

Канат выполнил требование хозяина. Сбегал в магазин.

— А как мне забрать щенка?

Иван Иванович прижал палец к губам:

— Тс-с, Джейхун поймет. Сейчас. Джейхун, пойдем погуляем во дворе!

Оставшись один, Канат еще раз внимательно оглядел щенят. Беломордый был и впрямь крупнее и ловчее других.

Канат схватил его и сунул за пазуху.

— Твой отец счастливчик, такой щенок достался. А теперь уноси ноги быстрее, — напутствовал Иван Иванович из глубины двора.

Канат чуть не бегом бросился на улицу. Иван Иванович крикнул вслед:

— Если кому-то нужна собака, которая может взять волка и кабана, тягаться с медведем, то имей в виду.

Канат помахал рукой на прощанье.

Актумсук (белая морда) по дороге открыл глаза. Поначалу он учуял какой-то приятный запах. Нет, это не был запах матери, запах молока — какой-то новый запах. Запах человека. Запах Каната. Актумсук завозился, ткнулся носом в грудь Канату. Морда у него была как молот. Канату сразу вспомнилась Джейхун.

— Хорошо, если пойдешь в мать.

И вдруг словно услышал голос Ивана Ивановича: «Он будет лучше Джейхун. Настоящая гроза будет».

Канат улыбнулся своим мыслям:

— В самом деле, может, назвать Грозный?

Шофер за рулем поддержал:

— А что, неплохо.

Актумсук высунул морду из пальто Каната и с удивлением огляделся.

— Есть хочешь? Ничего, до аула недолго осталось. Молочка попьешь.

Актумсук, не отрываясь, глядел вперед. Странно. Весь мир вокруг кружится, летит куда-то. Откуда ему знать, что это мчится машина. Он закрыл глаза — стало страшно. И все же — порода есть порода! — тут же открыл их и стал скулить. Не привык мочиться где попало. Как, на каком языке объяснить, что ему приспичило?

— Вроде не успел проголодаться — перед отъездом же лакал молоко? — удивился шофер.

— Обжора! — и Канат щелкнул щенка по голове.

Актумсук сморщил мордочку. И тут неожиданно тепло разлилось по животу Каната. Только теперь он понял свою оплошность.

— Ах ты, собачий сын!

— Что случилось? — спросил шофер с тревогой. Потом, поняв по виду Каната, что произошло, рассмеялся:

— Кутенок не виноват. Он же просился, а ты не догадался.

— Это мне за незнание собачьего языка, — отшутился Канат.

Машина свернула на обочину и остановилась. Канат опустил щенка на снег, а сам стал приводить пиджак в порядок. Актумсуку до него и дела нет: ползает по снегу, принюхивается ко всему вокруг.

— Вот что значит пес. Глаза не успел открыть, а чего-то уже ищет, обнюхивает. Гляди, как бы не простыл...

— Отец у него волкодав, северных морозов не боялся, этому южная весна — нипочем.

Щенок задрал морду и заскулил, будто говоря: «Твоя правда». Когда перевалило за полдень, машина подъехала к зимовке Лезбая.

— Ну, отец, поручение выполнил, — и Канат протянул щенка.

— На что мне твой щенок? Я же просил собаку найти, чтоб волков брала!

— Люди посоветовали, которые на собаках собаку съели, — рассмеялся Канат.

Братья были в восторге:

— Хорошо, что щенка привез!

— Щенок даже лучше!

— Ну и как мы его назовем?

— Дед по материнской линии, Джульбарс, — кабана брал, отец, Таусогор, — волков брал. А мать, Джейхун, с медведем в поединок вступала, я ее своими глазами видел. Не остается ничего другого, как назвать Грозный.

Лезбай запротестовал:

— Не получилось бы, как в поговорке: «Плохого пса волкодавом кличут». Люди засмеют. Лучше давайте назовем Маргау — Смирный.

— Маргау, Маргау! На-на!

Беломордый проскулил, будто дал согласие.

Так пять лет назад в один из весенних дней марта Маргау появился в доме Лезбая...

В восемь месяцев Маргау был уже ростом со взрослую собаку. Грудь у него, как у матери, широкая — в аршин, ноги длинные, а шея, как у отца, толстая, лапы огромные, круглые. Шерсть черная-пречерная. На груди, на морде и ляжках белые горошины, безупречно круглые, будто от руки нарисованы. Увидев первый раз, застынешь в изумлении: бывает же такое! Почувствуешь себя человеком, который держит цветущую розу с шипами, и только с опозданием поймешь, что так просто, голыми руками ее не возьмешь. Уже ощущается небывалая сила в набирающей мощь широкогрудой собаке. Лезбай, перевидевший немало шумных, суетливых дворняжек, сразу заметил эти особые качества Маргау. Потому-то радостно хлопочет он вокруг него, старается сам кормить.

Как-то пригнал Лезбай пораньше отару, загнал овец за частокол, а сам вновь сел на пегунка. Маргау по

привычке, унаследованной от предков, побежал за хозяином.

— Это ты правильно делаешь, надо мир посмотреть, людей повидать,— одобрительно отозвался чабан.— Съездим в горы к соседу.

Сосед его, чабан по имени Абикеш, поставил юрту выше по реке.

— Добро пожаловать, Лезбай,— приветствовал он друга.— Говорят, у тебя отменная собака. Эта самая?

— Она самая, Абикеш.

— Ну и псина! На тебе за это,— Абикеш кинул Маргау кус кровавой требухи.

Пес стоял неподвижно.

— О, да он у тебя избалован. Уж не режешь ли ему каждый день по ярочке?

Лезбай расхохотался. Потом пояснил:

— Он от «белой кости», дог зовут ихнюю породу. Из чужих рук ни за что есть не станет.

— Надо же... Недаром говорят: много еще на свете невиданного. Выходит, он совсем не такой, как наши пустобрехи...

Лезбай был доволен. Потрепал собаку по шее и улегся на траву возле Абикеша.

Маргау шел в то время второй год. В широкой долине меж высокими горами чувствовалось дыхание осени. Днем солнечно, тепло, а ночью уже посверкивает иней. Разговор у чабанов сейчас только о куздеу — осенних пастбищах. Приезжал завфермой Каргабек и назначил день, когда отаре Лезбая перекочевывать.

Как-то в полдень подъехал к нему чабан киргиз Саршен с другого берега реки. За ним бежали две черные собаки — кобель и сучка.

— Мы всегда пасли овец на двух берегах одной реки, казах и киргиз. Увидел, что ты собираешься откочевывать, приехал попрощаться. Да будет удачным твой кош — твоя перекочевка!

— Да будет так!

Внимание Маргау больше привлекли его четвероногие братья, чем всадник. Маргау вскочил внезапно и в два прыжка оказался возле собак. В его теле вдруг проснулась какая-то странная сила, о которой он даже не подозревал. Черный пес преградил путь Маргау, зарычал:

«Не подходи! Моя! Пока цел — уноси ноги!»

Но Маргау не обратил на него никакого внимания. Он высоко задрал хвост и сладко потянулся, глубоко прогнув спину. Потом стал задними лапами рыть землю, отбрасывая, словно лопатой, комья земли. Сука, видимо, тоже поняла, с кем она имеет дело, легла на землю и, поскуливая, подползла ближе, но тут черный пес налетел на беспечно стоявшего Маргау и схватил его за бок. Маргау резко рванулся и ударил врага грудью. Тот перевернулся трижды и беспомощно распластался. Маргау сделал мгновенный прыжок и, нависнув над противником, поставил тяжелые лапы на его грудь. Не вздумай шелохнуться — растерзаю. Черный кобель, видно, сообразил, что к чему, и остался лежать с задранными кверху ногами.

Саршен и Лезбай с любопытством наблюдали за собаками.

- Ох и пес у тебя — гроза, а не пес!
- Э, Маргау еще не пес, а щенок только.
- Как щенок? — удивился Саршен.
- Ему чуть больше полутора лет.
- Шутишь, наверное, — не поверил Саршен.
- В феврале прошлого года родился. А сейчас сентябрь. Вот и считай.

Гость призадумался.

— Мы соседи с тобой, Лезбай, — сказал он, помолчав, — наши овцы на джайляу рядом пасутся, головы наши — рядом на одной подушке. И обычаи у нас схожи: что понравилось гостю, то — его. Не пожалеешь же ты ради меня этого щенка?

Маргау в это время заигрывал с сучкой. А черный пес, похоже, стал чуть ли не дружкой на собачьей свадьбе.

Глядя на эту игру, Лезбай пошутил:

— Лучше бы сказал: на холмах отары соединяются, а в низине собаки.

Айган возмутилась:

— Что это вы болтаете? Ни стыда у вас нет, ни совести.

Саршен думал о другом.

— Пусть говорит что хочет, мы свои люди. Но я надеюсь, ради дружбы он щенка мне подарит.

Лезбай растерялся, видя, что Саршен не шутит.

— Ты же знаешь киргиза,— не отставал тот.— Проси что хочешь взамен. Верблюда проси — дам верблюда, кобылу проси — дам кобылу...

Выручила Айган:

— Это нам привез сын наш из города. Попросишь — и тебе такого же привезет. А к Маргау дети привыкли уже, так не терзай нас напрасно.

Лезбай подхватил:

— Сын говорил, там много их из одного помета. Через полмесяца обещаю вручить тебе.

— Не отдадим Маргау,— захныкали ребятишки.

— Уговор — божье слово, так, что ли? — переспросил Саршен.

— Аллах свидетель.

Саршен хотя и понимал, что это скорее сказано, чтобы не обидеть его, однако ушел с надеждой.

Плаксивые осенние тучи застилают небо. То целый день моросит мелкий дождь, то прольется ливнем с бурей и холодным ветром. Что ни говори, тяжелая и для людей, и для скота пора. Кажется, что время остановилось. Тоскливо кругом — и дома, и в степи. Промокшие овцы уныло толкуются на выпасе. Лезбай в брезентовом плаще с поднятым капюшоном в такие дни начеку.

— Маргау, ты иди с правой стороны, а я пойду слева. Маргау, ты иди впереди, я буду позади,— так целыми днями не сходит он с коня, отдавая распоряжения самому

себе и своему четвероногому другу. Маргау уже стал понимать приказания. Дважды не приходится повторять. Бежит, куда укажет Лезбай, и возвращает в стадо отбившихся овец.

...Был один из таких мутных дождливых дней. К обеду тучи стали расходиться, подул северный ветер; завывая, он ускорял свой бег, встряхивал тучи. И тогда дождь лил сильнее, словно мокрая пыль застилала все вокруг. Лезбай почувствовал, что продрог. На другом краю отары, тоже промерзший, Маргау подгонял овец.

Сквозь дождевую завесу показалась отара, которую гнали два чабана.

— Что за погода?! — пожаловался им Лезбай. — Зима, видно, решила нынче пораньше прийти. Крутит, выюжит — не продохнешь.

— Ежели озяб, можно согреться. Прихватил утром спирту с собой...

Лицо Лезбая посветлело.

— Вот что значит знать толк в деле!

— Я сам замерз. Потом думаю: наверно, и Лезбаю не сладко. Велел мальчишке повернуть отару сюда, — и чабан в шляпе с полями достал из-за пазухи бутылку и стакан.

— У тебя помощник, оказывается?

— Сын старшего брата. На тракториста, говорит, пойду. Еле отговорил.

Когда внутрь проникло тепло, Лезбаю показалось, что будничные, привычные невзгоды почему-то выросли, стали ровень с горой.

— У тебя-то есть помощник. А мне на кого опереться? Старший в Алма-Ате. Остальные еще малы. И жена больная.

— Какой там помощник. Конского повода не касался. Единственное, хоть рядом есть кто-то, мужчина вроде...

Тут залаяли собаки. Послышался крик.

— Вот видишь, только отведешь глаза в сторону, как уже что-то случилось.— С этими словами чабан вскочил на коня.— Эй, что там стряслось?

— Отары перепутались.

— А ты чего же смотрел? Шайтана пас?

Маргау с лаем подбежал к хозяину: «Отары перепутались. Скорей садись на коня!»

Но известное дело: тому, кто выпил, море по колено.

— Ну, смешались овцы, подумаешь. Разберем потом.— Лезбай не спеша взобрался в седло и тронул коня.

Чабан в шляпе хлопотал, разъединяя стада. Маргау носился с лаем за овцами, прихватывая клыками то одну, то другую.

— Ау, Леке, угомони ты своего пса. Всех овец распугал.

Лезбай придержал собаку. Чабан, браня на чем свет стоит помощника, отбил наконец своих овец. На это ушло чуть ли не полдня. К сумеркам Лезбай с горем пополам отделил свою отару и погнал овец домой. Маргау словно белены объелся. Носится от одной отары к другой.

— Ты что это дуришь! — разозлился Лезбай.

«Гав, гав! Чего сердишься? С тем стадом ушла целая кошара овец!» — разъяснил Маргау на своем языке.

Оказывается, собака нервничала не зря. На другое утро Айган недосчиталась около десятка маток.

— Столько лет прожил на свете, а до сих пор не поймешь: там, где эта шляпа с полями,— жди подвоха,— упрекала Айган Лезбая.

— Может, неправильно сосчитали? — усомнился он.

— Не один, а три раза сосчитали!

— Да вроде бы...

— Это для него привычное дело. В прошлом году обманул Саршена: напоил водкой и угнал часть овец. Поезжай сейчас же, пока не успел спрятать концы в воду, верни скот.

— Неужели человек мог пойти на такое? Может, ошибка вышла...

Лезбай взял с собой Маргау и очень неохотно, будто его волокли насильно, поехал к чабану. Тот был не так приветлив и добродушен, как вчера, встретил с прохладцей.

— Оу, что с тобой? Здоров ли? — спросил Лезбай.

— К шайтану такое здоровье.

— Случилось что-нибудь? — испугался Лезбай.

— Вчера отары перемешались, и, видно, часть моих овец осталась в твоей, нету десятка валухов.

— Что ты говоришь? А я пришел свою потерю искать.

Маргау совсем потерял покой. Носится вокруг загона и лает:

«Не верь ему! Наши овцы здесь, я их по запаху узнаю!»

Как бы подтверждая это, несколько овечек, уставившись на Маргау, потянулись к нему.

Хозяин был раздосадован.

— Эй, что это с твоей собакой! Вчера всех овец распугала и сегодня нам покоя не дает.

Он бросился к Маргау с лопатой в руке. Но Маргау не испугался. Застыл на месте, готовый к прыжку. Пусть только замахнется.

— Смотри, как бы не разорвал, — предупредил Лезбай.

Чабан опасливо отступил. Маргау сел на задние лапы и гулко пролаял: «Мало того, что овец наших угнал, еще клеветает».

Лезбай, однако, не придавал этому значения.

— Маргау, пошел прочь! — и повернулся к чабану. — Если твой скот остался у меня, поехали проверим. Если нет, давай я проверю твою отару.

— Выгоняй овец на выпас. Я вечером подъеду.

С этим Лезбай и воротился домой.

— Ну что, пригнал? — Айган приподняла голову от подушки.

Маргау вновь гулко залаял: «Никого он не пригнал. Наши овцы там. Я их сразу узнал».

— Вечером сам придет.

— Как это — придет, зачем?

— Похоже, у него тоже овцы потерялись.

— Пусть не хитрит, не выйдет! — возмутилась Айган и стала одеваться.

Лезбай попытался остановить жену:

— Бог с ним, со скотом. Погода сырая, а ты только из больницы. Как бы не простудилась.

Но Айган не послушалась. Оделась потеплее, перепоясалась и села на коня:

— Маргау, за мной! Посмотрим, чей у кого скот в отаре окажется.

Лезбай остался дома.

Когда Айган подъехала к месту, солнце было уже в зените. Чабан сразу сообразил, что Айган пожаловала неспроста. Он преградил ей путь:

— Я же сказал, что к вечеру сам приеду.

— Зачем ты приедешь? Тебя вроде никто и не ждет.

— Вчера с вашей отарой мой скот ушел.

— Ты брось эти штучки! В прошлом году Саршена надул. Верни наших овец.

— Если твои овцы здесь, верну. А если нет?

Айган не стала спорить. Пришпорила коня и поскакала к отаре.

— Айт, айт, Маргау! Ищи наших овец!

Маргау только и ждал этого. Он помчал к мирно пасущейся отаре и врзался в нее. Овцы испуганно кинулись в разные стороны. На истошные крики чабана Айган даже не оглянулась. Сидит на коне и ждет, как поступит Маргау. Через какое-то время он отбил овцу и отогнал в сторону.

— Ну что на это скажешь? Наша! — Айган показала на овцу.

Чабан смущенно молчал. Потом выдавил:

— Такая матка и у меня есть.

— Не ври!

Вскоре Айган пригнала домой всех отбившихся овец.

Через несколько дней она снова слегла. Снова приехали

врачи в белых халатах. Но в этот раз никуда Айган не стали увозить. Вернее, сама Айган отказалась ехать.

— Надоело мне мотаться к вам и обратно. Что будет, то будет. Хочу быть рядом с моими детьми. Не беспокойте зря.

Врачи на этот раз почему-то согласились:

— С одной стороны, это неплохо, дома останется. Одно условие: давайте есть что захочет, не ограничивайте. И еще: посуду и полотенце ее держите отдельно. Детей старайтесь не подпускать.

С этим наказом люди в белых халатах распрощались. Через несколько дней выпал снег, но пролежал он недолго, растаял. Айган подняла голову, когда шел снег, выпила чашку кипятка, а через день, когда снег растаял, распрощалась с этим миром навсегда.

На похороны Айган собрался народ. Обмыли, прочитали молитву и похоронили ее на высоком холме у въезда в эту долину.

— Очень удобное место для последней обители: отовсюду на виду, когда из аула едешь и когда выезжаешь из долины. Каждый увидит, помянет добрыми словами. Пусть земля ей пухом будет...— Так говорили люди, возвращавшиеся с похорон.

— Мамочка милая, на кого же ты нас оставила? — причитали, плакали сыновья Айган. — Чем мы тебя обидели?!

— Бедные сиротки!

— Да уж мать никто не заменит.

Какой-то старик из толпы сердито прервал:

— Дети что? Подрастут и забудут. Вот кому тяжело — это Лезбаю, уже сам в годах.

— Всем тяжело.

— Эй, Лезбай, значит, суждено было Айган умереть, — продолжал старик. — Теперь не воротить. Если не хочешь, чтоб дети голодали и дом развалился, подумай, как скорей встать на ноги. На попечении твоём весь наш скот. Тебе

нужен помощник. Возьми женщину в дом. Никто тебя не осудит.

Мужчины поддержали старика.

— Что это такое, еще не успели лицо Айган прикрыть,— возмущенно зашумели женщины.

— Пусть хоть земля подсохнет на могиле.

— Все они такие.

— Эй, козел комолый,— крикнула женщина в ослепительно белом жаулыке,— руку дам на отсечение, если на другой же день, когда ты помрешь, не посажу твою старуху на арбу и не спроважу за какого-нибудь холостяка.

— С чего это ты взяла, что я раньше своей старухи умру?

— Помыслы твои скверные. Аруах накажет тебя.

— Нет, пожалуй, ни одна порядочная не согласится, сколько ни уговаривай... Скажет, справь сначала сороковины...— вмешался еще кто-то.

Женщина в белом жаулыке не унималась:

— Назло этому сивому мерину — уговорю его старуху.

И старик не сдавался:

— Твой-то сколько лет назад умер? Чего сидишь до сих пор?

Кто-то из мужчин поддел:

— Наверно, не было такой свахи, чтобы уговорить могла.

— Шутки шутками, а Лезбаю стоит подумать,— сказал кто-то, и его поддержали.

С этим народ и разошелся. А Лезбай стал думать. Когда ударили морозы, на сороковины Айган приехал Каргабек.

— Леке, ты о чем размышляешь?

Что кроется за этим вопросом? Сочувствие ли, упрек ли?

Лезбай ответил холодно:

— А о чем я, по-твоему, должен думать?

— Зима на пороге. Ребята еще малы. Ты — один. Как же овец пасти будешь?

— Может, дашь кого в помощники?

— Одним помощником дело не обойдется, Леке. Надо человека, чтобы за детьми смотрел, а скот уже потом.

Слова попали, видимо, в точку, и Лезбай потеплел лицом:

— Думаешь, сам не понимаю. Да где взять такого человека?

— Давай поищем.

И Каргабек продолжил разговор:

— Как смотришь на Умсундык?

Лезбай задумался.

— Она человек неглупый. К тому же не чужая Айган. Думаю, что детей не обидит. Родственница ведь, хоть и дальняя.

— Кто знает,— засомневался Лезбай.

Несколько лет назад Умсундык с кружком самодеятельности, организованным на центральной усадьбе, ездила от джайляу к джайляу и пела. Тогда на нее многие заглядывались, и даже кое-какие сплетни водились. К тому же у нее нет детей. Неизвестно, в чем причина. Выйдя замуж, недолго прожила она с мужем и разошлась. Могло ли все это не тревожить Лезбая?! А с другой стороны, душевная она, характер ровный. Если, даст бог, сойдутся, должна вроде бы хорошо относиться к детям.

— Брось ты свое «кто знает»! Думаю, Умсундык не станет противиться. Съезди, поговори. Если откажет, что ж, поищем еще.

Сказав это, Каргабек сел в машину.

Лезбай совсем потерял покой. Утром, чуть свет, он сел на коня и, оставив отару на соседей, отправился в путь.

Соседний аул — это была молочная ферма — раскинулся у подножия холма. Здесь Лезбай сошел с лошади.

— Ой, Леке, что это вы ни свет ни заря? — встретила его Умсундык.

— Ради тебя приехал. Есть же песня такая: «Что бы там ни говорили, а жалко проститься с тем, кого знал».

Умсундык, видно, сразу поняла, о чем пойдет речь.

— Когда тетушка была жива, ты был похож на щенка, упавшего в молоко, а теперь, смотри, бороду сбрил, усы — щеголь, да и только! — пошутила Умсундык и, проходя, задела его бедром.

— А ты, плутовка, все такая же, прежняя.

Умсундык кокетливо закатила глазки.

Гость теперь держался свободнее:

— Ни у меня, ни у тебя, Умсундык, не гуляет ветер по гриве, уже не молоденькие. Жена моя умерла. Ты ушла от мужа. Я не тот, чтобы допытываться, кто виноват. Не станем копать в прошлом, у кого больше, а у кого меньше грехов. Если мне пятьдесят, то и тебе за тридцать. А это для женщины немалый возраст. Кого, думаешь, красит одиночество? Ты же знаешь, у меня двое мальчишек, стань им матерью.

— Ах, вот почему ты прислал ко мне свата.

— Какого еще свата?

— А Каргабека.

Лезбай ошетинился. Выходит, Каргабек приезжал и говорил от его имени? Но Лезбая этот вопрос мучил недолго, он всегда склонен был толковать чужие поступки в лучшую сторону. И подумал: «Молодец, Каргабек, неплохо, что ты заботишься о своих подчиненных!» Умсундык не поняла настроения Лезбая и продолжала игриво:

— Но своего жезде¹ мы знаем и без Каргабека.

Было подан чай. Вместе с ним и водка. Уперев колено в колено Лезбая, Умсундык наполнила граненые стаканы:

— Говоришь, приехал ради меня, а может, ради вот этой беленькой?

— Да, в точку попала,— засмеялся Лезбай.

— Если так, что ж, поднимем?!

— Что ж, давай поднимем. Овцы остались в загоне, дети — дома заперти.

¹ Жезде — муж старшей сестры или родственницы.

Лезбай провел день и еще ночь у Умсундык.

Наутро небольшие сани, груженные нехитрым скарбом, направились к дому Лезбая.

...Обычный будний день. По широкой, покрытой снегом равнине гуляет поземка. Лезбай на коне, идет за отарой Маргау, по привычке держится то слева, то справа — сторожит. Овцы, знающие запах собаки, спокойно пасутся, вонзая, как гвозди, свои маленькие крепкие копытца в хрустящий наст. Ушастое солнце слегка приподнялось над горизонтом и, словно зацепившись за что-то, повисло, безразлично взирая своим красным оком с хмурых небес на землю. Лезбай сошел с коня и некоторое время шел пешком, чтобы размять ноги. Потом снял со своего пегого удила и пустил на тебеневку, а сам взобрался на пригорок повыше и сел. Обычно в такие минуты Маргау особенно бдителен. Вытянув шею, осмотрел все вокруг. Всюду, куда достигает глаз, ни души. Тишина в белой долине. Ни шороха, ни подозрительного звука или тревожного запаха, и Маргау, удовлетворенный, подбежал к хозяину. Пегий не утруждает свои копыта. Он следует за отарой, хватая зубами под самый корень редкую травку, оставшуюся после овец. У Лезбая глаза прикрыты, голова покоится на небольшом камне — он отдыхает. Пес подошел и потерял носом о поношенную шубу. Запах, знакомый с щенячьих дней, — кисловатый запах овчины, пота — родной, добрый запах. Откуда знать Маргау о своих братьях, живущих в теплых городских домах и лишь по вечерам выходящих на прогулку в наморднике. Для Маргау в этом запахе заключено все самое дорогое на свете.

Лезбай открыл глаза. Повернувшись на бок, погладил собаку. Пегий-то спозаранок на ходу, устал небось. Пусть червячка заморит.

«Понял» — и Маргау трется крутым лбом о ладонь Лезбая. Его любовь и признательность ограничиваются вот такой скупой лаской. Лезбай не сводит с Маргау глаз:

— Хоть ты и песьей породы, а умнее иных двуногих.

Только произнес он эти слова, как Маргау сел на задние ноги и, дважды пролаяв, помчал куда-то.

— Похвалил тебя, так сразу и зазнался! — расхохотался Лезбай, поворачиваясь на другой бок. — Пес ты и есть пес!

Нет. Похоже, не похвала сорвала Маргау с места. С неистовым лаем он метался вокруг отары, потом подлетел к Лезбаю, все еще беспечно лежащему на пригорке, опять умчал: «Чего лежишь?! Скорее на коня!»

Вдруг овцы испуганно бросились врассыпную. Только теперь до Лезбая дошло, что нагрянула беда. Вскочив на коня, он поскакал в ту сторону, где скрылась собака. Лишь перевалив за холм, понял, в чем дело: серый степной хищник ползком уже почти подобрался к отаре. Но путь ему преградил Маргау. Шерсть на загривке дыбом, клыки оскалены, но похоже, не знает, как дальше быть.

— Маргау! Маргау! Айт, айт!

Услышав человеческий голос, серый вскочил и припустил вниз по долине. Маргау бросился за ним. Вот они уже перевалили за холм, скрылись в низине. Маргау настиг волка на подъеме следующего холма и, вонзив клыки в пах, с силой тряхнул мордой. Серый перевернулся и, вскочив, помчал дальше. Кровь из паха потянулась следом за ним, словно тесьма. Запах крови, видимо, возбудил древние инстинкты, и Маргау, забыв об опасности, продолжал преследовать волка. Серый исхитрился, взял в сторону. Они почти одновременно с волком спустились в овраг. И только тут Маргау заметил выскочившую откуда-то сбоку стаю. Она мчалась к нему, поднимая за собой снежную пыль. Летевший на выстрел впереди вожак пропустил раненого волка и схватился с псом. В этот момент второй волк вонзил клыки в правое бедро Маргау. Все вокруг поплыло в каком-то мареве. Но волчья стая вдруг словно исчезла, и перед взором Маргау явился летящей птицей пегий конь, потом возник Лезбай, отчаянно размахивающий камчой, раздался громовой крик и грохот выстрела. А дальше все стихло...

...Когда Маргау открыл глаза, первое, что увидел,— два волчьих тела. Одного из них он сразу признал по запаху: тот, за которым гнался.

— Видишь, вдвоем двух волков уложили. Пусть теперь сунутся сюда.— Лезбай привязал к седлу только что снятые шкуры. Пегий настороженно захрапел, перебирая ногами.

— Но-о, теперь не бойся их. Ну, Маргау, пошли!

Пес приподнялся. Но задняя нога была будто неживая. Маргау заскулил.

— Ах ты, бедняжка, тебе же чуть не отгрызли лапу. А я думаю, чего это ты разлегся? — Лезбай спешился, погладил собаку, поднял и положил ее на коня поперек седла.— Не печалься, скоро заживет, и опять будешь носиться, как прежде.

Когда Лезбай вернулся домой, дети и Умсундык, встревоженные, высыпали навстречу:

— Что так рано? Целы овцы?

— И овцы целы, и мы живы,— отозвался Лезбай.— Нате, несите домой, дубить будем.— И, отстегнув шкуры, бросил их детям. Сам же осторожно снял Маргау с коня.

— Что с ним? — испугалась Умсундык.

— Волки лапу изгрызли.

— Что же теперь делать?

— Лечить будем.

Лезбай нарезал прутьев тальника и стал что-то мастерить из них.

Пес неподвижно лежал, опустив голову. Дети бросили ему хлеба.

— Не ест,— удивился Дабыр.

Адыр тут же наскочил на брата:

— Если бы тебе волки ногу погрызли, стал бы есть? Маргау еще молчит, не плачет, а ты бы орал на весь двор.

— Не я, а ты вопил бы: «Ой, нога, ой, нога!»

— Хватит, чего разгалделись! — одернул их отец.— Если б не Маргау, волки бы всю отару перерезали.

У Адыра на глаза навернулись слезы.

Дабыр со злорадством воскликнул:

— А-а, только что хвастал, что не плакса. А сам?..

Плакса, Адыр — плакса!

— Если б отца заперли в тюрьме, ты бы тоже заплакал.

Умсундык еле уняла мальчишек.

Лезбай был похож на заправского костоправа. Он долго сидел на корточках, осторожно прощупывая ногу собаки. Похоже, искал, нет ли перелома или трещины в костях. Маргау успокоился, закрыл глаза — видно, стало легче.

— Он глаза закрыл! Умирает!.. — крикнул Адыр.

Маргау поднял голову и простонал — решил, наверное, не пугать ребенка.

— Зачем же ему умирать? Не умрет.

Лезбай насыпал лекарства в раны, потом обложил прутиками и перевязал...

Несколько месяцев ходил Маргау на трех ногах.

— Чего возишься с ним, тоже мне лекарь. Не легче ли избавиться? — говорили некоторые Лезбаю.

— Ему исполнилось только два года. Кость еще молодая, срастется.

И Лезбай оказался прав.

Маргау шел четвертый год. С первыми признаками осени отара начала спускаться в долину. Юрту и детей Лезбай еще вчера погрузил в машину и отправил. За отарой шел он сам и Маргау. Умсундык восседала на арбе, груженной казанами и прочим кухонным скарбом.

Лезбай в таких случаях не спешит. Он старается подольше держать отару на подветренных логах и собирается в путь позже, чем другие чабаны.

Перевалило за полдень. Время, когда овцы должны отдохнуть и поесть. Отара Лезбая к этому часу достигла узкого выхода из широкого джайлау, окруженного горами и поросшего густым сосняком. Впереди раскинулась ши-

рокая кегенская равнина, дальше — гора Кулык. А за той горой — зимовка, кошара для овец.

Солнце стало припекать — значит, спустились довольно далеко вниз. Лезбай придержал повод и спешился. Снял старую, пропотевшую шубу, положил в сторону:

— Эй, Умсундык, наступил час отдыха для скота. И мы отдохнем. Приготовь-ка чаю и прочего.

Умсундык с трудом сошла с телеги.

— Ау, что с тобой?

— Заболела я что-то.

— Утром же здоровехонькая была?

— Правильно, была, а теперь — другое дело. Разве ты не знаешь, как у женщин бывает?

Лезбай что-то пробурчал и, поставив телегу с наветренной стороны, решил сам позаботиться о чае. Умсундык прилегла, постелив на землю Лезбаеву шубу.

— Бедняга, я ж тебе давно говорила — выбрось эту рвань. Опять таскаешь за собой.

— Не шути с этой шубой, мне в ней всегда везет.

— Может быть, но потом от нее так и разит.

И Умсундык поднялась и перешла на другое место.

— Ладно, хватит придирааться. Ты ведь тоже не байская дочь. Лучше садись да разливай чай.

— Думаешь, я капризничаю? Говорю же — болею.

Лезбай вдруг припомнил Айган. За двадцать пять лет, которые они, сладко ли, горько ли, прожили вместе, она, даже тяжело больная, никогда не жаловалась на хворь. Лезбай горько упрекнул себя: что он за человек — не умеет слова резкого сказать. Уже шестой десяток, а все равно как был простофилей, так и остался.

— Горе ты мое, чай же весь выкипит! — донесся до него голос Умсундык.

Собака вдруг залилась лаем. Лезбай тревожно огляделся. Все вроде спокойно. Отбившихся овец не видно. Сгрудились все в ложбине и лежат.

— Маргау, Маргау!

Пес опять залился. Но где-то далеко. Лезбай увидел

Маргау, сидящего на самой макушке холма. Лаем призывает к себе хозяина. «Что там такое? Зря не стал бы лаять?!»

— Маргау, Маргау! На, на!

— Что-то он беспокоится, бедняга. Понапрасну не лает. Иди же,— сказала Умсундык.

Отпив глоток-другой чаю, Лезбай сел на коня. Рысцей поднялся на холм, а Маргау сидит у могилы Айган. У Лезбая навернулись слезы на глаза. Он спрыгнул с седла и, подойдя к собаке, обнял ее:

— Совсем замотался, забыл даже, что Айган здесь лежит!

Он опустился на колени и прошептал: «Пусть будет светел твой вечный путь, Айган. Пусть галчата, что остались после тебя, не узнают ни обид, ни огорчений». И провел ладонями по лицу. Могила за два года осела, Лезбай подбросил земли, поправил покосившуюся оградку.

— Что так долго? — недовольно спросила Умсундык.

Лезбай промолчал. Сидя боком в седле, подъехал к отаре и поднял ее.

— Ау, хозяин нашего дома, уж не услышал ли что-нибудь? Как бы в степи не остаться. Запряги коня, телегу поправь!

— Телега собрана! Что ее поправлять, все на месте,— и Лезбай тронул коня.

Умсундык недоуменно покачала головой:

— Не иначе, как что-то ему привиделось!

Она запрягла коня, собрала посуду. Взгляд ее упал на старую шубу. Подняла ее и брезгливо бросила в сторону.

Маргау спустился с холма, глянул на то место, где совсем недавно еще был привал, и принюхался. Шубу, черневшую на траве, он узнал по запаху. Лезбай же отъехал довольно далеко. Чуть поближе громыхает на камнях телега с посудой и Умсундык. Собака сбежала вниз и остановилась возле шубы. Да, это был запах Лезбая. С тревожным лаем пес бросился вдогонку хозяевам, дал круг возле телеги, пролаял: «Погляди, шубу

оставили, шубу!» Умсундык не шелохнулась. Тогда Маргау догнал Лезбая и закружился возле отары: «Шуба твоя осталась, шуба».

Лезбай подтянул повод, посмотрел на пса:

— Чего разгавкался?

Маргау залаял настойчивей: «Шуба твоя осталась, шуба!»

Лезбай удивился. С отарой все в порядке, овцы целы. Оглянулся назад — Умсундык трусит следом.

— Чего это пес разлаялся?

— Откуда мне знать, если ты сам не знаешь. Хозяин ведь...

Лезбай промолчал. Зло свое сорвал на пегом коне: покружив плетью над головой, огрел его и помчал туда, где отара стала раскалываться. Маргау вновь залаял. Поняв, что Лезбай не вернется, ринулся обратно, к шубе. Странно. Почему они оставили ее здесь, а сами уехали? Непостижимо просто. И он опять догнал Лезбая, и опять стал лаять. Удивленный необычным поведением пса, Лезбай пришел к единственному выводу: жалко ему оставлять Айган здесь. И мне говорит: «Там Айган осталась, куда же ты едешь?»

— Айган умерла. Перестань, Маргау! — прикрикнул Лезбай.

Но Маргау залаял с еще большим ожесточением.

— Дашь ты мне покой сегодня или нет? — и Лезбай стегнул пса кнутом.

Впервые хозяин ударил Маргау, и пес поначалу сел на землю и горько завыл, а потом помчался назад. Даже не оглянувшись на хозяина, который, видимо, поняв, что поступил несправедливо, позвал: «Маргау, Маргау!» Пес прибежал на место привала. Он уселся на шубу и стал выть. Но отара уходила все дальше и дальше.

Прошел месяц. Лезбай собирался перегонять отару с осенних пастбищ на зимовку. Сначала он был уверен: «Умная собака, должна непременно вернуться». Но с каждым днем им стали овладевать сомнения, и он все чаще

задавался вопросом: «Куда же она девалась?!» Может, Маргау встретился с волчьей стаей? Или кто-нибудь из чабанов убил собаку от зависти?! А может быть, обиделся пес? Но почему он вел себя так странно — беспокойно? Или...

В общем, пока суд да дело, отара Лезбая спустилась в долину на зимовку, а собака не появлялась. Маргау стал уходить из памяти. Даже дети почти перестали вспоминать о нем. О Маргау напоминали только пропавшие в буран овцы или подобравшиеся к отаре волки.

— Если был бы Маргау, хромая овца не осталась бы в степи.

— При Маргау волк не посмел бы так близко подойти к отаре!..

Приближалась к концу зима. В доме Лезбая совсем забыли о Маргау. Пропала собака, и след простыл.

А случилось неожиданное: впервые собака и ее хозяин Лезбай не поняли друг друга. Маргау своим лаем подсказывал, что Лезбай оставил шубу, а тот по-своему связал это с могилой Айган. Потом неожиданный удар камчой, чего раньше не бывало, — этот поступок Маргау понял как приказание: «Чего растявкался, если забыл что-то, постереги, пока не ворочусь!»

И Маргау остался сторожить шубу своего хозяина. Остался надолго. Днем вглядывался в дорогу или, задрав морду и раздувая ноздри, искал в воздухе запах Лезбая. И никак не мог понять — зачем оставили черную шубу? Почему так долго не возвращается Лезбай? Проголодавшись, начинал ловить мышей в степи. Утолив голод, снова возвращался к шубе. Маргау помнил унаследованную от предков одну из обязанностей — сторожить, и он преданно исполнял эту собачью обязанность.

Однажды сильно завьюжило в степи, ветер закручивал снег, вздымал его ввысь. Маргау схватил черную шубу, перетащил ее в овраг и пристроился там за большим камнем, в затишье. Вовремя успел Маргау найти укрытие.

Бурани, свирепствовавший всю ночь, занес снегом овраг до самых краев, в том числе и камень, возле которого устроился Маргау. Кругом белым-бело. Настоящий сонар!¹

На склонах гор дремлют ели под тяжестью снежных подушек на ветвях. Собака побегала, разминаясь. Потом поднялась на холм. Могила Айган оказалась под снегом. Все вокруг до самого горизонта гладко и бело, ни единого следа — словно лист белой бумаги. Внимание собаки привлек старый журт — бывшая летняя стоянка Лезбая. Маргау сбегал туда. Знакомые места. Вот здесь обычно лежал он. Вон там любил отдыхать Лезбай. А тут — запах, поползла струйка, — Умсундык. Земляной очаг, казан... Адыр и Дабыр — о них напоминает все кругом. Маргау явственно чуял своих, и перед ним предстали картины летних дней. Маргау казалось, что он, как наяву, вдыхал знакомые запахи. Пес поднял нос кверху и завыл долго, протяжно, заполняя степь печальным звуком. Все нутро обжигала тоска. Почему он, оторвавшись от дома, который стал ему родным с тех пор, когда он впервые открыл глаза, почему он теперь один на этом заброшенном журте? Теплый уголок, кости, мясо, которые давала Умсундык... Как захотелось Маргау быть там, с ними, и он облизнул нос.

Его забота — скот, люди, но никогда не заботила его пища. А теперь — перепадает за день какая-нибудь мышь. А завтра, может быть, и не перепадет?!

Обнюхивая старый журт, Маргау нашел половинку черствой, примерзшей лепешки. Как железо, катаешь — стучит о камень: дзинь, дзинь. Маргау принес хлеб на место Лезбая и там долго возился с ним, стараясь разгрызть. Перевалило за полдень. Маргау слизнул последние крошки хлеба и огляделся. Перед ним, совсем недалеко, сидела волчица. По телу пробежала дрожь. Как же Маргау не заметил ее раньше и подпустил так близко своего извечного врага? Маргау ошетинился и зарычал, волчица легла

¹ Сонар — первая пороша, пора охоты.

на брюхо и завильяла хвостом — призыв к миру, к дружбе. И медленно ползет к собаке. В ответ Маргау тоже вильнул хвостом. Потом вскочил, уперся задними ногами в землю, вытянув передние перед собой, и кокетливо потянулся. «Полюбуйся, вряд ли приходилось тебе видеть собак красивее меня!»

Волчица ползком приближалась к Маргау. Он не растерялся. С молодцеватым видом в два-три прыжка оказался рядом с волчицей и понюхал под брюшком. Но, кроме хитрого расчета, волчица, видно, не испытывала никаких чувств. Однако старается скрыть это и потому часто виляет хвостом и поскуливает. У Маргау зародилось подозрение, и только он вытянул шею, чтоб оглядеться, как увидел вдали три точки, стремительно летящие к ним. Раздумывать было некогда. Маргау круто повернул и пустился наутек. Волчица, лежавшая с жалким видом на брюхе, резко вскочив, устремилась за Маргау. И все же у длинноногого Маргау шаг оказался шире — он стал удаляться все быстрее. Уходить-то он уходил от волков, но беспокойство не покидало его: куда бежать? Яснее месяца — волчья стая, напавшая на след, ни за что не отстанет. А может, они, разбившись на группы, устроили ему засаду? Бежать на могилу Айган? Но земляной бугорок не защита. Секундная нерешительность чуть было не стала роковой. Расстояние между ним и волчицей, летевшей на выстрел впереди других, резко сократилось. Маргау, чувствуя, что погоня настигает его, прибегнул к хитрости. Теперь он бежал ленивой трусцой, нарочно медленно. Еще немного — и волчица нагнала его и уже приготовилась с лету вонзить клыки, но тут Маргау пригнулся на всех четырех лапах. Волчица по инерции пролетела дальше и трижды перевернулась. Пес мгновенно подскочил к ней и, вонзив клыки в горло, тряхнул ее несколько раз, бросил и побежал дальше. Волчица осталась лежать неподвижно. Из трех волков, подоспевших к месту схватки, один остался возле волчицы, а двое продолжали погоню. К этому времени

Маргау уже достиг своей «норы» и ловко нырнул в нее. Волки остановились у входа, учуяв, видно, запах человека, исходящий от шубы, и не решились лезть в нору. И все же Маргау настороже: вдруг волки станут разрывать снег, чтобы подобраться к нему? Черную шубу он взял в зубы и положил поближе к входу. И, лежа в норе, заметил: за ночь от его дыхания снег внутри укрытия подтаял и образовалась ледяная корка, которая должна выдержать тяжесть волков, злобно суетящихся вокруг норы. Но волки не осмелились приблизиться. Часа два вертелись около камня, не раз принимались выть, а как стало темнеть, ушли.

Маргау вышел из норы. Огляделся, втягивая морозный воздух. Волки были уже далеко. Стояла прозрачно-чистая тишина. Он подумал о волчице и удивился, что не уловил чужого запаха. Теперь, когда Маргау отовсюду грозит опасность, надо быть всегда настороже. Стоит только сделать неверный шаг, как может случиться беда, потому что раненный в схватке с волчицей Маргау еще не окреп и тягаться со степными хищниками, пожалуй, сейчас ему не под силу. Маргау, по воле случая, предстоит серьезная, труднейшая борьба за жизнь, а это значит — умножить внимание, быть бдительнее. Прямые схватки с врагом нежелательны, к этому можно прибегнуть на худой конец. Там — одно из двух: или умрешь, или убьешь. А зачем ему, собственно, рисковать? Маргау вырос у человека, не заботился ни о еде, ни о собственной жизни. Он был под покровительством человека. А теперь?

Теперь же все иначе — лучше спрятаться, пригнуться. О былой беспечности надо позабыть. Впитав эту истину всем своим существом, пес долго стоял, вслушиваясь в глухое безмолвие. То и дело поворачивая морду в разные стороны, втягивал воздух. Наконец, не уловив ничего подозрительного, он побежал туда, где упала волчица. На снегу кровь. Натекло много. Кое-где заметны следы клыков — это волки хватали снег с кровью. Судя по тому, что место, где упала волчица, потемнело, она лежала долго. Маргау,

довольный собой, потягиваясь, походил вокруг места схватки и вернулся к себе в нору. Он почувствовал голод. Не хотелось покидать свое убежище из уплотнившегося от мороза снега, но голод упрямо тянул наружу. Что делать? Маргау вошел в густой сосновый бор на склоне холма. Увидел след пробежавшего зайца. Но не пошел по следу. На вершине сосны прыгала с ветки на ветку белка. Он долго наблюдал за ней. Белка и не помышляет сойти на землю, жилище и корм ее — на вершине дерева. Если б ветка обломилась! Маргау еще подождал, однако потерял всякую надежду схватить белку и побрел дальше. Неожиданно его остановил запах медведя. Подошел осторожно к дереву — из-под сугроба валит пар. Маргау не задержался, обошел берлогу — с медведем шутки плохи. Опять пересек след. Холмик земли впереди — нора. Маргау даже не остановился. Преследовать сурка в норе — все равно что переплыть океан. Наступил полдень, когда Маргау наткнулся на тальник, окруженный густыми зарослями чилика. Это было то, что он искал. Он разгреб старые сухие ветки и листья и очень легко вытянул из-под них сонного барсука.

Насытившемуся Маргау опять вспомнилась шуба, и он огляделся. Оказывается, довольно далеко он ушел. Возвращаться по прежнему следу не стоило, и он помчался напрямик. Неожиданно ворвался знакомый притягательный запах человека и коня. Маргау так обрадовался, что протяжно и радостно завыл.

Из бора, задевая головами ветви, выехали два всадника. С ружьями через плечо, следом — собаки, Маргау хотел по привычке помчаться к ним и присоединиться, но, подумав, остановился. Люди — разные, хорошо, если признают одинокого Маргау. А если нет, кто может поручиться, что они не пристрелят его как бродячего пса? И он подался в сторону.

Залаяли собаки и бросились в его сторону. Видно, напали на след Маргау. Охотники тоже пришли в воз-

буждение и стали кричать. Лес наполнился лаем, криками, улюлюканьем.

— Гляди, вон побежал черный волк с белой мордой! Другой охотник возразил:

— Что ты мелешь? Разве бывают черные волки?

— Да я собственными глазами видел.

— Это, наверное, наш Кыргын, а не волк.

— Нет, Кыргын тогда был вон в той стороне.

«Спорьте, спорьте,— подумал Маргау,— а мне бы не попасться вам на глаза». Чувствуя, что собаки преследуют его, он нырнул в чащу. И тут навстречу выскочил такой же черный с белой мордой пес и ринулся к нему с рычанием, но неожиданно остановился.

«Р-р-р! Что тебе нужно?» — в голосе Маргау нет ни злости, ни примирения.

Пес-охотник завилял хвостом и, подойдя к Маргау, встал рядом. На носу белые горошины. А все остальное черное как уголь, без единой крапинки. Маргау подошел поближе к черному с белой мордой псу и дважды лизнул ухо. И еще один знакомый собачий запах. Перед Маргау явилась черная сука, которая приходила с чабаном киргизом Саршеном. Две собаки, отец и сын, постояли, почти касаясь друг друга грудью, словно люди после долгой разлуки. Но тут совсем близко раздался конский топот. Шерсть начинавшего дичать Маргау стала плотной, щетиистой. Он рванулся в кусты. Кыргын, продолжавший стоять неподвижно, залайл:

«Зачем уходишь? Останемся вместе».

Маргау ответил басистым, гулким лаем:

«Служба. Сторожу шубу моего хозяина, Лезбая».

Подоспели охотники.

— Вон, вон побежал! А ты говоришь, черных волков не бывает! А это что, если не черный волк? — сказал первый охотник.— Кыргын, Кыргын, вперед! Кыргын, взять!

Кыргын не двинулся с места. Он стоял на месте и выл.

Саршен сначала тоже стал науськивать Кыргына, но вдруг его осенило:

— Ойбай-ау, да это же собака Лезбая. Он, бедняга, места себе не находил: собака, мол, потерялась. Маргау, Маргау! На, на!

Маргау не оглянулся. Великий инстинкт, сложившийся веками, вел его к черной шубе.

— Допустим, можно понять, что та собака не побежала к нам. Мы чужие для нее. А что случилось с Кыргыном? — удивился спутник Саршена.

Саршен расхохотался:

— Тут есть секрет.

— Какой?

— Наш Кыргын — сын этого самого пса.

Спутник Саршена умолк.

Саршен, похоже, принял какое-то решение:

— Ну, парень, поехали к зимовке Лезбая. Расскажем ему, что видели его собаку, и возьмем с него суюнши¹.

— Это же далеко?

— Далеко, но нет такой дали, куда бы копыта конские не дошли.

Охотники направились к зимовке Лезбая.

Услышав весть о Маргау, Лезбай сразу же после отъезда Саршена стал собираться в путь. Адыр и Дабыр, узнав, что Маргау жив, заспорили — кому ехать с отцом.

— Ехать не ближний свет. Замерзнете, — остановил их Лезбай и отправился один.

По дороге Лезбай думал о том, почему же Маргау остался на журте². Вон могила Айган — рукой подать. Ниже — место, где он осенью сделал привал и напился чаю. Маргау покинул его здесь. Но до места, где его видел Саршен, еще далеко. Вдруг пегий со звездочкой захрапел. Лезбай только подумал: «Эй, что с тобой?» — как увидел

¹ Суюнши — вознаграждение за хорошую весть.

² Журт — здесь: место привала.

впереди себя собаку. Лезбай не предполагал, что встреча с Маргау будет такой скорой. Перед ним был Маргау, но шерсть у него гуще, шея мощнее. Лезбай прищпорил коня.

— Маргау, Маргау, на, на!

Маргау, обычно стрелой мчавшийся к нему навстречу, даже не шевельнулся. Лишь поднял морду к небу и издал непонятный звук, не похожий ни на собачий лай, ни на волчий вой. Лезбай приближался, подзывал: «На, на!» Маргау пятился назад. Глаза красные, налиты кровью. В них блеск гнева: «За что ты заставил меня охранять старую шубенку и скитаться всю зиму?» Лезбай сошел с коня и сделал шаг вперед:

— Маргау, иди ко мне!

Маргау снова попятился. «Что с ним? Уже не узнает меня? — растерялся Лезбай. — А ведь говорят, что собака и через десять лет узнает хозяина».

— Маргау, это же я, Лезбай. Дома остались Дабыр, Адыр. Они просились к тебе, плачут. Канат все там же, в Алма-Ате. Летом мы опять поднимемся на этот джайлау. И тогда Канат станет приезжать к нам с ночевой.

Вдруг Лезбай, оглядев место, где сидел пес, обнаружил за ним вход в нору. У входа чернеет что-то. Лезбай повернулся к норе. Не обращая внимания на слабое протестующее рычание Маргау, он носком сапога расширил вход, разбив ледяную корку, и вытащил то, что чернело. Невероятно — это оказалась его шуба! Кажется, теперь он понял тайну собачьего поведения. Маргау караулил шубу, нечаянно забытую на журте. Лезбай покачал головой. Хоть смейся, хоть плачь. Смеяться? Но разве не заставит любого задуматься такая бесконечно бескорыстная собачья преданность? Плакать? Но разве постижимо: остаться в голой степи и сторожить рваную шубу?! Лезбаю вспомнилось, как он поднимался с этого места. А если разобраться — всему виной Умсундык. Как-то он спросил у нее: «Где моя шуба?!» Умсундык ответила: «Выбросила». Но тогда он и не подумал, что исчезновение шубы и собаки так тесно связаны. Лезбая жгла досада. Он злился не

то на себя, не то на Умсундык, на ее чрезмерную чистоплотность. Он схватил шубу и отбросил ее далеко в сторону. Маргау оскалил клыки и зарычал: «Если шуба не нужна, что же ты раньше не сказал?» Лезбай не испугался рычания и смело двинулся к собаке. Маргау завыл и, обиженно пролаяв, затрусил прочь.

— Маргау, Маргау!

Лезбай, запыхавшись, поднялся за псом на косогор. Маргау, видимо, понял это и, подбежав к сосне, лег, повернувшись к Лезбаю. Точь-в-точь волк, готовый к прыжку. Осознавший свою вину чабан, задыхаясь, подбежал к Маргау и протянул руку:

— Маргау — хорошая собака. Маргау не станет кусать хозяина. Маргау — добрая собака, Маргау не тронет Лезбая.

И правда — Маргау зарычал, но не сдвинулся с места. Как только теплая ладонь Лезбая коснулась лба Маргау, он прикрыл глаза и вытянулся, расслабившись. Что в этом мире может быть лучше, чем жить у человека, ощущать тепло его рук. Потом глянул искоса, будто спрашивая: «В самом ли деле ты Лезбай?» Он лизнул руку, щеку, ухо хозяина. Да, Маргау простил. Лезбай крепко обнял Маргау.

— Эх, пес ты мой, пес! — Он снял ремень и продел через ошейник. — Ну, Маргау, пошли домой!

Тот же, прежний, мягкий и заботливый голос. Маргау, видно, вспомнились былые дни, и он, нехотя поднявшись, последовал за хозяином.

Лишь на следующий день Лезбай с Маргау прибыли к зимовке. Все здесь знакомое, родное. И двор, и запахи. Незнакомой оказалась какая-то рыжая собака. Ревнует Лезбая, что ли, вышла навстречу с громким лаем. Она даже не послушалась Лезбая.

— Перестань, Сары-каска!¹

¹ Сары — каска — буквально: Рыжий со звездочкой.

Собака оскалила зубы и рванулась навстречу, будто спрашивая: «Кто тебя звал сюда?»

Маргау тоже прорычал: «Я-то из этого дома. А ты вот откуда взялась?»

Но ярость желтого пса не убывала:

«Это наш дом, убирайся, пока не поздно!»

Маргау, нехотя прорывав, пошел по другую сторону коня:

«Лезбай ведь сказал: перестань. Не будь глупой, перестань!»

Однако Рыжий, видимо, расценил это по-своему. Предчувствуя, что приход Маргау не случаен, решил припугнуть наперед и первым вонзил клыки. Маргау круто обернулся и, стрелой набросившись на рыжего пса, схватил его за шкуру, мотнул несколько раз из стороны в сторону и отпустил. Он гордо поднял голову, всем видом показывая свою независимость и силу. «Я не в таких переделках бывал, с волками сражался. Ну, что ты мне сделаешь?» Рыжий пес едва не лишился сознания. Он уходил, показываясь. Долго еще доносился его жалобный вой.

— Эх ты, сказано было тебе: перестань, вот и получай, что заслужил,— говорил, смеясь, Лезбай.

Услышав лай собаки, весь дом высыпал во двор.

— Маргау, ой, Маргау! — Дабыр и Адыр стали наперебой бросать ему хлеб.

Но Маргау был стоек и равнодушен.

— Смотрите, дети, поосторожней: это не прежний Маргау, может и укусит! — предупредил Лезбай.

Дети в испуге замерли.

— Эх, да этот лохматый пес не наш, он не Маргау! — воскликнул Дабыр и попятился. — Наш Маргау не такой большой.

Адыр, стоявший позади, долго вглядывался в пса. Глаза их встретились, и тут Адыр вскричал:

— Маргау, конечно, это Маргау, чего обманываешь! — И, подбежав, обнял собаку. — Маргау, Маргау, куда же ты убежал от нас? Я так соскучился по тебе!..

Маргау проскулил и стал лизать ноги мальчика. «Я ведь не забыл тебя, Адыр. Я сразу вспомнил твои умные глаза и светлое личико»,— будто признавался пес.

Так Маргау легко восстановил прежние отношения с детьми, однако с рыжей собакой примирился не сразу. Поначалу он не подпускал Рыжего к себе, считая его шумным глупцом, но позже понял, что он, несмотря на то, что набрасывается с лаем на всякого, кого увидит, по натуре своей существо беззлобное. Когда дают пищу, он не дерется из-за нее. И за отарой ходит, все время оглядываясь на Маргау: мол, правильно ли я поступаю? Поэтому у Маргау оттаяло сердце. Понял это и Рыжий со звездочкой. Теперь он без Маргау и шагу не ступит. Когда Маргау, учуяв что-то, бросается вперед, наполняя степь гулким басом, то Рыжий со звездочкой следует за ним мгновенно. Заливаясь высоким лаем, он готов разделить с Маргау любую опасность. Одним словом, Рыжий служил Маргау, Маргау — Лезбаю, а Лезбай — совхозу — и все было дружно и хорошо. И надо же было случиться такой беде!

Глава третья

ОДИНОЧЕСТВО

Два дня пролежал Маргау в тальнике недвижимо. Не один раз появлялась знакомая машина с красной полосой. Взяв с собой Умсундык, парень в милицейской форме прочесал чуть ли не все кусты в округе. И звали Маргау, кричали аж до хрипоты, но Маргау не шелохнулся. Какая опасность угрожает ему, Маргау не знал, но чутьем своим понимал: вылезать из укрытия нельзя, и все плотнее прижимался к земле, свертываясь клубком в густом тальнике. Однажды преследователи остановились как раз напротив

тайника Маргау — их разделяла только узенькая речка, — как хорошо, что он перебрался на другой берег! — его не заметили. Умсундык даже привела на берег детей:

— А ну-ка, покличьте вы эту проклятую собаку.

— Чего зря звать, — стараясь быть равнодушным, ответил Адыр. — Маргау все равно не придет.

— Почему? Если знакомый позовет, почему ему не прийти? — не унималась Умсундык.

— Вы уже вон сколько раз звали, не пришел ведь. Вы же тоже знакомая.

— Что говорит этот щенок?! — Умсундык раздраженно схватилась за голову.

А Адыр с мудростью взрослого продолжал:

— Папа, помню, рассказывал, хорошая собака гордо умирает, никогда на людях смерти своей не покажет. По-моему, наш Маргау именно из таких. Вот и убежал...

Умсундык промолчала. Пока солнце взойдет, роса глаза выест. Все равно что иголку в стогу сена — искать эту собаку. Махнула с досады рукой и направилась к дому. Милиционер, потеряв надежду найти Маргау, схватил рыжего кобеля.

— Это Сары-каска. Совсем не та собака, — запротестовала Умсундык.

Синяя фуражка и слушать не стал:

— Если одна взбесилась, то и другая взбесится. Отвезем, проверим.

Умсундык беспомощно опустила руки — возражать было явно бессмысленно. Единственно пожелала:

— Нет, нет, не может быть, чтобы бешеная, хоть бы вернули. Как-никак собака сторожевая.

Рыжего пса посадили в машину. А вскоре скрылась и машина с красной полосой.

...Маргау лежит неподвижно, вытянув морду на бугорке. Неожиданно у реки, прямо перед собой, он увидел Умсундык. Женщина зачерпнула воды и удалилась. Уже около дома ее встретил какой-то всадник:

— Ау, где Лезбай? Позови-ка.

— Нет его дома. Уже три дня, как уехал в район.

Почему она не скажет, как было? Почему скрывает правду? Все так просто: водка кончилась, и Лезбай спустился в долину. Каргабек протянул руки к Умсундык. Маргау должен был защищать и защитил свою хозяйку, едва не загрыз Каргабека. Все кончилось дракой. Приехала милиция, Лезбая забрали. «И почему люди хитрят, лгут?» — Маргау в который раз как бы задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Однако Маргау не дремал, уши улавливали малейший шорох, доносившийся с того берега.

— Лезбай задержан. Дело приняло крутой оборот. Каргабек, говорят, взбешен.

Услышав имя «Лезбай», Маргау, стосковавшийся по своему хозяину, начал было стонать, тихонько подвывая. Мальчики, игравшие за домом, замерли, прислушиваясь.

— Не Маргау ли наш стонет? — спросил Адыр растерянно.

— Где? — встрепенулся Дабыр.

— Мне показалось, будто Маргау воет.

— Правда, и мне тоже показалось, — поддержал бра-тишку Дабыр, хотя он ничего и не слышал.

Умсундык, провожая всадника, наказывала ему:

— Передай Каргабеку привет. Обиды обидами, а зачем губить человека. Какая ему выгода от того, что посадит Лезбая в тюрьму?

Когда всадник уехал, Умсундык погнала овец на пастбище. Маргау охватила тревога. Ему, привыкшему сопровождать овец в любую погоду, было невольно молча наблюдать за удаляющейся отарой.

Беспорядочным гуртом овцы устремились к реке, на водопой. Маргау тоскливо заскулил: все пятьсот овец до последнего ягненка знакомы ему. Он хорошо знает характер каждой, повадки и даже запах. Вон того выхолощенного барана с изогнутыми рогами Маргау сразу узнал. От него исходит какой-то странный запах. Конечно, ведь Лезбай всякий раз — в степи, в кошаре — ловит его и смазывает каким-то лекарством. А та овечка с белой

звездочкой на лбу очень ленивая. Как-то раз Лезбай и Маргау с трудом нашли ее в степи. А вон того козла, который все норовит отделиться от отары, Маргау так ударял грудью, что тот катился кубарем.

Первая к водопою подошла серая овца, дородная, оновательная. Маргау и Лезбай любят ее: Лезбай — за то, что каждый год она приносит по четыре ягненка. Он и корма задает ей отдельно от других, побольше.

Серая овца напилась, а потом долго стояла, всматриваясь в тальник на противоположном берегу. Учужала ли запах Маргау, кто знает, но начала блять. Маргау не выдержал, потерял покой; забыв об опасностях, он сделал рывок, чтоб перескочить на другой берег, но боль сковала его. Он снова припал к земле, глухо простонав.

Овцы, утолив жажду, одна за другой удалялись. Маргау попытался встать, но силы оставили его. Почувствовав свою беспомощность, он прикрыл глаза.

Так продолжалось несколько дней: без еды и без воды Маргау лежал в тальнике. От Лезбая никаких слухов. Рыжий со звездочкой тоже как в воду канул. Не появлялась и машина с красной полосой. Куда-то девались и всадники, которые наведывались к Лезбаю. Будто забыли, что есть на свете Лезбай. А дома? Обычная суета, будничные хлопоты. Овец теперь пасет Умсундык, правда, выгоняет она их позднее прежнего, а пригоняет раньше. Когда овцы уже на пастбище, просыпаются Адыр и Дабыр. Попоют коже¹ или айрану и идут к реке. Там они играют. Рокот ущелья, сооружают горы, строят дворцы. Все чаще и чаще вспоминают дети отца: и почему его до сих пор нет?

Адыр объясняет:

— Наш отец в районе на собрании. Как только кончится собрание, он сразу вернется домой.

¹ Коже — напиток из кислого молока с отварным пшеном, рисом или пшеницей.

Дабыр молчит: так это или не так, только по душе ему эти слова.

— А больше всего Маргау жалко. Уж он-то не на собрании. Значит, может не вернуться...— рассуждает Адыр.

— Откуда знаешь, может, он за отцом побежал? — попробовал успокоить брата Дабыр.

— Ну да, как же Маргау побежит, если у него нога сломана?

Маргау снова не выдержал — мальчики так часто называли его имя. Он приподнял голову: раз-другой пролаял и тихо завыл.

Адыр насторожился:

— Слышишь — Маргау, это его голос, Маргау!..

— Вроде бы да...

Мальчики, стоя у самой кромки воды, позвали:

— Маргау! Маргау! На, на! Маргау, на!

Маргау с трудом выполз из тальника:

— Гав! Гав!

Адыр увидел первым:

— Вон Маргау!

— Я тоже вижу! — воскликнул Дабыр.

— Маргау, Маргау! Иди сюда!

Маргау не двинулся с места.

— Не идет,— обиделся Адыр.

— Плохо зовем,— оправдывался Дабыр.— Маргау, на, на! Маргау!

Но Маргау не двигался. Адыр предложил:

— Он же проголодался. Ему надо скорей поесть!

Мальчики побежали домой и вскоре вернулись с хлебом, маслом, мясом. Маргау, голодавший три дня, жалобно заскулил и чуть-чуть прополз вниз. Бедро снова невыносимо заныло. Может, поэтому у Маргау и вырвались звуки, похожие на детский плач.

— Маргау зовет нас, пойдем к нему на тот берег.

— Ты маленький, поскользнешься, упадешь в воду, я пойду один,— сказал Дабыр брату.

— А ты держи меня за руку, и я не упаду.

— Утонешь. Тогда Умсундык меня убьет.

Собака вновь пролаяла.

— Слышишь, Маргау зовет меня: «Иди, говорит, скорей». — Дабыр полез в воду.

— Нет же, он говорит: «Не оставляй Адыра, переходите вдвоем».

Маргау опять залаял.

— Вон, сам же слышишь, — настаивал Адыр.

— Ладно, только держись за меня крепче.

Мальчики осторожно ступают по дну. Но на середине реки вода вдруг вспенилась и зажурчала как будто сильней.

— А не упадем? — спросил Адыр со страхом.

— Ты, может, и упадешь, а я нет, — хвастливо ответил Дабыр и пошел впереди.

Но с первым же шагом он почувствовал, что течение захватило его и понесло ниже и ниже, в глубину. Адыр, испуганный, осторожно нащупывал дно, продолжал медленно продвигаться к берегу. В это время Дабыр нащупал ногой большой камень и окликнул брата:

— Эй, иди сюда ближе!

Он занес ногу, чтобы встать на камень, и, едва дотронувшись до скользкой поверхности валуна, очутился под водой.

Захлебываясь, он выпустил из рук масло и мясо. Тем временем Адыр не торопясь достиг берега и оглянулся. Хвастливый герой уже бежал к дому.

— Эй, а где мясо и масло?

— Уплыло.

— Ты принесешь?

— Нет.

— Почему?

— Ты хочешь, чтоб я утонул из-за собаки?

— Не утонешь. Не бойся.

Однако Дабыр не вернулся.

Проголодавшийся Маргау мгновенно проглотил лепешку, подполз поближе к Адыру и благодарно лизнул ему

ноги. Мальчик не остался в долгу — он нежно гладил собаку по голове.

— Где же ты, Маргау, пропадал целых три дня?

Маргау вместо ответа жалобно заскулил.

— Знаю, знаю, ты спрятался. И хорошо, что спрятался. А то бы тебя тоже увезли, как Рыжего. Теперь вряд ли он вернется.

Солнце стало уже клониться к горизонту, а мальчик и собака все сидели вдвоем.

Вдруг Маргау поднял голову к небу, повел носом и пополз в кусты.

— Маргау, куда ты?

Маргау не вернулся. С той стороны раздался голос Дабыра:

— Адыр, переходи скорей обратно. Умсундык идет. Ругаться будет.

Только теперь Адыр понял, почему уполз Маргау.

— Эй, Дабыр! Не говори Умсундык-тате, что мы видели Маргау. А то посадят его в машину и отправят в район. Ладно?

— Ладно. А ты давай скорее назад.

— Как я перейду? Что я теперь, из-за того, что она ругаться будет, утонуть должен, что ли? Иди помоги!

— Еще чего! Хочешь, чтобы и я утонул?

— Или пусть придет и сама меня переведет на тот берег.

— Она не переведет. Гляди, еще побьет тебя.

— Пусть бьет...

— А ты будешь плакать.

— Ну и пусть...

Дабыр не знал, что дальше говорить. И тут раздался голос Умсундык:

— Эй, детки, где вы? Помогите овец загнать.

Дабыр побежал и вскоре вернулся с Умсундык.

— Вон он сидит, вон.

— А зачем он перешел на ту сторону?

— Не знаю. Вроде Маргау увидел, что ли,— ответил Дабыр, помолчав.

Адыр закричал:

— Врет он, тате. Не верь ему. Я не говорил ему. Я не говорил, что видел Маргау.

— А зачем перешел?

— С Дабыром поспорили. Он говорит: «Ты маленький, не перейдешь. А я, говорит, большой, я могу перейти». Я назло и перешел. А Дабыр, хоть и большой, упал в воду, когда шли.

— Да, да, тате. Врет Адыр,— начал было Дабыр, но Адыр показал ему кулак с того берега.

Умсундык провела пальцем по щеке в полном недоумении: «Что это они?»

Адыр не умолкал:

— Скажи, неправда, что ты упал? Ага, не признаешься?

К счастью, Умсундык не придавала значения словам о собаке. Подняла подол платья и, перейдя на тот берег, перенесла Адыра на руках.

— Вот к чему приводит упрямство. А если, упаси аллах, утонул бы, что бы я тогда твоему отцу сказала?

Маргау зевнул в своем укрытии. Если бы он был человеком, то, конечно, сказал бы: «Выходит, это тебя больше мучило бы, чем гибель ребенка?»

Пес добрался до своего логова и устроился поудобнее. Похоже, еда его больше не заботила. Да и не это главное. Одна у него печаль — Лезбай. Стосковался по нему, по теплым хозяйским ладоням. Конечно, если бы Лезбай был дома, Маргау не лежал бы здесь. Его место там, около дома. Лезбай так же, как позапрошлой зимой, потер бы ему бедро, поставил бы кости на место, посыпал лекарством рану, перевязал. Потом, через некоторое время, Маргау вылез бы. Маргау положил голову на бугорок и завыл...

Сегодня седьмой день, как Маргау не выходил из тальника. Хорошо, что теперь его кормят. Как только

Умсундык уходит с отарой, Адыр и Дабыр подходят к берегу и бросают Маргау еду. Ползком спускается он к берегу и ловит все, что летит к нему с другого берега. Потом шумно лакает воду.

Сегодня, как и всегда, Умсундык погнала пасти отару, а Маргау, в отличие от прежних дней, не стал ждать прихода ребят. Он спустился к реке и начал выть с какой-то щемящей тоской в голосе.

Дабыр и Адыр забеспокоились.

— Давай скорей, Адыр. Слышишь, Маргау зовет. Наверно, проголодался сильно, раньше он так не выл,— то-ропил Дабыр.

А у Адыра мысли совсем другие:

— Знаю, знаю!

— Что ты знаешь?

— Почему воет Маргау.

— Ну и почему?

— Сегодня отец приедет.

Дабыр слезливо простонал:

— Папочка, папочка, на кого нас покинул? Если бы ты знал, как я по тебе соскучился.

— Чего нюни распускаешь? Будешь реветь — не придет отец. Что тогда станем делать?

Дабыр вытер слезы.

— Тогда давай отнесем Маргау поесть.

Маргау к тому времени, волоча заднюю ногу, уже перебрался на этот берег. Подойдя к дому, он стал лаять, глядя на дорогу.

Когда Адыр и Дабыр вышли из дому с хлебом, с косточками, Маргау уже был около дверей. Дабыр и Адыр поразились такой смелости.

— Я же говорил, что проголодался. Видишь, проголодался и сам пришел,— говорил Дабыр, бросая Маргау еду.

Маргау в два-три глотка съел все, что дали ребята, и, наострив уши в сторону низины, стал лаять. Ребята глянули туда и увидели темневшую вдаль машину. Она двигалась сюда.

Адыр чувствовал себя победителем:

— Я же говорил, отец едет. Маргау первый учуял, что едет отец, видишь — вот и вернулся.

Дабыр промолчал. Может, и вправду отец едет? Спори́ть с Адыром даже взрослому трудно. Как говорится, палец в рот не клади — откусит.

Чем ближе подъезжала машина, тем больше волновались и дети, и Маргау. С громким лаем собака, волоча ногу, бросилась навстречу машине. С криками: «Отец, отец!» — побежали ребята. Но вот машина остановилась, и из кабины вышел не отец, а Канат.

— Ой, это же ага — брат наш!

— Алакай, алакай!¹ Ага приехал!

Канат поцеловал младших братьев, которые повисли у него на шее:

— А где тетя Умсундык?

— Ты бы лучше про отца спросил,— обиделся Адыр.

Канат нахмурился:

— Я знаю, Адыр, где отец.

— Ну и где он?

— Заезжал дорогой в райцентр, оказывается, его отправили в Алма-Ату.

Мальчики, опечаленные, умолкли. Маргау пролаял несколько раз, как бы возмущаясь: «Что же страшного он сделал?»

— Э, Маргау дома, оказывается?

Мальчики заговорили наперебой:

— Когда отца увозили, Маргау спрятался.

— Маргау учуял, что ты едешь, и вот только сейчас подошел к дому,— пояснил Адыр.

А разве не все равно, отец приехал или ага, когда всем так тяжело.

Опустив братишек на землю, Канат направился к Маргау, который, скуля, подползал к нему.

¹ Алакай — радостный возглас.

— Маргау! Маргау! Ты меня узнал?

Маргау завилял хвостом, выражая радость и признание:

«Гав, гав! Еще бы не узнать! Я ведь был еще слепым щенком, когда тебя узнал! Еще вчера мой нос уловил твой проезд, вот и вылез я из укрытия».

Канат удивился: Маргау был как две капли воды похож на свою мать — Джейхун. Он погладил собаку по спине. Маргау приподнялся на передних лапах. Потом долго лаял, глядя Канату в глаза, будто жалуясь. Глаза собаки навевали печаль: «Каргабек опозорил твоего отца. Посягнул на его честь. Я сам, видишь, покалечен, мальчики без отца. А Каргабек наслаждается свободой».

— Хоть когда-нибудь, лишь бы вернулся,— продолжал Адыр.

Канат провел рукой по ноге Маргау, тот вздрогнул, огрызнулся. Но не было в нем гнева, это говорила боль. Другая собака на его месте, наверно, жалобно скулила бы, прося о помощи. Маргау же... гулко пролаял и умолк. У собаки явно переломано бедро, догадался Канат. Если не оказать ей срочную помощь, вряд ли поправится. Это было очевидно. Канат вопросительно взглянул на братьев:

— Отец вернется, а как быть с Маргау?

Адыр, не по возрасту мудрый, ответил:

— Агатай, заberi Маргау с собой в Алма-Ату. Если тут останется, из района приедут и его все равно пристрелят. И если даже не пристрелят, то Умсундык зла на него, все равно не оставит в живых.

Канат задумался. Конечно, он не знал подробностей разыгравшейся здесь драмы, лишь имел кое-какие свои предположения, более того, убежден был — в этой истории замешана Умсундык. Недаром сказано: «Слухом земля полнится, и иголку в стог сена не утаишь». Те, кто приезжает из аула в Алма-Ату, многозначительно усмеваются, другие откровенно осуждают Каргабека. Канат болезненно воспринимает все это. Однажды, не выдержав, он сказал отцу:

— Отец, аул полон пересудов и сплетен. Надо положить этому конец.

Но отец и не думал прислушиваться к его словам, отрезал:

— Дорогой мой, людская молва разве станет малышам моим матерью, а мне — женой? Пусть болтают!

И вот к чему привели беспечность и отцовское сердоболие. Что делать? Одно — высказать Умсундык в глаза все, что накипело в душе, все, что о ней думает. И что? Нет, это неразумно. Надо сначала узнать подробнее о случившемся и тогда только решать. Канат знал, что встреча с мачехой до добра не доведет, и принял крутое решение:

— Эй, Дабыр, Адыр, быстренько одевайтесь и — в машину. Повезу вас в Алма-Ату, к отцу.

Дабыр с радостным криком побежал к дому. Адыр оставался на месте.

— А Маргау куда? Оставим одного?

Канат посмотрел на собаку. Думая об отце, он совсем забыл про нее. Маргау лежал, расслабленный, неподвижный, положив морду на лапу и искоса поглядывая то на старшего брата, то на младшего. Пес встретился взглядом с Канатом и тихо заскулил: «С первых дней я честно служу вам. Семь дней прятался в кустах, семь дней ждал отца или тебя. Я стал калекой, и вы теперь бросите меня?» Канату показалось, что Маргау именно так и говорит ему. Вспомнился шлагбаум при въезде в Картугай. На той стороне свирепствовал ящур. Карантинный пост проверяет каждую машину и проводит всех пассажиров по опилкам, залитым специальным раствором. Как же провезти собаку?

— Наверное, придется оставить.

— Что вы, агатай, — встрепнулся Адыр, — нельзя оставлять. Только мы уедем, Маргау умрет, убьют его.

— Карантинный заслон на пути, все равно собаку не пропустят.

— Тогда и я не поеду, останусь с Маргау.

Маргау каким-то своим чутьем понял по выражению

лиц, о чем идет разговор. Залаял, глядя на Каната. И тому послышалось: «Что ж, если не хочешь, не надо. Так тому и быть. Да сопутствует вам удача!»

— Ладно, рискнем, Адыр, идите, одевайтесь. Заберем и Маргау.

Обрадованные, дети побежали к дому.

А вскоре «Жигули» развернулись и скользнули в низину по той же самой дороге, которая и привела их сюда. Собака и Адыр устроились сзади. Дабыр и Канат впереди. Их уводила извилистая дорога джайляу.

Неожиданно откуда-то со стороны раздался женский голос:

— Эй, Канат, стой!

Канат оглянулся и увидел Умсундык на коне. Сердце так и обмерло. Не хотел ведь он с ней встретиться, как же теперь быть?

Голос Умсундык слышен теперь совершенно явственно:

— Какой позор — не повернуться, когда зовут? Стойте, говорю вам!

Вишневые «Жигули» свернули на обочину. Маргау заполнил все вокруг своим лаем: высказывал недовольство остановкой или не хотел видеть Умсундык.

Умсундык без тени приветливости, скорее, пожалуй, холодно, сдержанно процедила:

— Что это ты убегаешь, даже поздороваться толком не соизволил?

— Никто не убегает, — хмуро ответил Канат.

— Зачем приезжал?

— Захотел — приехал. Захотел — еду обратно.

— Как ты со мной разговариваешь, дорогой! Может, ты думаешь, это я отца твоего упекла за решетку? — взъерилась Умсундык.

— А кто же? Я все знаю. Не прикидывайся невинной овечкой, Умсундык.

— Ах, гниль, ты что говоришь? Что ты знаешь? — Умсундык подхлестнула коня и подъехала к машине

вплотную, готовая к нападению. — А-а, вон оно что, собака для тебя дороже меня, оказывается? Ты за ней приезжал?

— А ты думала — за кем? За собакой и братишками.

Глаза Умсундык вспыхнули от ярости, зло сверкнули.

— Тогда заберите еще свою скотину. Не хватало еще, чтобы я собирала ваше дерьмо! — И, резко развернув коня, она поскакала прочь.

— Еще как будешь собирать! Пришла бы к отцу, если бы не его скот и добро?! — крикнул Канат ей вслед. Гнев душил его, у него дрожали руки и ноги, и он с трудом сел за руль.

Мальчики молчали. Машина вновь вышла на дорогу. Слева вдоль хребта бежит речка Каркара, будто состязаясь с машиной. Река, постепенно вобрав в себя воду из всех встречных саев — оврагов, серебряных ключей, слезливых ручейков, становится полней, наливается мощью, и шум ее течения удивительно гармонирует со звуками мотора. Прошло довольно много времени. Канат вел «Жигули» в объезд холма Айган. Маргау залайл, высунув голову в боковое стекло, он как будто чего-то требовал. Почему он вдруг так заволновался? Маргау помнит в этой округе все до мелочей: от пробежавшего мимо мышонка до каждого сая — оврага, пригорка, лощинки: «Эй, Канат, эй, Адыр, подождите! Ведь на этом холме лежит ваша мать, задержитесь хоть на минуточку, чтоб постоять у ее могилы!» Может, Маргау совсем о другом говорит: он ведь впервые едет в машине, но горд этим или огорчен? Однако никто не попытался понять волнение собаки. Мальчики, впервые едущие в город, размечтались. А мысли Каната, сидящего за рулем, все еще вертятся вокруг пренеприятной сцены. Хотя холм оставался уже далеко позади, но все же он еще виднелся. Мать, нашедшая здесь последнюю обитель, благословляет трех своих сыновей и желает им блага в пути.

— Ай, Адыр, что это твоя собака разбушевалась? — спросил Канат, у которого настроение заметно падало.

Адыр и на этот раз не растерялся. Он посмотрел на

Маргау, потом поглядел в окна налево, направо, пытаюсь понять, что же могло встревожить Маргау.

— Агатай, остановись!

Канат нажал на тормоза.

— Мы проехали Айган-тобе. Там мамина могила. Вот почему лаял Маргау. Я это понял.

Канат стал себя укорять за то, что, проезжая мимо могилы матери, не вспомнил о покойной, и вышел из машины. Мальчики последовали за ним.

— Агатай, давай вернемся, хоть постоим немного.

— Давайте, — поддержал Дабыр.

Канат задумался на минутку. Солнце уже клонилось к закату, а дорога дальняя. К тому же надо дать крюк километров сорок — пятьдесят, чтоб объехать контрольный шлагбаум, иначе Маргау в городе не бывать. «Что делать? — задумался Канат. — Какой жестокий мир, и нередко бывает, что человеческая теплота должна вступать в конфликт с общественными порядками. В таких случаях кто не растеряется: туда повернешь — телега сломается, сюда — конь сдохнет».

— Мать умерла, ее не вернешь, но мы ее помним, и сейчас нам необходимо срочно позаботиться о живом отце, — и Канат сел в машину.

Неизвестно почему, но, когда машина тронулась, Маргау приткнулся мордой к заднему стеклу и долго скулил. Канат чувствовал себя виноватым перед памятью матери, да еще этот собачий не то что вой — стон. Он прикрикнул:

— Замолчи, Маргау! И без тебя тошно!

Маргау, как-то виновато оглядевшись, умолк.

А Канат по-своему истолковал собачье завывание: «Прости, Айган, сыновей своих, не огорчайся! Они у тебя неплохие. Не остановились возле тебя, но они спешат сейчас. Не задерживай их». Дети, которым вспомнилась мать, сидели нахохлившись, как птенцы.

Солнце повисло над горизонтом, готовое вот-вот погрузиться в горы. Чем ближе подъезжал Канат к развилке, тем больше задумывался: «А не рискнуть ли поехать пря-

мо?» Помог случай: встречный шофер, знакомый еще по аулу, объяснил, что пост проверяет машины, идущие из города, отсюда же путь свободен. Преодолев контрольный пост, машина вышла на асфальт и, набирая скорость, легко помчалась к городу. Братья заметно повеселели. Молчал лишь Маргау; он, похоже, был подавлен тем, что можно, оказывается, бегать так быстро по вольной степи. Он уезжал, может быть, навсегда, от привычных степных просторов. Перед ним выросал огромный город, раскинувшийся у подножия гор в белоснежных шапках, затянутый голубоватой дымкой. Здесь живут люди, а что он, этот неизвестный город, сулит ему, Маргау?

Глава четвертая

СКИТАНИЯ

Чем ближе они подъезжали к городу, тем больше встречалось машин, громоздких и малых. Может быть, поэтому и земля стала тесней, и воздух плотней, и дышалось труднее. Особенно худо приходилось, когда обгоняют, изрыгая клубы черного дыма, громадные грохочущие машины. Этот смрад сжимал горло, перехватывал дыхание. Маргау совсем потерял покой. Он начал скулить, царапать дверцу: «Куда меня везете, где моя привольная, широкая степь?»

Конечно, он не может объяснить, что за беда приключилась с Лезбаем, почему его нет, почему он сам должен был скрываться от людей. И все же чуткий Маргау хорошо понимал, чувствовал каждой своей клеткой все их беды в прямой связи с машинами, с этим отвратительным запахом дыма и бензина.

Почти у самого города Канат вклинился в ряд машин и вскоре остановился. Это был настоящий ад. Маргау,

не терпящий бензина, сделал вдруг для себя открытие: этот неприятный смрад выстреливался струей из железных ящиков, откуда трубки протягиваются к подьехавшим машинам. И люди здесь почему-то озабоченные, сердитые, ругаются, кричат друг на друга. Ни единой улыбки — все хмурые. Маргау готов был ринуться в бой, прыжок-другой — и вся толпа мгновенно рассеялась бы. Но тут к ним приблизилась очередная громадина, из кабины высунулась голова с глазами навывкате.

— Эй, мелюзга, чего тут торчишь? А ну-ка, давай отсюда вместе со своей собакой!..

Даже всегда сдержанный Канат пришел в ярость. Он хотел было ответить как следует этому пучеглазому, но остановил чужака Маргау, который уперся передними лапами в боковины открытого окна и, высунув голову, оглушительно рывкнул: мол, помолчи, глотку перегрызу! Лупоглазый водитель быстро пришел в себя и, подойдя к Канату, сказал:

— Э-э, да это же великан среди собак!

— Отойдите, не то выпущу собаку! — кипел Адыр. Пучеглазый попятился.

— Моя собака не раз таким языкастым рот затыкала! — в восторге добавил Адыр.

— Ну и псина! В жизни такую не видел! — бормотал водитель, удаляясь.

Машина остановилась перед высоким домом.

— Вот здесь живет ваша женге Нагира, — сказал Канат, выходя из машины.

— А ты где? — спросил с удивлением Адыр.

— Я тоже здесь живу.

— Тогда почему ты говоришь о ней отдельно?

— О, ваша Нагира-женге замечательный человек!.. — Видно, Канат хотел подготовить ребят к встрече с ней. В общем, он не без причины стал нахваливать свою жену.

Имя Нагира Маргау слышал не однажды. В летние знойные месяцы эта светлолицая рыжеволосая женщина

не раз приезжала вместе с Канатом на джайляу. Он помнит ее запах: его не спутаешь ни с чем, это особый, единственный запах. От Каргабежа запах как из чрева ада, от нее — все благоухает. И еще. Нагира не похожа ни на одну из местных женщин. Обычно они хлопочут то в овечьем загоне, то у очага с казаном, а Нагира любит сон. И спит до тех пор, пока Лезбай не придет к полудню пить чай. Потом с Канатом она идет к речке, купается, загорает, опять купается. Потом смазывает себя сильно пахнущей жидкостью. Маргау не очень нравилось это благоухание, но не сравнишь же его с запахом водки и бензина. И он прощает ей этот запах еще потому, что Нагира красивая, со всеми и с ним, с Маргау, добра.

— Ну что молчите? — обратился Канат к братьям. — Вон даже Маргау хвостом виляет, услышав имя Нагира.

— Посмотрим, как встретит. Тогда и узнаем, хороша или плоха. А ты, Маргау, не прыгай попусту, — Адыр потянул пса за ухо. — Ну, пошли.

Маргау заскулил и опять завилил хвостом, словно прося помощи: «Я же сам не смогу сойти».

— Маргау не может идти, давайте поднимем его, — сказал Адыр.

Канат достал из багажника веревку, продел ее под живот собаки и два конца вручил ребятам.

— Передние ноги здоровые же, ими Маргау пусть сам идет. Третий этаж. Ну, поехали...

...Дверь открыла Нагира. Маргау узнал ее сразу.

«Гав, гав!» — так он приветствовал хозяйку дома.

Хоть в голосе собаки несколько не было зла, Нагира попятилась, схватившись рукой за сердце.

— Не узнала, Нагира! Это же Маргау! — неизвестно почему, Канат говорил громко.

— Какой еще Маргау? — прошептала в страхе Нагира.

— Да обыкновенный! Как ты могла забыть — это же отцовский волкодав, от скольких бед выручал он отца.

Нагира, кажется, вспомнила. Но радости это ей не принесло.

— Что с ним?

— Кто-то попытался баранов украсть из отары, да Маргау помешал, однако, видишь, как его покалечили.

— И что, поэтому привез его сюда чуть ли не с края света? — уже с издевкой спросила Нагира.

— Ой, Нагиражан, это же тот самый щенок, которого, помнишь, я покупал пять лет назад,— оправдывался Канат.

— А какая мне разница...

Канат почесал затылок. Нагира вроде смягчилась:

— Две маленькие комнатки, где же тут собаку держать?

Мальчики переминались с ноги на ногу у порога, не смея войти. Маргау по привычке положил голову на пол и лежит неподвижно, зорко наблюдая за жестами и лицом Нагиры. Неприветливость женщины его не огорчила. Видно, давнее чувство пробудилось, всплыло вновь, заставляя время от времени помахивать хвостом. Потому как Нагира не принадлежит в его понятии к числу злых и недобрых женщин.

А Канат все уговаривает жену:

— Нагирочка, ты же у меня умница. Отец, сам знаешь... Маргау — это собака, которой он дорожит не меньше, чем детьми. Если завтра он спросит: «Где моя собака?» — что мы ему скажем?

Нагира, кажется, только теперь заметила детей:

— А вы чего тут стоите, стенки подпираете? Марш в комнаты!

Адыра, стоявшего с сердито надутыми щеками, словно прорвало:

— Как же нам проходить?! Мы ехали с радостью — в городе наша Нагира-женгей живет, соскучились по ней. А ты встретила будто скалкой по лбу.

Нагира повернулась к мальчику и застыла в удивлении.

На лице ни тени злости. Наоборот, в глазах веселые искорки. Канат решил воспользоваться моментом:

— Так тебе и надо. Вот и поговори еще со своим деверем Адыром!

— Ой, да это ты, Адыр? Ох, как ты вырос, ну настоящий джигит! — и Нагира, приподняв Адыра, поцеловала в щеку.

Неожиданно залаял Маргау, гулко, на весь дом — он по-своему выражал свою радость.

— Ой! Еще укусит, чего доброго, — испугалась Нагира.

— А что? Так ласково встречаешь, что может и укусить! — поддел Канат.

— Не бойтесь, Маргау не укусит, — с наивностью мальчишки стал уверять Адыр. — Маргау знает, кого и когда кусать.

Канат расхохотался. Нагира тоже звонко смеялась, ее умилял Адыр.

— Язык-то у него как стрела! В роду у вас вроде бы не было острословов. В кого ты такой языкастый пошел?

А Адыр продолжал:

— Один день не покормите — и конец вам. Скажи, Маргау, разве не так?

Маргау в подтверждение слабо простонал.

Нагира повеселела.

— Не бойся, Адыр, и кормить будем, и поить. Это твой дом, располагайся в нем. Если я была не в духе, то из-за вашего брата: поехал за отцом, а привез собаку.

И Нагира повела мальчиков в комнату.

— Нет, женгей, я не могу туда пойти, если Маргау останется у порога.

— И собаку твою проведем на почетное место. Только сначала выкупаем, покажем доктору.

Маргау не ошибся, хотя Нагира и встретила их с прохладцей: женщина она доброго нрава.

Всю ночь Маргау вел себя беспокойно. Ему, выросшему в привольной степи, этот коридор показался узким логовом. Он стеснял дыхание, лишал покоя. Маргау несколько

раз подходил к двери и царапал ее. «Не шуметь после одиннадцати вечера» — таково условие городской жизни. Но Маргау оно не волновало. Он то и дело гулко лалял, нарушая сон спящих. Канат даже выводил его на улицу. Но пес не переставал лаять. Проснулись Адыр и Дабыр. Нагира уже потеряла всякое терпение, и Адыр пытался ее успокоить:

— Ты знаешь, женгей, Маргау соскучился по отцу. Когда сюда ехали, он ведь не лалял. Он думал, что увидит моего папу. А его нет. Поэтому он лает, говорит: «Зачем меня сюда привезли? Найдите его!» Если бы сейчас вошел отец, Маргау сразу бы успокоился.

Нагира понимает, что это желание самого мальчишки. Если бы Лезбай вернулся...

— Он ничего не украл, никого не обманывал. Не станут же человека ни за что держать. Скоро придет наш отец.

— Вашими бы устами да мед пить, женгей! Пусть сбудутся ваши слова.

Нагира удивилась, что маленький Адыр, как взрослый, знает даже эту поговорку.

Успокоившаяся была собака вновь залаяла. И тут же раздался звонок.

— Кто там? — недоуменно спросил Канат, раздраженный бессонной ночью.

— Открой же! Сосед ваш, — сказал строгий голос.

Дверь открылась. В ней появилась лысая голова. Канат, понимая, что этот поздний визит не сулит ничего доброго, был предельно вежлив:

— О, сосед! Извините, что не узнал сразу. Проходите.

Сосед, не обратив внимания на приглашение, возмущенно спросил:

— Что за мода держать в квартире собаку? Спать людям не даете.

— Понимаете ли... — начал было Канат объяснять ситуацию, но сосед резко оборвал:

— Ничего не хочу понимать. Уберите с глаз долой этого пса. Иначе вызову милицию.

— А что, разве милиция запрещает держать собак?

Сосед удивленно огляделся, когда услышал детский голос. Откуда он? И увидел за лежащей на полу громадной собакой мальчика. Канат обернулся и замялся. Невольно улыбнулся и сердитый сосед:

— Ты кто такой речистый?

— Мужчина.

Сосед захохотал.

— Вижу, что мужчина. Я не о том спрашиваю: кто ты такой? — неуверенно спросил сосед.

Адыр продолжал наступать:

— Если знаете, что мужчина, зачем спрашивать?

Соседу, видно, хотелось разговорить мальчонку. И он начал поддевать его:

— Подумал, не собачонка ли это рядом с таким псом сидит?

— Если дожили до этих лет и не можете отличить человека от собаки, что с вами разговаривать? — Адыр махнул рукой.

Сосед почувствовал некоторую неловкость:

— Эй, да этот курносый, я вижу, не хуже своего пса огрызается!

— Чем быть плохим человеком, лучше быть хорошей собакой, — ответил Адыр.

Теперь уже неловкость испытал Канат. Он одернул брата:

— Адыр, не говори так. Наш сосед — большой ученый. Он профессор университета, в котором ты станешь учиться, когда вырастешь.

— Нет, самая хорошая собака — это же Маргау. А меня можете просто щенком назвать.

— Да мальчонка-то этот — не промах! — воскликнул лысый, удивленно глядя на Каната, потом повернулся к Адыру: — Собака у тебя — нехорошая собака. Хорошая собака лежала бы и молчала. Что толку в собаке, которая лает всю ночь и не дает спать ни вам, ни нам.

Адыр подошел к соседу поближе и стал шептать с детской наивностью:

— Маргау, знаете, страшно тоскует. Он приехал сюда повидать моего отца. А его нет. Как же ему после этого не лаять?! Я тоже соскучился по отцу. Спать всю ночь не мог. Но я молчу. Если бы я кричал и плакал вместе с Маргау, то, наверное, и ваша жена пришла бы нас ругать. Но я не плачу...

И все же у Адыра из глаз покатались слезы. Заметив это, Маргау залаял. Адыр подбежал к нему и обнял за шею. И тут мальчик заплакал навзрыд.

— Молчи, Маргау,— кричал он сквозь слезы.— А то тебя увезут и застрелят. Понял? Молчи, если ты умный, лежи — и ни звука!

Чем больше успокаивал пса плачущий Адыр, тем громче лаял Маргау. Весь огромный муравейник, населенный людьми, наполнился детским плачем и собачьим лаем. Из дальней комнаты показалась Нагира. Она была подчеркнута сдержанна:

— Оу, милый сосед, чем мы провинились, что среди ночи гостя нашего обижаете? Думаете, от хорошей жизни мы собаку эту здесь держим? Вот выйдет наш отец, и тогда ни мальчишку, ни собаку тут на аркане не удержать, укатят к себе в степь. Потерпели бы день-другой...

Сосед теперь, видимо, сожалел о своем вторжении. Единственное, что сказал:

— Будьте же поосторожней. Что хорошего, если среди ночи собака лает, лишая всех покоя,— и закрыл дверь.

— Спасибо, агасы¹,— сказал Канат, щелкая задвижкой.

Так провел Маргау свою первую ночь в городе...

Лезбай и Маргау, будучи почти всегда с отарой, привыкли спать мало. Бывало, притулятся где-нибудь, в степи ли, дома ли, несколько минут подремлют и тут же вста-

¹ Агасы — обращение к старшему.

ют — идти за отарой. А в городе все не так. Приходят с работы, ужинают. Потом смотрят телевизор, ложатся в мягкую, пуховую постель и спят всю ночь, которая собаке показалась бы вечностью.

Вот и сейчас: уже давно рассвело. Солнце уже высоко поднялось, в эту пору овцы направляются к водопою, а Маргау мчится по душистой, пахнувшей травами широкой равнине, подгоняя отару к реке. А эти еще и глаз не открыли. Коридор — будто щель: не повернуться. Даже хорошего шагу не сделаешь. Маргау затосковал по степи. Ему захотелось ощутить острый запах полыни, земли, овечьей шерсти, пегого коня и Лезбая. Все внутри горит от этого желания. Маргау невольно открыл пасть. Пламя, сжигавшее все нутро, словно птица, вырвалось из стесненной груди резким и долгим звуком. Канат и Нагира, только на рассвете сомкнувшие глаза, испуганно вскочили.

— Это же не жизнь! Что дальше будет? — спросила Нагира.

Канат ничего не ответил. Взглянул на часы и заторопился:

— Ой, да уже восемь! — и стал одеваться.

— Что с собакой-то будешь делать?

Неожиданно вспомнились Канату слова Адыра, сказанные этой ночью. Уместные слова, которые и взрослому на ум не придут.

— У этого пса действительно душевная тоска, как говорит Адыр. Надо, наверно, какую-нибудь одежку раздобыть.

Нагира запротестовала:

— Ты хочешь из-за старой одежки машину гонять за триста километров?

Канат промолчал. Нагира тоже больше ничего не спросила. Так они молча позавтракали. Надо отдать должное, не забыли и о Маргау. Намочили черного хлеба в воде, налили остатки пищи. Потом взяли его и вдвоем вывели на улицу.

Пробило девять часов. Машина Каната выехала на

улицы города и затормозила перед каким-то высоким зданием. Поток людей тянется то с одной, то с другой стороны и, сливаясь в один, протекает в большую дверь.

— Кажется, мы поняли друг друга? — сказала Нагира, выходя из машины. В голосе — многозначительность.

— Адыр не будет плакать?

— Неужели мы не сможем утешить семилетнего ребенка?

Канат задумался:

— А отец обидится, это точно. Скажет, зачем привез, если такое дело, не трогал бы...

— Ладно, ты тут не расписывай страхи и ужасы. Кончай волынку. Некогда мне. Людям нужен покой. Сделай, как уговорились, и скорей возвращайся. — С этими словами Нагира направилась к зданию.

Канат и Маргау остались одни. Вряд ли Маргау понял, о чем они говорили, но, поглядев на Каната равнодушными глазами, в которых не было ни зла, ни ласки, глухо пролаял. Канат погладил собаку — не то ему стало жаль ее, не то хотел смягчить свое жестокое решение:

— Прости, Маргау. В городе тяжело. Ты калека. А у нас нет условий тебя содержать, ухаживать за тобой. Что делать, придется отдать тебя в руки тех, которые ездят с машиной и собирают собак. Другого выхода нет.

Маргау не издал ни звука. Казалось, он готов был мужественно встретить любой удар судьбы.

Машина тронулась. Она долго блуждала по улицам. Остались позади маленькие дома — вровень с землей, и важные — высокие, и длинные, и короткие. И улицы были разными. Одни короткие, как козий хвост, — только началась и, глядишь, уже уперлась в тупик, другие длинные, — сколько ни едешь, а конца все нет, и тенистые, словно зеленый лес у подножия гор, или голые, словно новорожденный, прямые, как чинара, или кривые, как ствол саксаула.

— Обычно они проходу не давали, куда же сегодня подевались эти собачники? — с досадой проговорил Ка-

нат.— Может, подъехать прямо к пункту приема собак.
А где он, этот пункт?

Канат обратился к прохожему:

— Не подскажете ли, как проехать к пункту, где принимают собак?

Прохожий подошел к машине:

— Как вы сказали?

— Пункт по приему собак где может быть?

Прохожий заглянул на заднее сиденье, где, занимая всю половину машины, сидел Маргау.

— Извините, пункт по приему собак, говорите? Вы хотите сдать эту собаку? Если ошибся — извините...

Канат ответил уклончиво:

— Что вы... такую собаку... нет-нет...

— А-а, тогда другое дело,— обрадовался прохожий.— И все же, зачем вам тот пункт, если не сдаете собаку? Если вопрос неуместен — извините великодушно.

— Будьте любезны, подскажите, если знаете, а если нет...

— Подсказать-то я могу... По следующей улице повернете направо...— Незнакомец помолчал, глядя то на Каната, то на собаку. Потом он прикусил палец: — Где собак принимают, говорите, а? Позвольте, а есть ли в городе такой пункт?

Канат не выдержал:

— Так бы и сказали, что не знаете.

— Так точно. Думал, знаю, а оказалось, нет...

Канат раздосадованно рванул с места. Прохожий крикнул вдогонку:

— Постойте, я вспомнил.

Канат, от природы очень сдержанный, притормозил.

— Извините, чем такую прекрасную собаку туда сдавать, отдали бы мне, а? Я бы, разумеется, заплатил...

Канат только теперь понял уловку прохожего.

— Что же вы сразу не сказали? А то крутили, вертели.

— Боялся обидеть вас,— через паузу ответил прохожий.— Кто мог подумать, что вы хотите расстаться с такой красивой собакой.

— Я бы не расставался с ней, но что делать. Пока-
лечили ее.

— Ах ты, беда какая! А породу следовало бы
сохранить.

— Если хотите взять, я не против.

Прохожий вне себя от радости протянул руку к собаке:

— Хороший песик...

Маргау прорычал: «Только дотронься — руку оторву!»

— Не нравится, а? Рычит...

Канат погладил пса:

— Маргау хороший, Маргау не будет кусаться. Кстати,
где вы живете?.. Давайте подвезу, и собаку там себе
оставите...

Прохожий с радостью открыл переднюю дверцу, чтобы
сесть, но тут Маргау вскочил и рванул на него. Канат
и так и эдак уговаривал пса, и просил ласково, и ругал, но
Маргау был неумолим.

— Ну, пеняй на себя. Отвезу на свалку или отдам
живодерам.

Но Маргау был непреклонен. Вишневые «Жигули» со-
рвались с места. Канат в ярости. Куда едет? Сам не знает.
Одна мысль владела им сейчас — избавиться от этой со-
баки. На углу одного из кварталов он повернул и заметил
около большого магазина на перекрестке странную фигуру.
Канату показалось, что где-то он уже видел этого чело-
века. Стоит и, энергично жестикулируя, разговаривает сам
с собой. Праздничная толпа уличных зевак окружила его.
Неожиданно Канат вспомнил и нажал на тормоз:

— Иван Иванович?

— Эй, люди!.. Поймите же! За последние два века
природа дала миру двух великих сыновей. Имя одного
из них — Сулейман, имя другого — Ахмет. Великий сын
девятнадцатого века Сулейман состарился. Он уже не
может возглавить стадо...

Оратор сделал паузу. В толпе шепот, усмешки.

— Что это за великий сын века? И при чем тут стадо?..

Размахивая руками, Иван Иванович продолжал:

— Долгие годы Ахмет ходил рядом с патриархом Сулейманом как спутник и помощник. Когда тот спал, охранял его и отгонял мух, когда тот отдыхал. И однажды они оба исчезли. Люди по всему миру спрашивали: где они? Но никто их не видел. Через шесть лет, когда люди решили, что они погибли, Ахмет вернулся на родину, в Кению. А что случилось со старым Сулейманом, никто не знает. Скоро Ахмет занял его место в стаде. Место вожака. Подобно Сулейману, он был очень крупным, очень мощным и умным и семьдесят лет кряду водил за собой стадо через огни и воды, через ловушки, которые ставили враги, не давая в обиду никого из стада.

Сейчас Ахмет тоже постарел. Подобно своему великому наставнику Сулейману, он тоже избрал из молодых спутника и помощника и простился со стадом. Чтобы увидеть это чудо, я ездил в Африку. Прошел вдоль и поперек горы и джунгли Кении. Ходил по фантастическим тропам, которые проложили слоны за миллионы лет на каменистых скалах...

— Я знаю этого старика, — сказал кто-то в толпе, — ни в какой Африке он не был.

Другой подхватил:

— Смотрите, какие побрякушки у него на шее — медали с собачьих выставок?!

— О чем он толкует? Ни черта не поймешь, — сказал третий и удалился.

Канат вышел из машины и слушал, пытаясь понять, к чему ведет Иван Иванович.

— ...Да, я исходил эти тропы на красных каменистых скалах. Я искал Ахмета. Я мечтал увидеть его. Шли четвертые сутки. Мой проводник, кениец, вдруг воскликнул с радостью:

«Вот следы Ахмета!»

«Почему ты решил, что это след Ахмета?» — спросил я.

«О, его след не спутаешь ни с чьим. Ахмет в два раза крупнее обычных слонов. Потому и след у него шире».

— Ой, да он про слонов рассказывает,— разочарованно протянул кто-то в толпе.

— Я наклонился к земле,— продолжал Иван Иванович.— И вправду, следы двух слонов. Меня поразило вот что: один из них был шириной с днище большого ведра, другой — с горловину.

Прошло два дня. Мы шли по следу. На третий день, утром, я увидел Ахмета, стоявшего в тени большого дерева. Рядом с другим слоном, еще не имеющим имени, Ахмет казался горой. Подняв хобот, он срывал с высоких ветвей листья, а потом долго стоял без движения — видимо, почувствовал людей. Потом Ахмет поднял хобот и протрубил. Его спутник, который пасся неподалеку, подбежал к нему. После этого они, величаво вышагивая, двинулись вперед, туда, где лежали бесконечные равнины заповедника Кении. Там он будет вольно пастись и в один прекрасный день, подобно Сулейману, исчезнет. Да, это загадка, которую ни один человек не в силах решить: куда деваются слоны перед смертью? А пока Ахмет тоже до последнего вздоха будет бродить по привольной равнине. Потому что ни один человек не смеет поднять руки на то чудо природы...— И вдруг взволнованный Иван Иванович со слезами на глазах простер руки вперед: — О люди! Что я сделал вам плохого? Где моя собака? Кто убил мою Джейхун? У какого жестокого зверя рука поднялась? — Голос Ивана Ивановича стал хриплым, руки и ноги дрожали.

— Старик-то с ума, видно, спятил. Болтает невесть что...

Канат так и застыл, стоя около машины. Казалось, он был единственным, кто понял старика. Слова Ивана Ивановича будто раскрыли ему глаза. Жгучий стыд за самого себя охватил его, и он смотрел то на старика, то на собаку. Он вспомнил прохожего — тот был куда честнее Каната. Какое бессердечие! Как он мог решиться на такое — уничтожить бесценную собаку, которая помогала отцу пасти

скот и служила ему бескорыстно?! Калека? Так она стала калекой, защищая честь отца, стараясь не предать его имя позору! Что он скажет Адыру, который выскочит ему навстречу, когда он вернется домой? А завтра отцу... Нет, Маргау надо сводить в ветпункт, показать врачам. Приняв такое решение, Канат решительно подошел к Ивану Ивановичу, который все еще что-то бормотал.

— Иван Иванович, здравствуйте! Вы не забыли меня? Помните, несколько лет назад я взял у вас щенка?

Иван Иванович перевел на него мутные, выцветшие и ничего не выражающие глаза.

— А... а? У тебя есть семнадцать копеек?

Канат протянул попавшийся в руки рубль.

— Нет, мне нужно семнадцать копеек,— махнул рукой старик.— Рубль и у меня есть. Семнадцать копеек надо... Семнадцать...

Иван Иванович задумался, потом нетвердо произнес:

— Я сейчас... Я принесу сдачу, всю...

— Хорошо, хорошо...

Иван Иванович, звеня медалями, тронулся с места:

— Гляди, не вздумай уйти! Подожди меня.

Этот старик, выживший из ума, горько страдает из-за пропавшей собаки Джейхун. А Канат не мог выдержать трудности одной ночи. Спешит избавиться от Маргау. Устыдившись своих мыслей, Канат торопливо направился к своей машине, боясь, что Иван Иванович выйдет из магазина.

Встреча с Иваном Ивановичем круто изменила решение Каната. Он поклялся, что больше никогда не даст в обиду Маргау, которого беспомощным щенком взял в руки и согрел теплом своего тела...

Вскоре «Жигули» остановились перед домом с вывеской «Ветпункт».

Маленькая комната сверкала белизной. Его встретила медсестра:

— По какому делу пожаловали?

— Собаку мою покалечили, нужна помощь.

— Сейчас врач подойдет.

Когда Канат завел Маргау в кабинет, врач вскочил с места:

— О, да это же потомок собаки, что была у Ивана Ивановича?!

— Да, оказывается, вы знаете его?

— Еще бы! Иван Иванович был кинологом, который выращивал особенно крупных и прекрасного экстерьера собак.

Канат вздохнул, видно, оттого, что о старике было сказано в прошедшем времени.

— Я только что видел его.

— Пьет?

Канат не успел кивнуть, как врач ответил сам:

— Какой кристальной чистоты и честности был человек — чужой нитки не возьмет. Запил. Особенно после гибели собаки его просто не узнать.

— А кто застрелил его собаку?

— Кто знает. Разве мало на свете жестокости.

— И все же,— настаивал Канат.

— Иван Иванович в последнее время сторожил какой-то строительный объект. Видно, уснул. А воры ночью не могли проникнуть на стройку из-за собаки, пристрелили и сбежали.

— Этого пса тоже один бандюга покалечил.

Доктор долго ощупывал бедро Маргау. Сделал рентгеновский снимок. Наконец сообщил, что у Маргау сложный перелом. Сделал укол. Наложил тугую шину.

— Вы поздно обратились. Чутьку бы раньше — вылечили. Но теперь ничего не сделаешь — будет хромоть,— сказал доктор.

Канат, огорченный, покинул ветпункт.

После того, как обработали рану, боль в бедре уменьшилась. Маргау уже мог ходить на трех ногах. И ночи он стал проводить спокойно. Поэтому и Нагира не проявляла недовольства.

Все это подняло настроение и у Адыра. Он не вылезает из машины брата.

...Как-то раз Канат остановил машину перед большим домом, по обыкновению, оставил Адыра в кабине, а сам ушел, сказав: «Посиди».

Адыр ждал долго. Наконец, совсем устав от скуки, он вышел из машины и подошел к большим дверям, которые со скрипом то открывались, то закрывались. Около двери с двух сторон висело множество блестящих вывесок. На одной из них Адыр прочитал: «Областная прокуратура».

Наконец появился Канат.

— Отец здесь? — спросил Адыр.

— Почему ты так решил?

— А вон же написано: «Прокуратура».

Канат ласково посмотрел на братишку:

— Да, отец здесь.

— А почему? Его же милиция забрала.

— Милиция ошиблась. Поэтому дело взяла в свои руки прокуратура.

— Что им отец наш — игрушка, что ли? Почему они ошибаются? Во всем виноват Каргабек.

Канат насторожился при имени Каргабека и испытующе поглядел на брата:

— Говорят, отец первым поднял руку на Каргабека.

— Да что ты! — начал злиться Адыр. — Каргабек, мало того что покалечил Маргау, стал ругаться на отца матом. Отец сказал: «А ну повтори!» Понедельный Каргабек еще раз повторил, и тогда отец с размаху ударил один раз... Был бы я большой...

На глазах Адыра выступили слезы.

— Эге, да ты никак плачешь? А ну, перестань! Я был только что у прокурора, объяснил ему все, как было. Он обещал сам ознакомиться с делом.

Лицо Адыра сразу посветлело.

К вечеру Канат, Дабыр и Адыр вывели Маргау во двор. Все трое повеселели.

— Напрасно ты хвалил свою собаку, Адыр. Не могла каким-то Каргабеком справиться,— сказал Канат.

— Она бы справилась. Пожалела его,— заступился Дабыр.

Адыр нахмурился:

— Что толку, что пожалела.

Неожиданно собака залаяла.

— А-а, значит, этот герой сам учит собаку всяким недобрым делам,— раздался знакомый голос.

У Адыра сердце оборвалось: видно, он уже привык пугаться за Маргау. Увидев соседа-профессора, Адыр обратился к нему:

— Дяденька, наклонитесь, я хочу сказать вам что-то на ушко.

Профессор согнул свое толстое тело, наклонился к Адыру.

— Дяденька, от Маргау все щенки получают крупные волкодавы. Одного из них, самого большого, я вам подарю.

Лысый профессор расхохотался:

— Спасибо, Адыр.

Адыр опять потянулся к профессору и стал шептать:

— Маргау, знаете, какой умница? Понапрасну не станет лаять. Он лает на тех, кто задумал плохое. А вы хороший человек. Маргау на вас не лает. Потому что вы не таите зла.

— Однако же твой пес только что облаял меня? — лукаво проговорил профессор.

— Нет, он не облаял, это он поздоровался. Вы просто не поняли его. Он всегда так здоровается.

Профессора, видно, позабавил маленький дипломат, и он с улыбкой вошел в подъезд.

Вдруг к дому подъехала машина. Из нее вышел какой-то человек. Канат хотя и не мог признать точно, но ему показалось, что он где-то видел этого парня.

Киргиз Саршен просил передать привет.

— Слушаю вас.

— Вы — сын Лезбая, не так ли?

— Да.

— Мачеху зовут Умсундык?

— Да, Умсундык,— отчего-то волнуясь, подтвердил Канат.

— Так вот, эта самая Умсундык рассердилась, оставила отару и ушла.

— Как это — оставила отару?

— Вот так, ушла... Так передал Саршен...

Что делать? Хозяин отары — его отец. Умсундык не несет никакой ответственности за овец. Если вдобавок к этой беде целая отара разбредется по рукам... Считай, все пропало.

Канат понял: в том, что ушла Умсундык,— его вина. Он тут же позвонил жене и все объяснил. Потом съездил на работу и, отпросившись на несколько дней, срочно выехал на джайляу. Надо хоть пересчитать овец и передать отару совхозу... Маргау спокойно лежал в коридоре. Дети занимались с магнитофоном. Возбужденные, пьяные голоса, звук домбры, чьи-то струны чуть не рвутся от ударов, женщины с мужскими голосами, мужчины с женскими голосами...

Перебирая коробки, на которых крупными буквами были написаны имена людей, Адыр случайно обнаружил коробку с именем отца: «1974 год. Весна, записано во время приезда в город». И подпись Каната.

— Эй, Дабыр, смотри — и отец наш здесь!

— А ну?! — склонился Дабыр.— Давай проиграем. Он поставил кассету. Вначале звучала домбра. Потом какая-то женщина, едва переводя дыхание — видно, переела за столом,— спела «Песню птиц». Адыра одолевало нетерпение.

— Фу, Умсундык-тате лучше поет.

Раздались рукоплескания. Непонятные шутки мужчин и женщин закончились общим смехом. Потом раздался близкий голос отца: «Дорогие родственники!..» Мальчики,

отталкивая друг друга, прильнули к магнитофону. В этот миг лежавший спокойно Маргау наострил уши, вскочил и залился лаем. Потом прыгнул на магнитофон, стал спешно обнюхивать его, словно мышиную нору в степи,— он искал Лезбая. Но его не нашел — не учуял запаха даже. Маргау, не обнаружив Лезбая в магнитофоне, видимо, пришел в негодование и, два-три раза сердито пролаяв, ударил тумбу грудью. Та полетела в одну сторону, магнитофон — в другую. Мальчишки замерли от страха.

Нагира, пришедшая приготовить обед маленьким гостям, забеспокоилась: «Уж не сошла ли с ума собака-то?» Как ни терпела она, но ей очень нелегко выносить пса: мало того, что нахлебник, а сколько хлопот и беспокойства с ним?! Что делать? Уж не вызвать ли собачников? Свекор обидится? Ну, пообижается да перестанет, ведь даже смерть человека переживается... Не разводиться же с Канатом из-за какой-то собаки. Да и если что — помиримся. Укрепившись в этом решении, Нагира подняла телефонную трубку:

— Алло!.. Алло! У нас тут одна покалеченная собака живет. Совсем из-за нее покой потеряли: и мы, и соседи. Не могли бы вы забрать ее? Сделайте одолжение, расходы я беру на себя. Пришлите машину. Да, не выдавайте... Договорились, да?

Нагира положила трубку и с облегчением вздохнула. Сегодня магнитофон разбил, а завтра, может, на кого-нибудь из детей набросится, кто знает? Нет, лучше все-таки избавиться...

Адыр чутко. Он тут же уловил телефонный разговор:

— Женгей, куда ты хочешь отправить Маргау?

— Да есть один доктор, обещал вылечить Маргау. Я ему звонила... — увернулась Нагира.

Адыр недоверчиво посмотрел на нее. Нагира как ни в чем не бывало пригласила к столу:

— Ну, дети, мне некогда. Идите обедать.

Мальчики молча сели за стол. Маргау без звука лежал на своем месте в коридоре.

- Женгей, не отправляй Маргау никуда, пожалуйста.
- Я же сказала: обещали вылечить.
- Не надо, пусть не лечат.

Нагира не успела ответить. Маргау забегал по коридору взад и вперед на трех ногах, подняв неистовый лай. К этому добавился голос Адыра, полный отчаяния:

— Ой, женгетай! Это приехали, чтоб забрать Маргау. Я же слышал! Ты не к доктору хочешь отправить, а к собачникам! Не отдавай Маргау, пусть никто не лечит!

Пес совсем обезумел: не то от ярости, не то от радости, непонятно. С громким лаем он стал прыгать на дверь, Адыр закричал громче:

— Маргау хочет на улицу. Не видишь, дверь царапает. Дай я выведу Маргау на улицу! Выведу его и прогуляю!

Нагира не ожидала, что дело примет такой скандальный оборот. Она рассчитывала тихонько открыть дверь и сдать пса, пока ребята обедают на кухне. Что же теперь делать?

Маргау с лаем вновь кинулся к двери. Нагира опешила, не зная, что предпринять.

— Ну хорошо, выведи его! — сказала она наконец. Голос был резок.

Адыр бегом открыл дверь. Маргау выскочил наружу...

А странное, непонятное людям поведение собаки объяснялось очень просто. Без вины виноватый Лезбай был освобожден и теперь уже подходил к двери. Старого чабана первыми встретили не сыновья, не милая невестка, умеющая почитать свекра, а преданный друг, который и в летний зной, и в лютый мороз не оставлял его и был всегда рядом, словно тень,— пес Маргау. Положив передние лапы на плечи Лезбая, Маргау воткнулся носом в ворот хозяина и тихо скулил.

У чабана навернулись слезы.

— Ну, хватит, хватит, Маргау, видишь, я совсем пришел.— Лезбай погладил собаку.

Дом, который стал детям и Маргау пристанищем, озарился весельем. Истосковавшие мальчики наперебой рассказывают отцу о событиях последних дней.

Нагира подала чай. Старший, Лезбай,— на почетном месте, дети рядом — слева и справа. Маргау, сразу успокоившийся, положив морду на ноги Лезбая, лежит тут же. Адыр, взяв кусок хлеба и наклонившись под стол, вдруг воскликнул:

— Аке, гляди: Маргау плачет!

— Что ты, разве собаки плачут?! — Нагира наклонилась.

И Лезбай и Дабыр, отодвинув стулья, заглянули под стол. Адыр оказался прав. Маргау, так упорно боровшийся с болью, едва избежавший смерти и изнывавший от тоски по хозяину, теперь лежал, обретая покой, и слезы, скопившиеся в самой глубине собачьей души, куда не в силах заглянуть ни один человек, прозрачные капли слез повисали на щетинистых ресницах и беззвучно сползали на ковер...

— О господи, и впрямь как человек плачет!.. — сказала Нагира.

— О, Маргау хоть и собака, а лучше, чем иной человек. А ты, тате, хотела сдать такую умную собаку...

Лезбай встрепнулся:

— Куда? Как «сдать»?

Нагира, укорявшая себя за поспешный поступок, пересилила неловкость и все объяснила свекру. И тут же, набрав номер, отменила вызов.

Лезбай, душевно надломленный, выглядел старцем. За полмесяца столько событий: дети, как скитальцы, оказались в Алма-Ате. Умсундык закрыла тундик его юрты, погасила очаг и ушла. А невестка, которую он считал разумной, поступила вон как. «Нет, не время тут разлегиваться, загостился я уж в этом городе. Пора возвращаться восвояси. Надо вновь раздуть погасший очаг, открыть закрытый тундик».

Лезбай отпил несколько глотков чая, забрал с собой детей и собаку и отправился в аул.

Глава пятая

ОТЧУЖДЕНИЕ

Как только миновали перевал и спустились в долину, Маргау заволновался. Родная земля, родное приволье... Здесь можно дышать полной грудью. А вон и знакомые отары, овцы, уткнувшиеся носами в зелень трав, рассыпались по пастбищу. Никакой суеты. Маргау высунул голову в открытое окно машины, раздул ноздри: кони, овцы — не сравнимый ни с чем аромат джайляу. Только один прыжок — и он выскочил бы из машины, а там степь из конца в конец, летел бы по этой широкой зеленой равнине, над которой нависла тишина! Но нога безжизненна. Надо опять терпеть.

Машина подкатила к знакомой юрте. Ребятишки выскочили с радостным криком: «Домой приехали, мы дома!» Маргау выпрыгнул из машины вслед за ними и, скача на трех ногах, торопливо стал все обнюхивать. И юрта, и плетень вокруг, и кошары — все на месте, все тот же родной запах, но все заброшено. Дом без хозяина — сирота. Никаких признаков жизни. Где овцы? Умсундык? Наверное, она сдала овец в колхоз, когда уходила к своим, подумал Лезбай. Однако голова как свинцом налита. Гнев и обида, горькая несправедливость, — он почувствовал себя жалким изгнанником, выброшенным за борт, и отвернулся, чтобы дети не заметили его беспомощности.

Что же произошло с Умсундык? Ни разу Лезбай ее не обидел. Слова поперек не сказал. Даже когда она была не права, он всегда уступал, чтобы не обижать женщину. Почему она ушла, неужели не хватило сил выдержать какие-то две недели?

Мысли отца прервал Адыр:

— Она и вправду ушла? — Щеки надуты, мальчик едва не плачет.

У Дабыра радость как рукой сняло:

— Во всем Канат виноват.

— А в чем он виноват? — заинтересовался Лезбай.

— Он же наругал Умсундык, когда увозил нас.

— Ах, вон оно что, — протянул Лезбай...

А Маргау? У него свои заботы. Он ходит, обнюхивая места, где лежал, где сидел, где ел, добрался до кошары, где еще держался запах овец. Собака еще пошарила, принюхиваясь ко всему, пролаяла басовито два-три раза и, припрыгивая на трех ногах, устремилась вверх, по косогору, в степь. Лезбай не стал останавливать пса. Похоже, в доме кто-то ночевал. Овечий помет еще не успел подсохнуть. Может, Умсундык вернулась, а утром выгнала овец на луга? Взглядом Лезбай провожал Маргау, который и на трех ногах уже далеко ушел, превратившись в черную точку, а потом совсем слился с отарой. Вдруг вдали показался всадник.

— Кто бы это мог быть?

— Не иначе, Умсундык, — сказал Дабыр.

— Рядом с Маргау черный пес. Если это Умсундык, то откуда могла взяться собака? — спросил сдержанно Адыр.

— Может, вернулся Рыжий?

— Рыжий — это Рыжий, рядом — черная собака Саршена.

Дабыр умолк. Вскоре к ним подскочил всадник. Киргиз Саршен.

— Оу, Лезбай, вернулся, брат! Жив-здоров? Главное — не унывай, что касается женщины — была бы шея, а хомут всегда найдется. Отара твоя цела. Убытка нет, разве что прибыток кой-какой будет. Сосчитай и прими.

Лезбай был растроган:

— Эй, Саршен, слезай с коня. Обнимемся как мужчина с женщиной, грудь к груди. Пятнадцать дней мне показались длинней, чем пятнадцать лет. Соскучился по тебе.

Лезбай еще раз убедился в порядочности своего давнего друга Саршена. Когда Умсундык, обидевшись на Каната, бросила отару, Саршен пришел на помощь. Он передал свою отару жене и помощнику, а сам приехал к Лезбаю, вывел два дня лежавшую взаперти отару на пастбище. Лезбай почувствовал даже неловкость.

— В тот год, когда ты просил у меня собаку, я не смог выполнить твою просьбу. Ты прости меня, мне стыдно сейчас тебе в глаза смотреть. У меня есть стригунок и жирная телка-двухлетка — бери, кого пожелаешь.

Саршен смеялся так, что воздух сотрясался вокруг.

— Если я день-другой пас твоих овец, так думаешь — за плату? Проезжаю раз — отара заперта, на другой день — тоже. А блеют — аж на том берегу слышно. Мы ведь оба с тобой чабаны. Ты не кори себя, Лезбай. Другое дело, просил бы верблюда, да ты не дал, — вот тогда бы обиделся. Собаку не дал — зато подарил породу. Кыргын — потомок твоего Маргау. Если скажу, что он лучше отца, подумаешь — хвалюсь. Скажу, хуже — значит, недооценил. Прошлой зимой один трех волков задавил.

Повеселевший Лезбай только теперь взглянул на собак. Маргау и Кыргын лежали рядом почти как близнецы. Несомненно — порода одна. Кыргын только был чуть меньше отца, не было у него пятен-горошин на бедре, а во всем остальном — точь-в-точь Маргау: прекрасная стать, мощное сложение. Лезбай с любопытством разглядывал их. Особенно поразило его то, что оба пса лежали рядом. А ведь это была их вторая встреча. Все равно — будто сызмальства росли вместе.

— Нет, Саршен, сказано — сделано. Не пустые это слова. Одно из двух — по твоему желанию.

— Я, Лезбай, сказал «нет». Не будем торговаться,

главное, ты вернулся. Теперь прими угощение в доме киргиза. За скотом дети и собаки присмотрят. Едем, садись на коня.

Помедлив, Лезбай последовал за Саршеном.

Маргау, который вчера снова обрел свободу и обегал чуть ли не всю степь, сегодня не мог сдвинуться с места. Нога ныла невыносимо — она не давала возможности даже подняться. С невероятными усилиями ему удалось дотащить свое тело в затененную часть юрты, где он и улегся. Овец пошел пасти Дабыр. А Адыр продолжал свои детские игры на берегу речки. Мрачнее тучи — Лезбай. Выгнав утром овец, он скоро воротился домой. Положив седло под голову, долго лежал не шелохнувшись. Наступил полдень, когда Лезбай вдруг резко поднялся, привел коня и стал седлать его. Маргау, подчиняясь древнему инстинкту, вскочил было, чтобы сопровождать хозяина в пути, но острая боль свалила его. В это время и подъехал Канат. Маргау несколько раз пролаял, приветствуя Каната, но тот, не обращая внимания на собаку, устремился к отцу:

— Отец, я говорил с прокурором перед самым твоим выходом. Обещали освободить. Значит, сдержали слово.

Лезбай жестом остановил Каната:

— Выехал из дому позавчера, где же ты все это время болтался?

— Позавчера я был здесь. Киргиз Саршен сказал, что попадет твоих овец, и я поехал на центральную усадьбу совхоза. Пришлось долго ждать директора.

— И много ты успел? — язвительно спросил Лезбай.

Вокруг имени отца — Канат слышал — ходило много всяческих кривотолков, которые оскорбляли не только его самого, но и всю семью его, и сын, не выдержав, сорвался:

— Аул полон слухов. Сгореть от стыда можно. Пора, кажется, снять бы с нас это клеймо.

— Хватит! Умник нашелся. Поучать другого — это еще не признак ума. Ты в городе. А я с малышкой в степи. Я тебе отец, ты мне сын, но у нас очаги разные. Да,

умру — знаю наверняка — ты похоронишь меня. Но пока придет эта весть, кто меня поддержит? Кто напиться подаст? Ты об этом подумал? — Лезбай говорил не так резко, но слова его, словно удары камчи, обрушивались на Каната, и тот испуганно спросил:

— Уж не собираешься ли ты пасть в ноги Умсундык? Если она хоть раз переступит порог этого дома, можешь не считать меня своим сыном.

— Что ж, могу и не считать. Пока не сажу у печки. И кроме тебя сыновья есть. Ничего, проживу. Но мне жалко тебя. До сих пор ешь, пьешь и прочее — у нас. Если разъезжаешь на машине, то тоже благодаря вот этому никчемному отцу твоему, — ткнул кулаком себя в грудь Лезбай. — А отец-то, он у тебя один. Потеряешь, что с тобой станет?

— Можешь не беспокоиться.

— Тогда и ты обо мне не беспокойся.

Канат замолчал, не найдя, что ответить.

— Я слышал, ты с трудом отпросился с работы. Пока светло, доберись до дому, чтобы успеть завтра на работу. А то стыдно будет. — В голосе Лезбая появились мягкость и теплота.

Убедившись, что отговаривать отца бесполезно, Канат распрощался и уехал.

Лезбай долго сидел в оцепенении. Маргау, молчаливый свидетель разговора отца с сыном, подполз к хозяину.

— Э-эх, Маргау, Маргау, ты калека, я одинокий, что делать будем?

Если бы Маргау, который угадывал малейшее движение души своего хозяина, мог говорить, он бы сказал: «Свою честь мужчины защищают даже смертью. Сын твой прав. Не ступай больше на тропу, где растоптали твою честь. Кто будет у твоего изголовья в смертный час, кто подаст воды, как не ближайший друг». Но Маргау не умел говорить, он лизнул хозяину ухо и ударил пару раз хвостом по земле.

Лезбай глубоко вздохнул и подошел к коню:

— Нет, так нельзя. Надо выяснить все до конца.

...Солнце перевалило через зенит. Дабыр верхом подъехал к юрте, попил козе и снова направился к отаре. Адыр у речки. А Маргау, он не среди овец, он без дела лежит в тени юрты... Такого позора с ним еще не бывало...

Уже недалек закат. Сейчас овцы, оттесняя друг друга, потянутся к реке на водопой. Потом еще немного попасутся, а там и вечер наступит. Ворота откроются настезь, и овцы заполнят собой загон.

Маргау до мелочей знает весь ритм отары, знает и свою роль в этом ритме, но нет сил двигаться.

...Сгустились сумерки. Лезбая все нет. Приехал сосед Саршен:

— Отец еще не вернулся? Видно, крупный разговор вышел. А вы ложитесь, спите. Ночью я разок-другой загляну — что мне, только речку перейти...

Он уехал.

...Поднялась луна. Маргау по старой привычке прошел к плетню и улегся там.

...Настало утро. Овцы чабана-киргиза на том берегу уже паслись на пастбище. Маргау подошел к двери и долго лаял: «Вставай, Дабыр, люди погнали овец на луг. Пора выгонять и наших».

От собачьего лая проснулся Адыр. Он стал упорно расталкивать Дабыра:

— Проснись. Отец не вернулся. Вставай, пойдем овец выгонять.

Собака разбудила Адыра, Адыр — Дабыра, словом, отара Лезбая, наконец, вышла из загона. Саршен похвалил ребят:

— Я нарочно запоздал, дай, думаю, погляжу, проспят ребята или нет. Молодцом, мальчики. Вы уже становитесь джигитами.

Опять настал полдень. Маргау некоторое время плелся за отарой, ковыляя на трех ногах, но потом вернулся к

юрте: не давала покоя нога. Неожиданно послышался гул мотора. Но Маргау не только не кинулся навстречу, как бывало прежде, а лег подальше от глаз. Показался груженный доверху грузовик, вскоре он остановился у юрты. Следом, на взмыленном коне, подъехал Лезбай. Он спешился и сказал:

— Ну, Умсундык, вот твой дом. Без хозяйки дом — сирота. Бери бразды, управляй.

Умсундык с достоинством вышла из машины. Сдвинув брови, пристальным взглядом окинула юрту, двор.

Лезбай опустилсЯ около нее:

— Ты тоже хороша! Нашла на кого обижаться!.. Он хоть и сын мой, но каждая речка по своему руслу течет. Он в городе, я — в степи. Не он, я принес тебе поклон.

— Ну хватит. Со вчерашнего дня твердишь одно и то же. Уж не стал ли ты болтуном на старости лет?

Лезбай замолчал, стал сгружать с машины утварь и таскать в дом. Умсундык, засучив рукава, пошла ему помогать.

Маргау заметил шрам на ее руке — следы его клыков. Ему вдруг вспомнилась история того дня, и он глухо зарычал. Умсундык испугалась, она только теперь заметила собаку:

— Опять эта собака здесь?

— Приезжаем, а он лежит у порога, — соврал Лезбай.

Умсундык не проронила ни звука. Но брови нахмурилась. Да и у собаки нет особой любви к ней. Даст поесть — ест и, отойдя в сторонку, лежит, наблюдая за происходящим в доме и вокруг.

Так прошло несколько дней. Склоны гор уже возмещают о приближении осени. Листья берез пожелтели, тополь окрасился багрянцем, но травы, словно подражая карабкающимся высоко в горы елям, стоят еще зеленые.

Был чудесный погожий день. Умсундык и Лезбай вели долгий разговор.

— Если так, зачем же притащился ко мне чуть ли не на коленях? — повысила голос Умсундык.

Лезбай не ответил. Молча прошел в загон и, поймав жирного валуха, вскоре освежевал его. Точно так же было полтора месяца назад. Только день не пасмурный, а ясный, и овцы на выпасе. В казане, булькая, варится мясо барашка.

Лезбай и Умсундык ждут дорогого гостя.

Так же, как в тот день, черный пес лежит у плетня, положив морду на лапы. Но состояние не то, что прежде. Выйдет один день с отарой, два дня лежит, не в силах двинуться. Может, поэтому и Лезбай часто забывает про него. Все реже Маргау слышит окрики: «На, на! Взять!» Иной раз он подолгу лежит с мольбой в глазах, ожидая, когда же хозяин окликнет его. Прошлое — все ушло, осталась тоска по нему. А если собака не слышит ни ласкового зова, ни приказаний «Взять, ату!», значит, она самое жалкое существо на свете.

Маргау лежит в сторонке, тяжело переживая свое бедственное положение.

И опять гул мотора заставил пса вздрогнуть и поднять голову. Однако он не шелохнулся.

— Едут! — Умсундык выбежала из юрты.

— Они ли? Или кто другой? — Лезбай уставился на дорогу.

По той же самой дороге подкатила, пыля, машина и остановилась на том же месте. И люди те же. Каргабек, Таспай, Баспай. Те же самые слова.

— Вот этот парень — свояк, а этот — племянник. Оба учатся в Алма-Ате. Приехали в аул, а я их забрал, чтоб посмотрели джайляу...

Лезбай далеко не в восторге. Холоден и сдержан. Только Умсундык суетится: «Добро пожаловать!..»

— А ну, джигиты, где там наш гостинец, захватите с собой! — небрежно крикнул Каргабек.

Парни сняли с машины ящик с коньяком и шампанским и поставили на землю.

— Ой, что это вы — питье и еда и у нас найдется,— проговорила Умсундык, почувствовав неловкость.

Каргабек слушать не хочет:

— Не потому, что у вас нет. Какую-то вину и мы несем перед дядюшкой. Это вот — наша откупная.

Лезбай слабо улыбнулся.

Маргау, до этого глядевший на Лезбая одобрительно, недовольно прорычал: «Умри, но не склоняй головы!»

Каргабек попятился в испуге:

— Как, этот пес все еще здесь?

Лезбай с осуждением посмотрел на свою собаку. Маргау понял это и, виновато заскулив, проковылял несколько шагов и лег подальше.

Гости вошли в дом.

Та же картина, что тогда: Лезбай у порога, особняком, Таспай и Баспай на почетном месте. Слева от них полулежит на правом боку Каргабек, подложив подушки под локоть. Неподалеку — Умсундык.

Каргабек поднял голову.

— Я сейчас не хочу говорить о работе. Это совсем другой вопрос, отдельный. Я хоть и заведующий фермой, но приехал не по долгу службы.— Каргабек сделал паузу и поднял палец на Лезбая.— Этот человек — мне старший брат. Я приехал, чтобы отдать ему салем, поклониться как младший. За это я и выпью...

Все выпили, Лезбай не дотронулся до стакана.

Умсундык обходительна, дальше некуда.

Звон стаканов раздавался чаще. Шумно открывалось шампанское. К неприятным запахам алкоголя прибавились бессвязные громкие голоса сидящих в юрте.

— А ну, братья! — Это Каргабек пытается всех перекричать.— Я смотрю, старик все еще хмурится.

— Нет, он не хмурится,— вмешалась Умсундык,— еще вчера, когда пришла весть, что ты едешь, он все простил.

Голос Каргабека звучал громче:

— Конечно, что простил, это хорошо. А давайте-ка как

люди глубже посмотрим на это дело. Из-за чего весь сыр-бор? Из-за какой-то собаки... Из-за нее повздорили. Из-за нее подрались. Послушать со стороны — стыдно аж. А если мы по-братски не простим друг другу той ошибки или, вернее, глупости, то кто же мы?..

Баспай и Таспай кивали головами.

— А разве я не прав?.. Не-не. Мы еще хуже собаки станем, если зло будем помнить!

— Чистую правду говоришь,— поддакнула Умсундык.

— Поэтому я, прямой человек, не люблю много говорить,— вновь поднялся Каргабек.— Ты старший брат, Леке, а я перед тобой, сам того не желая, поступил по-собачьи. Я признаю свою вину и вот приехал просить прощения. Хочешь, голову отруби — твоя воля. Помилуешь — буду рад...

Парни заговорили наперебой:

— Надо по-мужски обнять, грудь к груди.

Каргабек вскочил с места.

— Не отвергай разумные слова, встань,— проговорила Умсундык, беря Лезбая под руку.

Чабан не стал противиться. Распахнул объятия подошедшему Каргабеку:

— Спасибо, Каргабек, за то, что, как младший, пришел виниться. Я ведь тоже... не смог удержаться. Ты тоже прости меня.— Видно, у Лезбая на глаза навернулись слезы, потому что голос дрогнул.

Маргау, увидев, как Каргабек и Лезбай обнялись и целуются, громко чмокая, вскочил и яростно залаял: «Эй, люди, вы ведь прекрасно знаете, какая тайна лежит между вами троими. Умсундык — законная жена Лезбая, и Каргабеку это известно, и Лезбай знает, что произошло между Каргабеком и Умсундык. Нет, не собака вас рассердила. Почему делаете вид, что ничего не знаете? Почему со слезами на глазах притворяетесь, лицемерите, люди?!»

Каргабек, услышав лай собаки, замер:

— Эй, Леке, если правда, что ты простил меня, избавься от этой собаки. Я тебе такого пса найду...

Умсундык заговорила с ним в один голос:

— Раньше говорил: овец помогает пасти. Ну, а сейчас какое оправдание найдет?

Лезбай, видно, не нашел оправдания.

— Как избавиться? — неуверенно проговорил он.

— Вывел в степь — ба-бах! — и нету, — с издевкой проговорил Каргабек.

— Нет, Маргау слишком дорог для меня. Рука не поднимется. Собака, а жаль. Да и грех!..

— Тогда это сделают Баспай или Таспай, — упорствовал Каргабек.

Подпившие парни дружно выразили готовность:

— Да если Каргабек-ага скажет, мы не то что собаку... — и замолчали.

Акт на Лезбая подписали эти двое молодчиков — Баспай и Таспай. Видно, Лезбай вспомнил об этом.

— Что? Хотите сказать, и меня можете пристрелить? — вспылил чабан.

Каргабек откинулся и продолжал с некоторой угрозой:

— А вот тут вопрос ребром: или — или. Если эту мою просьбу не выполнишь... Предупреждаю: встретимся один на один.

— Ой, этот черный пес обернулся для нас бедой черной! — заверещала Умсундык.

Лезбай вскочил с места и впервые заорал на жену:

— Ух, скотина, не пикни! — И навис над Каргабеком: — Чем ты мне угрожаешь: разграбишь мой дом, угонишь скот — так, что ли?

— Кое-что и похуже будет. — В голосе Каргабека уже угроза.

— Похуже? Делай, подлец! Что, может быть, еще один акт составите втроем? Еще раз упрячете за решетку? — Лезбая душила неожиданно вспыхнувшая ярость.

— Оу, Лезбай... — Каргабек пошел на попятную.

Но Лезбай рассвирепел всерьез:

— Я же не звал вас, какого дьявола надо вам от меня?
А ну, уберите вон!

Все трое замерли от неожиданности. Умсундык попыталась успокоить мужа своим ласковым, елейным голосом:

— Хозяин нашего дома, ты выгоняешь гостей, что с тобой?!

Лезбай оборвал ее:

— Если у тебя с Каргабеком пуповина срослась, и ты тоже уходи!

Маргау не понимал слов, но понимал, что схватка становится все яростнее. Чем кончаются такие посиделки, он тоже хорошо знал, испытал на своей шкуре. Если сейчас Каргабек кинется на него, как было в тот раз, Маргау окажется беспомощным. Это чувство дремало в нем. Задрав морду к небу, он протяжно завыл, потом пролаял и, волоча ногу, пошел от юрты. Он перебрался через ручей к густо заросшему кустарником склону горы. Не стал заглядывать в тальник, где прятался в тот раз. Чем выше поднимался он по склону, тем четче вырисовывалось русло реки и все меньше становился дом чабана на берегу.

Вдруг раздался голос. Дорогой голос Лезбая:

— Маргау, Маргау! На, на!

Маргау обернулся. Возле дома Лезбая стоят пятеро: Умсундык в белом платке, один высокий, другой ниже — это Баспай и Таспай. А тот, что похож на ступу, — Каргабек.

— Маргау, Маргау! На, на! — протягивал руку вперед Лезбай.

В чем смысл этого зова?.. Помощи ли просит у Маргау Лезбай, оставшийся в одиночестве, или это ловушка? Маргау не понимал, он не повернулся, а поднимался все выше и выше по склону.

Голос Лезбая все еще доносился четко и ясно: «Маргау?!» Эти звуки ласкали его слух с того дня, как попал в степь, теперь они были лишены смысла. А Кыргыз? А Сары-каска — что в этих звуках?.. Просто люди при-

думали их, чтоб отличать одну собаку от другой... Для Маргау теперь такие клички ни к чему. Теперь черная собака с белой мордой станет различать встречаемых на пути лишь по внешнему виду и запаху, по клыкам и силе.

— Мар-гау!.. Ма-а-р-га-у!..— услышал пес тоненькие, прерывистые голоса детей.

Маргау резко остановился и посмотрел вниз. Два мальчика отошли подальше от всей компании и звали его наперебой:

— Маргау! Ты куда девался, Маргау! Иди сюда! На, на!

Пес некоторое время еще прислушивался к зову, рожденному чистой детской любовью, бесхитростной, бескорыстной. Он глухо простонал. А вскоре продолжил свой путь. Чем дальше он уходил, тем слабее доносились людские голоса.

Через некоторое время черный пес, прыгая на трех ногах, скрылся в густом сосняке...

ЭПИЛОГ

Наступила осень, а следом за ней — зима, выпал снег и плотным слоем прикрыл землю. Отара Лезбая на зимней стоянке. Как всегда, чабан в погожий день поутру выгоняет овец. Запирать отару в теплую кошару не спешит — чем позднее, тем лучше. Из трубы валит клубами дым — не погас очаг, есть жизнь в доме. Маргау, как ушел осенью, будто в воду канул. Дети — на центральной усадьбе совхоза, учатся в школе. Адыр пошел в первый класс. Из школы пришла добрая весть: Адыра после двух месяцев учебы перевели во второй класс. Глядишь, к весне обгонит Дабыра и перейдет в третий, пишет учитель. Неуверенной детской рукой написал и сын отцу: не скучай, не горюй, что один. Летом приеду на каникулы и буду все лето с тобой вместе овец пасти. Лезбай последнее время изме-

нился, стал замкнутым, молчаливым. Не льнет, как прежде, к Умсундык, которая стала обижаться на мужа. В один из таких хмурых вечеров Умсундык сказала с раздражением:

— Если так будет продолжаться, уйду!

После разговора с Канатом Лезбая начали одолевать сомнения и неуверенность, и он не стал уговаривать Умсундык:

— Забирай из этого дома все, что пожелаешь, и иди!

Умсундык ничего не ответила. Собрала вещи и ушла, уверенная: «Придешь еще, кинешься в ноги». Лезбай, однако, не пошел на поклон.

Вскоре за пьянство, разгул, безответственность был освобожден от должности Каргабек. Новый заведующий фермой оказался парнем порядочным, воспитанным, деловым.

Хоть и тяжело одиночество, но Лезбай, сбросив тяжелый душевный груз, который взвалили на него Умсундык и Каргабек, почувствовал в себе легкость. Да, собственно, он уже и не так одинок.

Директор совхоза дал ему помощника — подпаска. Теперь они вдвоем. И все же, видно, из-за того, что нет Маргау, в буранные дни волки кружат вокруг кошары, лишая покоя Лезбая. Убежденный, что без хорошей собаки чабану никак не обойтись, он однажды поехал в райцентр и позвонил Канату.

— Сынок, как ушел Маргау, худо нам стало. Если не встретишься с тем человеком, у которого тогда брал собаку, и не возьмешь у него щенка, мы пропадем.

У Каната отлегло от сердца.

Отец просил, надо искать. Канат направился к домику на берегу Алмаатинки. Но на месте домика Ивана Ивановича стоит громадное многоэтажное здание. Канат останавливал всех, кто мог оказаться жильцом этого дома:

— Раньше здесь жил кинолог Иван Иванович. Не подскажете, где он сейчас?

Но никто не мог вспомнить старого кинолога...

Огорченный Канат внезапно вспомнил врача из ветпункта.

— А, Иван Иванович? — Врач достал из ящика стола блокнот. — Вот его адрес...

Оказалось, что Иван Иванович живет теперь в одном из высотных домов на краю города. Дверь открыла рыженькая девушка.

— Иван Иванович?

— Да, Иван Иванович. Кинолог. Он разводил породистых собак.

— Вам дядя Ваня нужен? Так он же умер...

Лезбай узнал о смерти Ивана Ивановича и стал грустить, теперь все чаще вспоминал своего Маргау. Чабан был уверен, что нога у Маргау зажила и что он, как это было в тот раз, остался на джайляу. Лезбай настолько сроднился с этой мыслью, что стал перебирать старые вещи — все ли на месте. Потом поехал к соседу Саршену, и вместе с ним они прочесали в несколько дней все леса на джайляу.

А в народе все ходят разные слухи: кто-то видел, как черная собака выла на холме Айган... Один из аулчан застал Маргау в степи, когда тот насмерть бился с матерым волком... Видели черного волка во время охоты в лесу...

Лезбай исходил и изъездил все места, на которые указывали люди. Но все напрасно. И все же он не теряет надежды: завтра наступит весна. Отары вновь направятся на джайляу. И вполне возможно — разве нет? — выйдет Маргау из-за холма Айган и, ласкаясь, прижмется мордой к ноге Лезбая...

I

Баглан возвращался из Москвы в Алма-Ату после Всесоюзного съезда художников, делегатом которого он был. Глядя в окно на бегущие мимо поля и перелески, обдумывая многое увиденное и услышанное за последние дни, Баглан снова и снова радовался тому, что не взял билет на самолет и вот сейчас не спеша едет себе и размышляет о предстоящей работе, о встречах с друзьями, вспоминает недавние годы, когда он был малоизвестным молодым живописцем. После художественного училища он два года проработал под «крылышком» прославленного художника — расписывал здания дворцов культуры, новых современных ресторанов Алма-Аты. И что было странно: хотя зачастую замысел принадлежал именно ему и он самостоятельно его осуществлял, лавры неизменно пожинал шеф, а Баглан так и оставался в тени. «Какая смелость мысли! Удачная находка! Отличное решение!..» — все эти восторги и устно, и на страницах газет расточались знаменитому художнику.

Так и тянулось время. Но как-то случилось, что Баглану пришлось уехать в Дамбул. Впечатление эта поездка оставила такое сильное, что он сразу же по возвращении, неожиданно для самого себя, за три-четыре месяца напи-

сал крупное полотно — «Айша-биби». И сам не представлял, что выпадет этой картине такой успех.

«Айша-биби» стала его дебютом. Имя молодого художника называли все чаще и чаще, популярность его быстро росла. Вскоре Баглан женился, стал отцом, все созданное им принималось без всяких проволочек, без придирок, и жизнь спокойно шла по накатанной дорожке...

Но вот и остановка. Джамбул. Баглан вышел и увидел на перроне, прямо у своего вагона, группу молодежи. Проходя, услышал шепот: «Это же Баглан». Он не стал оглядываться, слегка растянул губы в улыбке и прошел мимо.

А когда снова возвратился в свое купе, то застал там девушку, сидящую на противоположной полке. Молодые люди, которых он только что встретил на перроне, видимо, провожали ее: девушка обернулась, когда вошел Баглан, и приветливо поздоровалась.

— Располагайтесь, располагайтесь поудобнее. Не стесняйтесь, — сказал Баглан.

— Спасибо, — едва всмолвила девушка.

Затем, стоя как-то боком, она положила матрасик, стала стелить постель. «Хорошо воспитана, должно быть, скромница, — отметил про себя Баглан. — Не поворачивается спиной ко мне. Знает, что неприлично».

Но в том, что скромность не была вовсе стеснительностью девушки из аула, Баглан убедился очень скоро. Юная спутница, окончательно устроившись, неожиданно обратилась к нему, глядя прямо в глаза:

— Быть моей дороге удачной! Вы человек, которого я не думала, не гадала, что смогу увидеть. А оказывается, до самой Алма-Аты с вами вместе ехать.

Слова девушки показались вдруг Баглану неоднозначными: то ли просто рада встрече с именитым человеком, то ли потому, что вдобавок ко всему едет с ним вдвоем в пустом купе. Попробуй разбери. Однако Баглану все же приятнее был первый вариант. И подобно красавице, лю-

бующейся собой в зеркале, он спросил чуточку даже кокетливо:

— А вы откуда меня знаете?

Девушка улыбнулась.

— А кто же вас не знает? Только разве невежда или слепец. Надеюсь, вы меня не относите ни к первому, ни ко второму?

Баглану, который вроде его жены Салимы уже начинал несколько хмелеть от славы, иронический тон попутчицы не очень-то пришелся по вкусу. Однако, утешив себя тем, что в ауле и девушки и парни любят подобные остроты, решил воспользоваться ее же оружием.

— Но для этого и сам я должен быть вполне зрячим.

Девушка не спасовала:

— Конечно.

— Доказательство?

— Как бы вы тогда могли рисовать? Слыхала, конечно, что глухой композитор сочинял когда-то музыку. А вот чтобы слепой человек стал художником — еще не слыхала.

Девушка шутила, но ее слова показались Баглану грубоватыми. И он промолчал.

— Что не спорите? — девушка взглянула на него. Хотя она и проявляла уважение к нему как к старшему, однако никакой робости перед знаменитостью не чувствовала.

Баглан взглянул в глаза девушки, и ему показалось, что они зовут к дружбе, к перемирию. Баглан подумал, что если бы, подавшись мимолетному желанию, он наговорил ей что-либо лишнее, то наверняка выглядел бы глупцом перед девушкой, которая горда от мысли, что едет в одном купе с ним.

— Не стану спорить, — произнес наконец Баглан. — Потому что насколько вы знаете меня, настолько я знаю вас.

Он понимал, что эта «перебранка» словно детская игра. Понимал, и все равно сказал:

— Вас зовут Аспет?

Девушка удивленно взглянула на него.

Во время остановки в Джамбуле, на перроне, он мельком услышал это имя от одного из парней, которые стояли возле вагона. Вопросительное выражение постепенно исчезало с лица девушки.

— Ну да! Вы, наверное, слышали, как кто-то из провожавших назвал меня по имени. Иначе откуда бы? — Она улыбнулась. — А вот я о вас знаю гораздо больше. Ваша «Айша-биби» долго висела у нас на почетном месте.

Тщеславие Баглана было удовлетворено, но он тут же насторожился:

— Почему — «долго»? А сейчас?

Тень пробежала по лицу Аспет.

— Это долгая история.

Баглан вздохнул: не то пожалел, что спросил, не то горечь в словах девушки подействовала на него. Но Аспет быстро повеселела:

— Отчего вы вздыхаете?

— Сам не знаю, — признался он. Аспет ничего не сказала. Пользуясь наступившим молчанием, Баглан украдкой разглядывал Аспет: удивительно — на первый взгляд ей можно было дать лет семнадцать-восемнадцать. Но цепкий взгляд художника сразу определил: хотя на лице не было морщин, но не было и детской безмятежности. Это было лицо женщины, познавшей жизнь, выносившей ребенка. Не круглое смуглое лицо с узкими глазами, привычное для женщины этого края, а удлиненное, белокожее, нос с горбинкой. В карих, прячущихся под бровями глазах страстность и решимость. Высокая грудь, тонкая талия; «аш бель» — «голодная талия», «кыпша бель» — «стянутая талия», «кумурска бель» — «муравьиная талия». Сколько эпитетов в казахском языке! Понимали же люди толк в красоте!

Девушка, оказывается, почувствовала его пристальный взгляд.

— Ну что, Баглан-ага, кончили изучать меня?

— Прошу прощения!.. — смутился Баглан.

— Ну что ж, это ведь профессия ваша. Если бы так поступил кто-нибудь другой, я бы выдала ему.

Опять слова ее прозвучали резко. Даже за взгляд готова «выдать»! Но ведь и взгляды бывают разные: легкий, скользкий, взгляд «с коня», взгляд «в упор», «прямо ест глазами», взгляд — «исполненный страсти»... И так далее, и тому подобное. Судя по реакции Аспет, взгляд у Баглана — изучающе-критический. Ему стало неловко. Чтобы как-то разрядить напряженность, Баглан предложил:

— Я ведь еду издалека. Может, пойдем в ресторан, пообедаем?

— Если ага приглашает, почему же не пойти! — согласилась девушка.

2

Хорошо, что в ресторане оказалось мало народу. Выбрав столик, Баглан усадил Аспет, сам сел напротив. Осторожно взглянул на нее и снова удивился: Аспет, только что в полутемном купе выглядевшая усталой и не больно уж молоденькой, совершенно изменилась. Ее красоту, замеченную острым глазом художника, сейчас мог оценить любой. Глаза черные, глубокие и прозрачные. Совсем юное лицо поразительной белизны.

— Что вы будете пить?

— То же, что и вы, — отозвалась она.

— Я выбрал бы водочку...

— Нет, я водочку не пью.

— Что, пренебрегаете?

— Да, пренебрегаю. Насмотрелась, как люди от водки нелюдьями становятся.

— Тогда — шампанское?

Аспет помедлила и согласилась.

— Ладно. Ради вас... один бокал.

Баглан бесшумно открыл запотевшую бутылку и наполнил бокалы.

— Спасибо, ага,— кивнула Аспет с улыбкой.

— Ну, за знакомство? За ваше счастье...

Девушка изменилась в лице.

— Какое счастье может быть теперь у меня...

— Такая молодая — что же вы это так? — искренне удивился Баглан.

Аспет пожала плечами: «И сама не знаю». Баглану вспомнились ее слова об «Айша-биби». И Баглан решил, что лучше перевести разговор на картину.

— «Айша-биби» вам не понравилась? Почему вы ее сняли?

Девушка ответила неожиданным вопросом:

— Скажите откровенно, а вам самому «Айша-биби» нравится?

— А вам?

— Честно?

— Конечно.

— Если честно, эта картина мне совершенно не нравится.

Баглана словно молния поразила: картина, о которой все только и говорят, которая принесла ему славу,— и вдруг не нравится этой девчонке. Да кто она такая, в конце концов?

Баглан почувствовал, что им овладевает гнев. Но выдержка удержала от резкости. Аспет встанет и уйдет. Что он выиграет? Успокоившись немного, Баглан проговорил:

— Вот, значит, почему сняли. Не нравится. А почему же «долго висела» — удивительно.

— Нет... Другая была причина.

— Какая — объясните, если можно.

— Сейчас не могу.

Баглану захотелось во что бы то ни стало выяснить, в чем же дело.

— Ну, может, тогда объясните, почему не нравится?

— Могу. Только с одним условием.

— Каким же?

— Чтобы объяснить, почему мне не нравится картина,

которую все хвалят, придется говорить откровенно. А это вам не понравится. Мое условие — забудьте на какое-то время, что вы художник, о картине которого пойдет речь.

Баглан уловил в ее глазах и лукавство и решительность: хотите — слушайте, хотите — нет. Он засмеялся. Поняв этот смех по-своему, Аспет улыбнулась.

— Хорошо, согласен.

— А раз согласен, то первый вопрос таков: всем известно, что от знаменитого мавзолея Айша-биби осталась одна стена. На картине мавзолеей нарисован полностью, с куполом. Почему?

Баглан обрадовался. Этот вопрос задавали многие, и ответ на него был припасен.

— Айша-биби в течение восьми десятков веков живет в сердце народа. Любовь к ней не угаснет никогда. Если у меня мавзолеей написан целиком, считайте, что это ну как бы выражение любви народной или хоть частица той любви. Каждый художник имеет право на вымысел. Моя картина — это символ!

Аспет, видимо, слышала уже когда-то эти доводы.

— На что же опиралась ваша фантазия? На три стены и купол, которых нет? Откуда вы их взяли?

Баглан нахмурился:

— Вы что, хотите, чтобы я экзамен держал перед вами?

— Да это никакой не экзамен, а просто попытка понять автора. Критика без тонкого знания того, что задумал художник, несерьезна.

Баглан встрепенулся: с этой девицей шутики плохи.

— Что ж, я опирался на легенду.

— Какую?

— Батыр по имени Тектурмас... Красавица Айша-биби — невеста. Тектурмасу оставался до дому всего один день пути, когда она погибла. Именно там, где поднялся мавзолеей.

— То есть не сбылась мечта о встрече влюбленных.

— Да, именно так,— подтвердил Баглан.— Тектурмас,

любимец народа, собрал множество людей и воздвиг этот мавзолей, чтобы стал он на века легендой. Народ же, восхищенный поступком батыра, назвал горы, где он жил, его именем — горы Тектурмаса.

Аспет пригубила шампанское.

— Вот в этом-то и неточность вашего замысла, — выпалила она без обиняков.

Лицо Баглана медленно заливала краска. Сердце билось учащенно. Что она говорит, как смеет? Подняться и уйти? Нет, дорогой художник, будь хладнокровен. Кто знает, может, среди сидящих здесь в ресторане есть люди, которые знают тебя. А дурака все же свалил ты — нельзя ввязываться в спор с любой встречной-поперечной. Засмеют же... Чуть помолчав, Баглан спокойно произнес:

— Я вас слушаю, продолжайте.

— Неточность в замысле, — повторила она. — При чем здесь Айша-биби? Вы, наверное, имеете в виду другую легенду — Козы-Корпеш и красавицы Баян?! Вся разница: там Козы и Баян — здесь Тектурмас и Айша. Там купол сделан совсем в ином стиле, здесь — в среднеазиатском. Вот, собственно, и все. Что нового вы хотели открыть?

Баглан взял себя в руки. Что бы там ни было, выслушать ее надо до конца.

— В вашей картине нет мысли. Любви нет. Кто не видел самого мавзолея, тот повнимательнее присмотрится к вашей картине и отойдет, пробурчав: «Вот, значит, каков он, этот мавзолей Айша-биби». Величие легенды Козы и Баян в том, что их прекрасной любви помехой была злая, мрачная сила — Карабай, Кодар. Айша-биби умерла от внезапной болезни за день до встречи с Тектурмасом. Мечте их не суждено было сбыться. Вот и все. В одно я верю твердо: этот прекрасный мавзолей, которым люди любят столько веков, воздвигнут потому, что с ним связана народная трагедия. Если хотите, я не считаю, что и мавзолей Козы-Корпеш и Баян вызвала к жизни только история их любви. Народ всегда стремился достичь своей мечты. Поэтому-то и явились на свет великие дастаны.

И все же отцы, рыдая слушавшие эти дастаны, не дрогнув, продавали своих дочерей за скот. Об этом вы сами знаете. Потому что мечта — это одно, а борьба в повседневной жизни — другое. Фольклор рожден в пору младенчества народа. И если наши современники, преклоняясь перед фольклором, пытаются создать из Айша-биби — Баян, то это не младенчество, а невежество.

Что удивительно: если первые слова Аспет вызвали в душе Баглана протест и негодование, то теперь им овладело спокойствие: пусть говорит, только бы слушать ее и слушать. Правда, в адрес Баглана сказано немало тяжелых слов. Если бы эти слова произнес другой, скажем, кто-то из мужчин, стал бы он выслушивать их?

Аспет ждала. Он поднял глаза, как бы спрашивая: «Что же не продолжаете?!»

Его поразило — на лице Аспет не было ни тени осуждения или враждебности, хотя говорила она жестокие вещи. Девушка улыбнулась:

— То, что я говорю, наверное, кажется вам детским лепетом?

— Упаси боже. В ваших словах горькая, но истина.— Баглан подвинул свой стул поближе.— Ну, поднимем?

Девушка взяла бокал за тонкую ножку пониже и чокнулась с Багланом.

— Представьте, ага, что это хрустальный звон.

Баглан рассмеялся от души.

— С той минуты, как увидел вас в купе, я слышал хрустальный звон в обыкновенном стекле. А вы вот сидите и не слышите даже стеклянного звона в чистом хрустале.

Аспет расхохоталась:

— Ага, ох и хитрец же вы!

— Кто знает? Может быть, и так, хитрости у меня хватает...

— Самоуверенность — это то, что многих губит. А для человека искусства самообольщение — хуже смерти.

— «Хуже смерти»? А что может быть хуже смерти?

— Ой, ага, вы, кажется, в самом деле принимаете меня за ребенка. Если человек искусства, у которого и талант, и работоспособность, считает, что он уже достиг всего, пресытился всем,— разве такая жизнь не хуже смерти?

Баглан в душе признал свое поражение, но сделал вид, что пошутил:

— Ну, поднимем, Аспет!

Но Аспет не протянула руки к бокалу.

— Спасибо.

Баглан не стал настаивать. Сам отпил и поставил бокал на стол. Ему вспомнились начертанные на сохранившемся фронтоне мавзолея Айша-биби строки: «Небо... облака... Аруана-дуние... мир, полный щедрот». «Мир, полный щедрот» — какие слова! Мысль какая! Но он уже так опасался этой острой на язык девушки, что решил — лучше помолчать.

— Хорошо. Допустим, что вы правы. Тогда кто же, по-вашему, Айша?

— Айша? Жена знаменитого хана. Айша — мать знаменитого хана. Айша — владетельница трона, взявшая ханство в свои руки после смерти мужа. Кто бы ни повелел воздвигнуть этот мавзолей, он преследовал одну цель: используя авторитет Айша-биби, любым способом укрепить свою власть. Для вас этот сюжет — погоня за миражом.

«А ведь в ее словах есть доля истины», — подумал Баглан.

— Потом, мне не нравится фон вашей картины, — продолжала Аспет. — Какие-то люди, машины. Хотите сказать: прошлое и настоящее находят общий язык? Как это неоригинально. Понимаю и ваши намеки: легковые машины выглядывают где-то там, на втором плане. А линия электропередачи на косогоре — вот оно, наше время, символ нашей эпохи! Если бедная Айша уходила из жизни с мыслью: «Каковы будут мои потомки через тысячу лет?» — пускай теперь увидит!

Издевка, звучащая в словах и в голосе Аспет, больно задела Баглана. Ему вновь захотелось вскочить и уйти. Да, но прежде всего надо расплатиться за шампанское. В гневе сам не заметил, как вырвалось:

— Аспет, ты все же не забывай, что я известный художник, а ты запросто оскорбляешь меня.

Аспет помолчала, а затем сказала:

— Если я обидела вас, прошу извинить. Но скажите в таком случае, в чем я не права?

Баглан, возмущенный, не находил слов.

— Авторитет! — снова вырвалось у Аспет. — Но посудите сами, какова картина, которая принесла вам и положение, и имя. Это значит, что авторитет бывает и дутый. Часто истинные таланты остаются в стороне. Сознаться, что добрая половина авторитетов подчас основывается на слухах: такая, мол, вещь прекрасная. Правда ведь, Баглан-ага?!

Да, с этой девчонкой сушая беда! Так, не считаясь ни с чем, режет правду-матку в глаза, и все тут! Как не подпишешься под тем, что говорит! А тот художник, под чьей эгидой он сам начинал? Мысль и кисть его, Баглана, а вся слава — тому. И Баглан вспомнил: как-то с несколькими приятелями он зашел в ресторан в центре города, только открывшийся после ремонта. Чего таить, орнамент, который прежде украшал здешние стены, был отличным. Его работы. Теперешний же казался безжизненным, беспомощным, словно рисунки, сделанные детской рукой. Один из приятелей, оглядев стены, поморщился:

— Зачем они сменили орнамент? Там была рука мастера, вкус, талант. А это что?

— То было моей рукой сделано, — вдруг не вытерпел Баглан.

Приятель не поверил:

— Ладно, свет мой, что ты несешь? Думаешь, я не знаю? Ты эту сказку кому-нибудь другому Расскажи.

Вот вам, пожалуйста, — авторитет. А сколько ловкачей

возрастом помоложе талантом куда как обделены. Баглан задумался, насчитал сразу около десятка таких, но они нашли пути обрести авторитет.

Гнев Баглана постепенно стихал. Заметившая это Аспет мягко улыбнулась:

— Баглан-ага, вы не сердитесь на меня, ладно? Если угодно, спорьте, убеждайте. Хотя и без вас есть кому меня ругать.

Последние слова Аспет произнесла почему-то со вздохом. Сердце Баглана кольнула острая жалость. «Что это со мной, еще совсем девчонка, а я всерьез обозлился. Пускай говорит. Возможно, она повторяет чужие слова».

Он вновь предложил шампанское.

— Выпьем. Всего-то один бокал, а вы все не можете его одолеть.

— И то пью только потому, что с вами,— уклонилась Аспет.

А Баглан сделал неожиданное открытие. Оказывается, со времени их встречи прошло часа три, а то и четыре. И все это время говорила только Аспет. А он сидел и рта почти не раскрывал, разве иногда давал волю своему гневу. Где же его почтенный возраст, его право старшинства? Жизненный опыт, знания?

Вспомнился эпизод из его поездки по Югославии, захотелось рассказать ей.

Баглан наклонился к девушке:

— Вы знаете, в Белграде есть музей современного искусства?

Она сразу заинтересовалась:

— И что же?

— Прежде всего, занятно само здание музея. Стены, потолок — все сделано из квадратов.

— Это то, что называется кубизмом?

— Да, тот самый кубизм... Музей — нескончаемая повесть, хоть с утра до ночи читай. Но речь только о двух произведениях, которые я там видел. Одно из них — «Хаос», другое — «Гармония». На гранитном постаменте в

рост человека — что бы вы думали? — приваренные друг к другу в ряд кольца из никеля.

— Кольца? — удивилась Аспет.

— Да, кольца. А ведь сварить никель очень трудно. Все стыки в четких напайках, словно узлы на дереве. Имя этому «шедевр» — «Гармония». А с другой стороны — такой же постамент, такие же кольца. Единственное отличие: приварены они друг к другу как попало. Это — «Хаос». Я рассмеялся и пошел дальше. Вдруг окликает кто-то: «Что же вы не постояли, не пригляделись?»

Оглянулся — на зеленом газоне полулежит какой-то бородач.

«А на что тут глядеть-то?»

«Наводит на размышления. Когда я утром пришел сюда, ни о чем, собственно говоря, не задумывался особо. А вот сейчас лежу, смотрю и диву даюсь: столько разных мыслей в голову запало».

Я кивнул незнакомцу и пошел дальше. Но его слова никак не выходят из головы. Тогда через какое-то время я вернулся и долго стоял и смотрел. И стали меня тревожить мысли о жизни, о радостях и горестях ее. Теперь, когда вспоминаю об этой поездке, сразу же встают перед глазами эти кольца из никеля, не имеющие вроде бы никакого отношения к искусству.

— А дальше?

— Что — дальше? Иногда мы как будто читаем произведение искусства глазами, но не читаем их сердцем.

Аспет, слушавшая с интересом, вдруг будто очнулась ото сна:

— Вы же не оставляете возможности для раздумий.

— Оставляем. Только учитесь читать и думать.

— Если бы вы нарисовали только одну уцелевшую стену Айша-биби, я бы задумалась: а какими же были другие стены, купол... А вы решили веками неразгаданную загадку и выложили — нате вам. Что мне остается «читать»? О чем раздумывать?

Баглан не нашелся, что ответить. Аспет же торжественно

вала: «А-а, молчите?!» — она продолжила свою мысль:

— Возьмите хотя бы «Рожь» Шишкина. Думаете, сила этой картины в спелых, налитых колосьях, что колышутся под ветром? Вовсе нет. Такое несложно изобразить. Весь секрет ее — в ее дальнем фоне, в заднике, как это у вас называется.

Оттого ли, что многие художники, уже сложившиеся, с прохладцей относятся ко всему, кроме собственных произведений, Баглан не сумел сразу четко представить себе второй план известной картины.

— Если вы отчетливо видите рожь и, кажется, слышите даже шелест колосьев, то на второй план, на перспективу, вдаль, вы смотрите, поднявшись на носки и приложив ладонь козырьком к глазам. Почему? Потому что вы перевалили через какой-то неприметный холм. А что там, за холмом, — это-то вы и хотите узнать, напрягая глаза до усталости. А вы пишете хлебное поле, посередине — каких-то людей. И все. Вот и думай, о чем только? Когда начинать жатву? По сколько центнеров возьмут с гектара? Вот и весь разговор. Над чем ломать голову?

Баглан рассмеялся.

— И что же вы хотите предложить? Америка давно уже открыта.

— Для того, кто ищет, сколько еще неоткрытых Америк!

— Что ни говорите, а я с вами не согласен, — уже посерьезнев, ответил Баглан.

Аспет продолжала:

— Писательская братия тоже шумела: «В литературе все Америки давно открыты!», а пришел Маркес и нашел новый путь, как писать романы.

Баглан снисходительно поправил:

— Это вы бросьте, Маркс никогда не писал романов.

Аспет хохотала до слез:

— Не Маркс, а Маркес, Габриэль Гарсиа Маркес, колумбийский писатель. «Сто лет одиночества» не читали?

Баглан понял, что попал впросак. И еще как! Пристыженный, попытался вывернуться.

— Ах, Мар-кес? — произнес он, будто сообразил, о ком идет речь.

— Вижу, Баглан-ага, вижу! Не читали вы Маркеса, не знаете.

Баглан свел к переносице брови:

— Собственно говоря, кто вы такая?

— Сами сказали — Аспет я, Аспет, — девушка звонко рассмеялась.

Баглан заметил, что на лице ее только доброжелательность и доверчивость и никакого намека на желание поддеть, вывести из себя. Как ни в чем не бывало она предложила:

— Баглан-ага, вы ничего не едите, — и протянула руку к столу. Пальцы у нее тонкие, длинные и сильные.

— Какие у вас нежные руки, какие длинные пальцы. Не пианистка ли?

Аспет убрала руку.

— Нет. Куда там. Актрисой хочу стать.

— Ну и?!

— Еду поступать на актерское отделение.

— Удачи вам...

— Спасибо.

Паузу первая прервала Аспет:

— А еще пристрастие у меня было...

— Какое?

— Собирала репродукции хороших картин.

«Значит, и «Айша-биби» была в числе хороших», — утешил себя Баглан.

— Вы говорите о своем увлечении в прошедшем времени. Что, сейчас уже не собираете?

Губы Аспет дрогнули.

— Какое там! Не знаю, где теперь то, что собирала.

— Почему?

Аспет вздохнула.

— Не надо, я прошу вас, Баглан-ага, об этом не спрашивайте. И так на душе тяжело. А вам это совсем уж ни к чему. Из такой прекрасной поездки возвращаетесь. Зачем огорчать рассказом о бедах чужого вам человека. Да мне и сходить пора.

— Как? Вы же в Алма-Ату едете?

— В Чу у меня есть кой-какие дела. В Алма-Ату позже приеду.

Минут через двадцать поезд остановился на станции Чу. Баглан был в какой-то мере, конечно, уязвлен тем, что говорила о его картине Аспет, но он обладал и достаточно трезвым рассудком, уверенностью в себе, чтобы понять и оценить искреннее желание девушки сказать ему все прямо и честно, оценить глубину и остроту ее суждений. Прощаясь, он взял ее за руку. Какая теплая и мягкая эта рука, спрятавшаяся в его ладони. Баглан ощущал, как вздрагивают пальцы, пытаюсь высвободиться. Но он крепко сжал ее руку в своей ладони.

— Не лишайте хоть этого удовольствия.

— Поезд ваш уйдет,— прошептала Аспет.

— Где вы остановитесь в Алма-Ате? Я разыщу вас...

Девушка наконец высвободила руку и покачала головой:

— Зачем?!

— Сам не знаю. Просто хочу видеть вас.

— Нет, Баглан-ага, не нужно. Мне-то вас легче разыскать, чем вам — меня. Выпадет случай, сама подам весточку...

Поезд тронулся. Аспет осталась на перроне, стояла и махала вслед убегающим вагонам.

Чудеса! Какие, выходит, разные бывают встречи. Иной раз познакомишься, побеседуешь, даже с интересом, посмеешься удачной остроте и расстанешься, обменявшись адресами и телефонами, заверениями и пожеланиями. Поезд двинется дальше. Войдешь обратно в купе, сразу углубишься в газету или книгу или станешь глядеть на мелькающие за окном степи. С глаз, как говорят, долой,

из сердца вон. Будто и не было никогда ничего — ни разговоров, ни рюмки, осушенной за узким вагонным столиком.

А эта встреча совсем иная: Баглан, уже распрощавшись, так ничего и не узнал о своей неожиданной попутчице. Поразительно: считавший себя человеком сдержанным, он в их споре не раз с трудом удерживался от того, чтобы осадить, наглубить в ответ на такую непривычную и даже обидную прямоу Аспет. Но вот сейчас у него такое чувство, будто отняли что-то; только что сидевшая напротив стройная, тоненькая девушка, похоже, перевернула в его душе все вверх дном. Так захотелось вновь, не отрываясь, смотреть в большие черные глаза, на необыкновенной белизны лицо. Что-то не дослушал он, о чем-то не смог спросить. Так и тянуло прыгнуть с не успевшего еще вытянуться в беге поезда и догнать ее... А потом через день-два вместе приехать в Алма-Ату...

Баглан взглянул в окно. Поезд еще шел по городу. Дома с плоскими крышами, кружась, оставались позади. Вон из-за угла небольшого беленького домика вышла стройная девушка. В руке чемоданчик. Ветер треплет голубое платьице, так идущее к ее белому лицу. Четко очерчена девичья фигура, легкая, летящая. Идет куда-то. Куда?

Вечером Баглан приехал в Алма-Ату.

Салима и маленький Алдан встретили его. Алдан с криком «Папа!» повис на шее, а Салима, с которой он не виделся дней двадцать, как бы невзначай прильнула к нему, давая понять, как соскучилась. Приехали домой. Уютно, тепло. Его дом, его очаг. Если б не этот дом, не Салима, не Алдан — что за жизнь была бы у него? Мороз пробежал по спине. Сели за стол с добрыми друзьями, ожидавшими их. Радостная новость — в последнем номере «Огонька» репродукция картины Баглана «Вдоль Есиля».

Журнал разглядывали, передавали из рук в руки. Это тоже радость, тоже честь.

Эх, была бы здесь Аспет!.. Если б своими глазами увидела, какие у него друзья, какой сын... Перед глазами снова поплыли кружащиеся беленькие домики, стройная девушка с чемоданчиком в руке. Уходит. Куда? После ухода гостей Салима, словно только и ждала этой минуты, всем телом прижалась к нему, заглянула в глаза.

— Что же ты не самолетом? Я так соскучилась!

И хотя вкралась в душу какая-то тень, Баглану нечего было скрывать от жены. Когда прошло время, достаточное, чтобы утолить радость встречи, Салима, приподняв голову от подушки, снова повторила:

— Почему же ты не прилетел самолетом?

Но что за наваждение: перед глазами Баглана — плоскокрышие дома, Аспет и ветер, развевающий ее сине-белое платице...

Баглан не ответил.

Счастливая и жизнью своей и Багланом, Салима ни о чем не догадалась. «Устал с дороги, пусть отдохнет», — решила она и укрылась с головой.

Утром Баглан завел машину, вывел из гаража и поехал в мастерскую. Знакомый запах красок. Вчера, когда он подумал: «Что за жизнь была бы, не будь семьи, этой теплой, уютной квартиры, ожидавшей хозяина?» — у него по спине пробежал мороз. Сегодня, в мастерской, это чувство вновь охватило его. Кто знает, не было бы у него этой квартиры, он бы, наверное, все равно жил, как бы трудно ему ни было. А вот не будь мастерской, он погибнет — это яснее ясного. Здесь смысл его бытия, суть существования. Это — он сам, весь без остатка.

Войдя в мастерскую, сразу же взял в руки кисть. Почему-то поднес к носу, понюхал. Кисть высохла. Он выдавил из одного-двух тюбиков краски, перемешал и откинул чехол с полотна, стоявшего на мольберте. Какие-то линии, силуэты людей. Кисть заскользила, потом замерла в руке. А что бы сказала Аспет об этой картине?

Баглан задумался. Аспет. Да кто она, собственно говоря? Призрак? Фея? Он снял набросок с мольберта. За

ним открылась другая картина, написанная им ранее: «Хлебное поле». Баглан поначалу даже вздрогнул. Теперь он вспомнил: что-то не понравилось ему в этой картине. С тем и оставил ее на мольберте. Неожиданно всплыли в памяти слова, сказанные Аспет о картине «Рожь», и он рассмеялся. Права она: не оставляем человеку возможности додумать. Баглан снял картину с мольберта, поставил ее у двери. Кажется, он понял, почему так нужна ему Аспет: если Салима, как это принято называть, подруга жизни, то Аспет — подруга мысли. И, оказывается, нужнее ему имею такая. Потому, видно, он не приводит Салиму в мастерскую. Да она и сама не изъявляет такого желания. Когда он говорит «пишу то», «пишу это», она отвечает неизменным: «А-а, хорошо». А что он пишет, как пишет, Салиме нет до этого дела. Пишет, и хорошо. Лишь бы приняли написанное.

Открыв для себя эту тайну, Баглан и дома, и в мастерской стал теперь первым подбегать к телефону. Аспет обещала дать знать о себе. И он ждет. Неделя прошла. Месяц. Вскоре наступила весна.

Но вот как-то в полдень раздался звонок. Баглан крикнул:

— Салима, подними трубку!

Салима подошла к телефону и передала трубку Баглану: «Какая-то женщина тебя спрашивает».

— Баглан-ага, это я,— раздалось в трубке.

Такой как будто знакомый и такой далекий голос Баглан поначалу опешил: «Кто бы это мог быть?»

— Это я, Аспет...

— Ой, куда же ты запропастилась, миленькая?

— Баглан-ага, вы можете встретиться со мной?

— Отчего же нет? Могу.

— Тогда я жду вас,— и Аспет назвала перекресток, где будет его ждать.

Баглан быстро оделся. Он даже не оглянулся на Алдана, который крутился рядом. Успел только бросить на

ходу жене: «Звонили из радио. Записать хотят». И вышел на улицу.

Та же Аспет, что в прошлом году. Нисколько не изменилась. И платье то же, белое с голубым. И чемоданчик тот же. Баглан так стосковался по ней, что ему захотелось обнять ее, но Аспет спокойно протянула руку:

— Баглан-ага, можете отвезти меня в Джембул?

Вопрос был настолько неожиданным, что Баглан не нашелся сразу, что и ответить.

— Если нет — не затрудняйтесь. Только скажите прямо.

— Почему не могу? Могу...

— Сегодня вечером я должна быть там.

Баглан не сказал больше ни слова. Пошел в гараж, завел машину. Перед самым отъездом заглянул домой. Салима уже ушла на работу. «Неудобно не позвонить», — подумал он и набрал номер: «Я по срочному делу еду в Джембул. Буду дня через два-три. Не беспокойся».

Салима не стала ни о чем спрашивать. Попросила только: «Пожалуйста, будь осторожен в дороге». Не было случая, чтобы она устраивала слежку за мужем. Рано ли явился, поздно ли, — лишь бы был цел и невредим. Иногда, заработавшись допоздна, он звонил ей, дескать, устал очень, пожалуй, останусь ночевать в мастерской, на что она только отвечала: «Хоть бы заехал, чайку попил». Подобно женам его приятелей, не проверяла повторным звонком, не выпрашивала вахтера, в мастерской ли он, один или кто с ним? Так и жили в мире и согласии, без стычек и мелких ссор.

Была уже ночь, когда они въехали в Джембул. Невеселая, погруженная в раздумья Аспет молчала. Баглан не стал допытываться: что толку от того, что узнает о цели ее поездки.

Машина остановилась у небольшого домика на окраине.

— Баглан-ага, мне очень неловко, но...

— Говори, — выжидательно попросил Баглан.

— У вас в этом городе есть где поставить машину и переночевать?

Об этом Баглан позаботился загодя: позвонил из Алма-Аты своему другу Маусымбеку, театральному художнику, и тот ожидал его.

— Есть, есть, не тревожься.

Аспет обрадовалась:

— Тогда я жду вас здесь завтра... часа в два... — продолжала она, стоя возле машины.

— Хорошо, — и Баглан тронулся с места.

Маусымбек и вправду ждал его. Не ложился. Усадил за стол, пытался завязать пространный разговор со своим однокашником. Однако Баглан то ли от усталости, то ли взволнованный этим непонятным поступком Аспет, был немногословен. На вопрос, по какому делу пожаловал, коротко объяснил, что одна из нитей его творчества связана с Айша-биби и он приехал ознакомиться еще с некоторыми деталями. На этом разговор и прервался.

3

Баглан подъехал к условленному месту чуть раньше назначенного времени. Аспет появилась в ту минуту, когда он выходил из машины. Он пошел ей навстречу. Аспет вдруг остановилась и опустила голову.

— Что случилось? — испуганно воскликнул Баглан. Она не ответила.

Баглан снова спросил:

— Скажи мне, что случилось, Аспет? Кто обидел тебя? Аспет быстро овладела собой.

— Баглан-ага, извините, я сейчас, — и побежала к дому.

Прошло некоторое время, Баглан, озадаченный, расхаживал у машины. Ясно одно: случилась какая-то беда. Иначе Аспет не заплакала бы перед не очень знакомым ей человеком.

Баглан оглядел неказистый домик. Двор, огороженный плетнем. Судя по тому, что старые ворота покосились, а из калитки выпали жердочки, за домом нет ухода. Единственное, что радует глаз,— яблоневые деревья во дворе, буйно цветущие в эти весенние дни. Дальше, в глубине,— чинара с густой листвой. Под ней, журча, бежит арык. «Посидеть бы там с нею!» — подумал Баглан. Из дома вышла Аспет. Она улыбалась, словно пыталась загладить свою недавнюю слабость. Баглан посмотрел ей в глаза, будто говоря: «Улыбаешься, а горе-то все равно не скрыть, лучше бы рассказала не таясь». Девушка не отвела глаз:

— Баглан-ага, а что, если мы съездим сейчас к Айша-биби?

Айша-биби! Этот мавзолей, словно букет цветов, оставленный в выжженной степи нам и последующим поколениям нашими предками, расположен неподалеку от древнего казахского города Тараза, позднее Аулие-Аты, а ныне Джамбула.

Сколько раз он бывал здесь! И всегда с восторгом и удивлением. Этот мавзолей — ровесник мавзолея батыра Санжара — знаменитого султана сельджуков. Он на триста лет старше прославленных самаркандских памятников, на пятьсот лет старше всемирно известного Тадж-Махала в Индии и даже единственной уцелевшей стеной своей потрясает и покоряет людей.

Хотя и по возрасту и по размерам Айша-биби не может соперничать с такими чудесами мира, как Парфенон или Эрехтейон, созданными гением Фидия и зоркостью Перикла, но по красоте Айша-биби им не уступает. Одно обидно: забвение мудрости, сформированной в призыве — умеи ценить золото, пока оно в руках, и почитай прекрасное,— обошлось народу слишком дорого. Три стены мавзолея растащили. Кирпичик за кирпичиком уносили с собой те, кто приходил поклониться этому священному

месту, найти здесь исцеление. Растаскивали и «любители» древних реликвий или просто невежды, чтобы было чем похвастаться. Если поискать, то в очагах окрестных домов можно еще и сейчас обнаружить немало буквально выдранных из мавзолея кирпичей. Как бы там ни было, хотя и поздно, но все-таки нашлись заботливые руки, которые собрали разбросанные вокруг кирпичи, а сохранившуюся стену накрыли стекляннным колпаком.

Ни Аспет, ни Баглан не обмолвились ни словом. Молча обошли раза три мавзолей и сели в машину. Наверное, в таких случаях и впрямь лучше помолчать. Здесь, говорят, слышен голос Айша-биби. Вот уже девятьсот лет звучит он, призывает род человеческий к согласию, к дружбе. Потому-то и замолкают те, кто попадает в это священное место. Каждый слышит голос Айша-биби по-своему, по-своему внимает ему.

Маленькая машина выбралась на асфальт. Впереди дымил трубами город. За ним синела ставшая легендарной гора Тектурмаса. У дороги оглушительно грохочет речка Аса, хотя воды в ней по щиколотку. Доехав до речки, Баглан чуть сбавил ход, у самого моста круто повернул. Аспет не спросила: «Куда мы едем?» Баглан взял поближе к речке и, затормозив у лужайки, предложил:

— Отдохнем немного, перекусим.

Тут же был расстелен брезент. Из багажника Баглан извлек еду и напитки. После шампанского Аспет повеселела, порозовела. Они искупались. Не раз, скользя и оступаясь, Аспет теряла равновесие и опиралась на Баглана, чтоб не упасть. И не раз Баглан поддерживал ее. Обнять он ее не пытался. Аспет, выйдя из воды, подошла к нему и ни с того ни с сего сказала:

— Я хочу змеиного мяса.

Баглан, решив, что ослышался, переспросил:

— Чего, чего?

— Змеиного мяса... Найдите мне змею.

— А как ты будешь есть ее?

— Могу сырую, могу жареную...

Похоже, Аспет не шутит.

— Поищем, авось и найдется.

Они перешли на ту сторону речки, двинулись вдоль берега. Впереди — горы. До самых гор поросшая бурными травами широкая лощина — зеленая-презеленая. Они долго шли по каменисто-песчаному берегу. Впереди на небольшом взгорке высился одинокий куст. Словно волосы у скорбящей женщины, поникли долу гибкие ветки...

— А вы знаете, как этот куст называется? — Аспет подошла ближе.

— Знаю. По-русски — плакучая ива.

Аспет рассмеялась.

— Не, а по-казахски как?

— Жлаук-тал, наверно? — смутился Баглан.

— Не знаете, так знайте: казахи называют его меджнун-тал¹.

— Меджнун-тал?.. Удивительно!..

— Правда, очень подходит это название?

— Поразительно! — Баглан только теперь заметил: под меджнун-талом густая тень. След ручейка, по которому бежала весенняя талая вода, мягкий песок. В Баглане вновь проснулось желание, возникшее, когда он смотрел на простенький домик Аспет: посидеть бы с ней на берегу арычка в тени.

— Аспет, а что, если мы посидим, отдохнем в тени? — он взял девушку за руку.

— Устали? — спросила Аспет с улыбкой.

Впервые, как показалось Баглану, она разговаривала с ним как-то даже кокетливо.

— Да хоть бы и не устал... Пусть будет что вспомнить...

— Ладно... Быть по-вашему...

¹ Меджнун — герой восточных сказаний. Потеряв свою возлюбленную — Лейли, Меджнун сходит с ума от тоски. Куст плакучей ивы ассоциируется у казахов с образом скорбящего Меджнуна, отсюда название дерева — меджнун-тал.

Они подошли и сели в тени ивы. Баглан огляделся. Совсем рядом, грохоча по камням, бежит река. Ни живой души. Место, где они сидели, было скрыто от посторонних глаз. Это ли обстоятельство придало ему силы, но он положил руку на спину Аспет и обнял ее. Девушка вначале покорно потянулась к нему, видимо, от неожиданности, но в следующий же миг выпрямилась.

— Баглан-ага, зачем вы?

— Как «зачем»? Ты мне нравишься, Аспет, очень нравишься.

Аспет набрала песок, и сейчас он тоненькой струйкой стекал из ее разжатой руки.

— И вы мне... давно нравитесь...

— Тогда... что же...— Баглан, осмелев, снова обнял ее. Сердце забилося. Однако Аспет отпрянула, выскользнув из его объятий, и села поодаль.

— Не поддавайтесь минуте, Баглан-ага, не дешевите. Все может быть лучше, выше.

— Скажи, зачем ты привела меня сюда?! — с раздражением сказал он, теряя всякую выдержку.

Аспет удивленно взглянула на него.

— Вы решили, что я пригласила вас с какой-то тайной целью?

Но Баглана уже было трудно остановить.

— Да, думал.

— В таком случае, вы мелко рассчитали, Баглан-ага. Ладно, меня может обидеть любой, но с вами-то что случилось? Я-то вас приняла за другого человека. Вам не кажется, что вы теряете сейчас очень многое?..

— Что ты задумала? Целиком подчинить меня? Заставить забыть обо всем, о семье, о ребенке?!

Аспет приподнялась.

— Баглан-ага, что это такое вы говорите? — беспомощно произнесла она. Ни гнева, ни возмущения не было в ее голосе.— Если бы я рассчитывала... на то, что вы имеете в виду, я бы совсем иначе повела себя. Мне, правда,

перевалило за двадцать и я ничего еще в жизни не видела, но такой мелкой цели не преследовала никогда.

Баглан спохватился: «Что я натворил?!»

— Возможно, вы считаете, будто я обязана вам тем, что вы привезли меня сюда? Но ведь машин и добрых, широких людей с машинами,— в голосе ее уже звучала ирония,— не так уж мало. Если бы я остановила в Алма-Ате десять человек с машинами и попросила привезти сюда, многие из них не отказали бы мне. Но за это, наверно, они потребовали бы ту же плату, что и вы. И я знала бы точно, чего они хотят, и это не было бы для меня неожиданностью. Знаешь, на что идешь. Но вас я считала совсем другим человеком...

Баглан, к которому вернулось душевное равновесие, слушал ее слова, вытянувшись на песке и прикрыв глаза.

— Спасибо, что без единого вопроса вы согласились привезти меня. Но не играйте на этом. Говорят, человека бог поручил человеку. Мне нужна была опора, друг, бескорыстный друг. Я думала, что нашла его в вас, и, поскольку пришлось искать поддержку у людей, предпочла обратиться именно к вам... Оказывается, ошиблась...

Задетый ее словами, Баглан поинтересовался:

— Какая беда у вас приключилась? Не скрывайте, может, нужна помощь.

— Какой толк от того, что скажу? Ни вам, ни мне от этого не станет легче. Была у меня мечта, может, наивная, детская... И потому несбыточная.

— Какая же?!

— Я мечтала быть самым маленьким человеком на свете... Чтобы все другие были старше и сильнее меня... А я, маленькая, ласкалась бы ко всем... И все исполняли бы мои желания... А в жизни почти все, кого ни встречаю, мелкие, как муравьи под ногами... И получается, что я...

Баглан все еще лежал на спине с закрытыми глазами, он хотел было возразить, пошевелился, но, почувствовав приблизившееся дыхание Аспет, замер. Губы ее коснулись его щеки, прижались на мгновение.

— Будьте здоровы, Баглан-ага!

Баглан не ответил. «Никуда не денется, вернется», — и продолжал лежать. Кругом такая тишина... «Но где же она?» — он приподнял голову и, прищурясь, осмотрелся.

— Аспет, а разве мы не будем искать змею?

— Я пошутила.

Дальше машины все равно не уйдет. Баглан, лежа на спине, открыл глаза: небо голубое-голубое. И на краю этой прозрачной сини плывет облачко. «Но где же все-таки она?!»

— Аспет, эй, Аспет!

Аспет успела переодеться у машины и уже почти дошла до шоссе. Баглан бросился вслед:

— Аспет, прошу вас, остановитесь.

Девушка не обернулась. Выйдя на шоссе, подняла руку, села в первую попавшуюся машину и исчезла.

Баглан остался один. Сердце заныло от боли. Где, в чем он допустил оплошность? Со стороны, кажется, все правильно. И то, что он привез ее в Джамбул, и то, что поехали к Айша-биби, и то, что сидели там. Но почему она должна была так обидеться? Зачем, в самом деле, ехала с ним сюда, в этот город? Неожиданно в памяти всплыли и ее слова: «Поскольку судьба принудила обратиться за помощью, и не к кому-нибудь, а именно к вам...» Баглан улыбнулся. Как бы донесся голос Аспет: «Оказывается, я ошиблась. Считала, что вы муж, а не просто мужчина...» Разве это не одно и то же? И тут Баглану припомнилась давняя встреча с одним известным поэтом, как тот однажды восторженно процитировал строки: «Такие времена — перевелись мужи, остались лишь мужчины». Значит, Аспет умышленно подчеркнула неравнозначность этих слов... Хорошо, что ничего не произошло между ними. Баглан вздохнул. Он понимал, что пытается утешить себя. Опять безответные вопросы стали осаждать его. Откуда она пришла утром? Почему заплакала, когда увидела его?.. Вопросов много. Но ответа на них нет. Он подошел к машине. Собрал вещи, сложил в багажник и тронулся.

Подъехав к тому месту, где Аспет села на попутную машину, остановился. Впервые в сердце закралась ревность. Ревность к тем, кто сидел в машине. Сама подняла руку. Решилась... Баглана будто обожгло. Он снова включил мотор. Куда ехать? Прямо в Алма-Ату? Нет, лучше сначала к Маусымбеку. Или... к дому с покосившимся плетнем, подождать Аспет? А если не выйдет? Ночь будет там стоять, день. Должна же она выйти из дома. А ее ли это дом? Если да, то почему не пригласила, не сказала «зайдите»?

Так, погруженный в раздумья, Баглан долго плутал по улицам, а когда затормозил, увидел, что оказался как раз против дома, откуда утром вышла Аспет.

4

Терзаемый сомнениями, Баглан, видимо, просидел в машине довольно долго. Начало смеркаться. В маленьких окнах загорелся свет, за тюлевыми занавесками возникали тени. Нет, войти — не хватает смелости. Уставший от всех этих сомнений, он вернулся к Маусымбеку. Тот засуетился: «А я думал, уж ты обратно уехал, если так припозднился...»

— Тебе известны муки творчества, Маусымбек. У меня новый замысел, связанный с Айша-биби. Не могу пока найти ключи... — Он помолчал. — Устал, дружище. Если есть что выпить — наливай. Давно мы с тобой не виделись. Кутнем!..

И выпивка нашлась, и закуска. Баглан опрокидывал рюмку за рюмкой. Не отставал от своего именитого приятеля и Маусымбек.

— В студенческие годы ты и лимонада в рот не брал, а теперь, гляжу, человеком стал!

Так перевалило за полночь. Баглан говорил без умолку: боялся, что Маусымбек уйдет спать, а он останется один, и мысли, которые мучили его весь день, снова налетят и станут терзать. Пробило три часа.

— Соскучился я по тебе, дружище, давай ляжем вместе.

Маусымбек с готовностью согласился.

— Спасибо, брат, что не забыл,— он даже уронил пьяную слезу.

Было уже четыре часа, когда два захмелевших друга разложили диван и, обнявшись, уснули.

На другой день Баглан проснулся поздно. Маусымбек уже ждал его к завтраку.

— Ну и силен ты спать, дружище!

— А где хозяйка?

— Утро-то когда еще настало. Ушла на работу. Хотела с тобой проститься, но ты храпел так, что стены сотрясались.

Баглан взглянул на часы. Двенадцать дня.

— Ну, и мне пора в путь...

— Выедешь попозже.

— Нет, Маусымбек, ни минуты не могу ждать. Да и ты ступай на работу.— Баглан умылся, выпил пиалу чая и простился с другом.

На этот раз Баглан даже не задумался, куда ему ехать. Подкатил прямо к домику Аспет и остановился. Но выйти из машины не спешил. Пожалел, что не взял с собой Маусымбека, чтобы тот сходил в ее дом. Но ехать снова за ним — не с руки. Он развернулся и поставил машину так, чтобы удобнее выехать на дорогу. И тут мимо него пробежал какой-то мальчонка.

— Эй, мальчик, погоди,— позвал Баглан и вышел из машины.

— Здравствуйте, агатай! — вежливо поздоровался мальчик.

— О, пусть жизнь твоя длится долго. Как зовут тебя, малыш?

— Копжасар.

— Копжасар? Ну, а в каком доме ты живешь?

Мальчик указал рукой на один из соседних домов.

— В этом...

— А здесь кто живет? — Баглан кивнул на дом с покосившимся забором.

— Здесь жил Акдаулет...

— «Жил»? А где же он теперь?

— Сидит.

«За что?» — только хотел спросить Баглан, но мальчик пояснил:

— Водку пил, дрался...

— А где его жена?

— В Алма-Ате.

У Баглана упало сердце: Аспет!

— Как ее зовут, не знаешь? — он боялся ответа и уже знал его.

— Знаю, Аспет ее зовут.

Баглан молча стоял у машины. Мальчик, решив, что он свободен, хотел уже бежать дальше, но Баглан удержал его.

— Кто сейчас здесь живет?

— Алтын, старшая сестра Акдаулета...

— Одна?

Копжасар подошел ближе к Баглану и, словно боясь, что кто-то услышит, шепнул:

— У Акдаулета был сын. Алтын взяла его к себе, усыновила. А теперь его нет.

— Как это — нет? — не понял Баглан.

— Умер позавчера, ему всего полтора годика было.

— Умер?

— Да, умер, — и Копжасар побежал дальше по улице.

Баглан почувствовал, что сердце его заныло, сжалось. Он опустился на землю прямо у машины. Вот какое горе у Аспет. Потеряла мужа и ребенка. Как до него не дошло ничего? Баглан попробовал оправдаться в душе: ведь действительно, как бы он мог предположить такое, если Аспет ничего не рассказывала? Но тут же опроверг себя: «Черствая душа у тебя, Баглан, только собой занят. Она же всю дорогу то и дело вздыхала. Слезы наворачивались на глаза.

Разве это не рассказ о горе? Мог бы вспомнить, как напутствовали ее друзья на вокзале еще в прошлом году: «Не горюй, Аспет, в жизни чего не бывает?!» Разве нельзя было догадаться, что у Аспет беда?! А когда она рассказывала про картину, которая висела у нее на стене, ты, уязвленный, тщеславный, только одно мог подумать: «Сняла — значит, не понравилась».

Баглан поднялся. Как ни корил он себя за черствость, желание узнать, почему все-таки сняли со стены «Айша-биби», владело им. Что за долгая история? И хотя он понимал, что пустое это занятие, нужно было найти Аспет. Просить прощения. Баглан быстрыми шагами, будто боялся, что передумает, подошел к калитке. «Сестра одна живет», — вспомнились ему слова мальчика.

Навстречу вышла невысокая, средних лет полная женщина. Это и есть, наверное, Алтын.

— Входите, — обратилась она к Баглану, который остановился в дверях.

— Да я на минутку...

— На минутку или на две, раз пришли — не стойте в дверях. Проходите.

Баглан прошел в комнату. Простенькая железная кровать. На стене выплывший ковер. Старый, потертый, расшатанный диван. Но глаза Баглана уперлись в боковую стену, туда, где, судя по следам, недавно еще висели картины.

Хозяйка, которой, видно, не понравилось, что незнакомец откровенно шарит глазами по дому, спросила:

— Ну что, свет мой, зачем пожаловал?

Баглан не стал придумывать причину:

— Мне нужна Аспет...

— Так она же уехала.

— Уехала? — удивился Баглан. — Куда?

Женщина вопросительно взглянула на него.

— Как — куда? В Алма-Ату. Утренним шестичасовым автобусом.

— Ах, какая жалость!..

Хозяйка выжидающе молчала.

После мучительной паузы Баглан выдавил:

— Ну, всего вам доброго, апа...

— Что, свет мой, Аспет знакома тебе?

— Да, знакома... В прошлом году, когда приезжала поступать... — не зная, что еще сказать, Баглан умолк.

Алтын подхватила:

— А-а, она говорила, что один добрый человек обещал помочь поступить, да не удалось... Значит, это ты, свет мой.

Баглан ухватился за соломинку.

— Да, это я.

Хозяйка вроде бы подобрела.

— Да, свет мой, твоей вины тут нет. Слыхала, ты сделал все, что мог.

— Да, так уж вышло... Если память мне не изменяет, ваше имя — Алтын?

Баглан почувствовал себя увереннее.

— Аспет много рассказывала о вас. Золото, говорила она, воистину Алтын... Словно родная мать мне! Даже больше мою сторону держала, а не брата своего. Учиться наказывала, пока молода. А ребенка твоего, говорила, я сама на ноги поставлю...

— Правда, правда, — Алтын вытирала платочком глаза. — Все как есть — правда. Как же я могла поддержать брата, если он все делал не как люди... Как мне сноху хаять, она ни в чем не виновата... Человек-то — он слуга того, кого уважает. А если говорят: «Пусть руки себе переломает тот, кто за родную кровь не радеет» — так от незнания это, свет мой.

Баглан, обрадованный тем, что уловка, к которой он вынужден был прибегнуть, удалась, совсем осмелел:

— А что ж такого натворил Акдаулет, неужели нельзя было выучить?..

— Ой, свет мой, разве не хотели мы, чтоб его оста-

вили? Мы с Аспет сколько хлопотали, старались как могли скрыть все плохое... Не вышло ничего.

— Так и не бросил пить? — сказал Баглан обыденно, словно знал обо всем.

На глазах Алтын опять навернулись слезы:

— Не бросил, не смог. Пусть бы просто выпивал. А то ведь куражиться начинает, язык распускать. На меня кричал, поважась, мол, Аспет. А она, бедняжка, ни в чем не виновата. Вовремя на работу. Вовремя с работы. Потом сидит, ждет Акдаулета. За Алданом приглядывает.

Баглан вздрогнул.

— За Алданом?

— Да, так звали бедное дитя. Я дала ему это имя. Сама-то в восемнадцать замуж вышла. Двух месяцев не прожили, как началась война. Муж погиб сразу. Отец тоже не вернулся с фронта. Когда война началась, Акдаулет еще не родился. Мать на сносях была. Только родила его и скончалась. Я вот его сама и растила... Десять классов образования дала. Сначала в колхозе учительницей была. Потом в городе, в начальной школе преподавала. Выростила его, на ноги поставила. Институт окончил здесь, в Джамбуле. Что там душой кривить, учился хорошо. Так хорошо, что на последнем курсе послали в научную командировку в Москву. Там и встретились они с Аспетжан. Она училась на втором курсе, на философском факультете. Бросила все, приехала с Акдаулетом. Взяла, сказала, академический отпуск, через год собиралась обратно поехать. Какое там. Человек предполагает, а бог располагает. Родила ребенка. Я решила назвать его Алданом, «утешением» на старости лет. Но вот и его мы потеряли, — Алтын зарыдала. У Баглана тоже повлажнели глаза.

— Успокойтесь, пожалуйста. Успокойтесь.

— Что ж больше делать, как не успокоиться? — проговорила Алтын, утирая глаза краем шали.

Решив выяснить до конца, за что же посадили Акдаулета, — наверное, не только за пьянство? — Баглан спросил словно невзначай:

— А нельзя было оправдать Акдаулета?

— За ним и преступления-то не числится особого. Прошлой зимой вызволили его. На работу устроился. Появился, что больше и капли спиртного в рот не возьмет. А Аспет ему писала: если бросит он пить, вернется. Но все напрасно. Всего на десять дней его схватило... Сейчас он опять в колонии где-то возле Караганды.

Баглан, выяснив для себя все, что ему хотелось, собрался уже уходить.

— Заговорила я тебя, чаю хоть попей, свет мой.

— Спасибо, апа, спасибо... Я спешу.

— Вот дом наш, свет мой, если выпадет дорога — засаживай, — проговорила Алтын. Потом помолчала, пытаясь справиться с подступившими слезами. — Аспетжан для меня как дочь кровная. Приглаживай ее, чтоб не случилось... — И тут она снова заплакала.

Ну и ну! Баглан, столкнувшись лицом к лицу с чужим порем, сам с трудом удержался от слез.

— Алтын-апа, считайте меня своим, чем смогу помочь, всегда помогу.

Баглан встал со стула и направился было к выходу, но вдруг остановился как вкопанный: пространство за железной кроватью за старым, потрескавшимся гардеробом было заставлено картинами в рамах. Профессиональный глаз сразу определил: отличные репродукции.

— Алтын-апа, откуда у вас все это?

— Ой, свет мой, это длинная история...

Опять «длинная история».

— Картины эти собирала Аспет. Акдаулет пришел однажды ночью пьяный и все порезал.

— Можно взглянуть?

— Если хочешь, гляди. Но вряд ли что сохранилось в целости.

Баглан подошел и отодвинул кровать. Джорджоне, «Юдифь» — крест-накрест через всю картину след ножа, Рубенс, «Соломенная шляпка» — ножом по диагонали,

Рембрандт, «Даная» — три горизонтальных разреза, Репин, «Иван Грозный и сын» — нож угодил прямо в лоб Грозному. У Баглана вырвалось:

— О, прямо Балашов!

— Какой Балашов, свет мой? Акдаулет,— поправила Алтын, не поняв.

Баглан пояснил:

— Был такой русский офицер, Балашов. Когда он увидел в Третьяковской галерее эту картину Репина, закричал, говорят, и ножом в картину.

— Да, выходит... как тот Балашов...

Ага, вот она: Баглан Шаймуратов, «Айша-биби»,— картина вспорота несколькими ударами. Баглан застыл.

— За что же он на эту картину так набросился?

— Я тому виной,— проговорила Алтын.

— Как?

— Сказала: проклятье падет на тебя. Хоть на прама-терь нашу, на Айшу, не поднимай ножа! Так он еще больше озлобился...

Баглан не стал смотреть больше. Отряхивая пыль с брюк, вышел во двор.

— Ну, до свидания, Алтын-апа.

— Будь здоров, свет мой.

Баглан только было завернул за угол, как навстречу ему выскочил Копжасар, словно нарочно поджидал.

— Агатай, постойте!

Баглан нажал на тормоз, открыл дверцу.

— Тот мальчик все равно умер бы...

Баглан удивился:

— Почему?

Копжасар почти вплотную подошел к нему:

— Люди говорили.

— Что говорили?

— Когда Аспетжан носила под сердцем Алдана, она хотела змеиного мяса...

Баглан ничего не ответил. Хлопнул дверцей.

Теперь в Алма-Ату. Домой поскорее. Но всю дорогу мысли об Аспет не оставляли его. Почему же она так и не открылась ему? Если бы Аспет рассказала обо всем, не было бы тех минут, о которых Баглан не мог сейчас спокойно вспоминать. Но, поразмыслив, он понял, что такие люди, как Аспет, никогда не жалуются на судьбу, не любят посвящать в свои горести, обременять других. Баглан вспомнил почему-то о лошадях, потому ли, что вырос в ауле, был пастушком? Эти гордые животные, даже когда им свяжут все четыре ноги и вот-вот проведут ножом по горлу, не издадут ни звука. Удивительно! Видно, умение не жаловаться на судьбу признак чего-то высокого. Баглан вдруг почувствовал себя одиноким, словно оказался выброшенным на берег после кораблекрушения. И все из-за нее. Если бы еще в прошлом году Аспет поведала ему свою жизнь, Баглану не было бы так мучительно горько. Больше пяти веков люди поклоняются «Джоконде». В чем же секрет этого непроходящего поклонения? Не в том ли, что так загадочна улыбка Моны Лизы? С тех пор как написана эта картина, сменилось уже двадцать поколений людей, и ни одно не смогло ответить: улыбается Мона Лиза или нет, если да, то что таится в ее улыбке?.. А ведь даже ребенок, казалось бы, может определить: улыбается человек или нет. Весь секрет, наверно, в том, что так загадочен, так таинствен душевный мир Моны Лизы. И каждому она улыбается по-разному. То насмешливо, уголками губ. Обернитесь и взгляните еще раз: ан нет! Джоконда взирает на вас свысока и улыбается презрительно. Попробуй пойми!.. Вот и Аспет! Переменчива и загадочна. Тоже попробуй пойми! А как он, Баглан, все же относится к ней, чего хочет от нее? Почему вчера у Маусымбека он так боялся остаться один? Даже заснуть один не смог. Ты приехал-то сюда не потому, что соскучился по приятелю... В душе у тебя рана, которую ты нанес сам себе, не подозревая того. И эта рана ноет, саднит. Да и Аспет! Она тоже боялась остаться одна. Потому и улыбалась, потащила к Айша-биби, купалась, просила отыскать змею — все для

того, чтобы хоть на миг забыться. Протянула руку в надежде, что с тобою забудет о своем горе. А ты? у Баглана опять сжалось сердце, на лбу выступил холодный пот. Он резко затормозил и съехал на обочину дороги, вышел, подставил грудь ветру и глубоко вздохнул.

— Приеду и сразу же разыщу Аспет, 'чего бы это ни стоило,— вслух произнес он и сел за руль.

5

В городе, сколько усилий ни прилагал Баглан, чтобы разыскать Аспет, это ему долго не удавалось. В надежде встретить ее он зачастил в консерваторию. Бродил по улицам, по музеям. Не раз побывал в университете. Звонил в школы, в детские сады. Всюду отвечали одно и то же: «Курмантаева Аспет? Нет, такая у нас не работает». «Вдруг сама позвонит?» — он удлинил шнур у телефона, и дома, и в мастерской ставил на ночь аппарат рядом с постелью,— все напрасно.

Однажды он сидел в мастерской, работа не шла, он наносил одну краску, снимал, накладывал другую. Вдруг зазвонил телефон. Сердце у Баглана запрыгало.

— Что делаешь?

Баглан с трудом узнал голос: это была Салима.

— Как что делаю? Работаю.

— Я сейчас приеду,— и Салима положила трубку.

Баглан хотел спросить: «Не случилось ли что?» — но не успел.

Немало удивившись намерению жены приехать в мастерскую — раньше она не проявляла особого рвения,— Баглан продолжал работать. И вдруг он услышал:

— Ну, так где она?

— Что?

Салима без всяких объяснений стала шарить по углам.

— Что ты ищешь?

— Брось эти шутки. Сам знаешь, кого ищу!

Баглан понял: кто-то решил нарушить согласие в его доме, разжечь огонь ссоры (любой художник приглашает в свою мастерскую людей для работы, к примеру, натурщиц). Салима, которая была человеком покладистым, одержимым желанием всячески, чем может, помочь Баглану, прекрасно знала это. И вдруг... Значит, так сильна клевета. Баглан возмущился было, но потом рассмеялся.

— Если решила застать меня врасплох, зачем же было звонить? Молча приехала бы и накрыла с поличным. А то я уже отпустил, отправил ее...

Салима растерялась.

— Не веришь? Не звони тогда, не сообщай: приду. Выследи и нагрянь!

Салима прошла к окну и села на кушетку.

— У нас с тобой все есть, — сказал Баглан, — ребенок, квартира, деньги. Имя и слава — это само собой. Возможно, эта наша жизнь не дает покоя кому-то? Хотят между нами клин вбить?

— Наоборот, хотят, чтобы все хорошо было.

— Кто так поступает, если на самом деле хочет добра? Если настраивает тебя против меня, а сам будто бы болеет душой за тебя. Это же подлость! И ты сама способствуешь ей невольно. Эти самые «доброжелатели», протянут ли они тебе руку или мне в трудный час? Нет, не способны они на это.

Салима вздохнула:

— А кто это такая Аспет?

Баглан помолчал: кто мог ей сказать? Ведь никто их не видел, ни одна живая душа. Откуда эти слухи?

— Почему ты молчишь?

Баглан подумал: «Возможно, кто-то и узнал меня...»

— Если я не знаю, о ком ты говоришь, отчего же мне не помолчать, — уклончиво ответил Баглан.

— Ах, не знаешь? Тогда на, получай! — и Салима бросила ему бумажку.

Баглан развернул ее и увидел эскиз портрета Аспет,

который он сделал незаметно для нее тогда, в вагоне-ресторане. Снизу его же рукой подписано: «Аспет».

— Да, это Аспет,— спокойно ответил Баглан.

— Я спрашиваю: кто она такая?

В съездовской папке лежало не меньше сорока таких же набросков — карандашных портретов мужчин и женщин. Баглана удивило, почему это Салима ухватила именно за этот рисунок.

— Послушай, Салима, ты ведь знаешь, что если человек зовется, например, чабаном, то уж, надо полагать, основное его занятие — пасти скот. А то какой же он чабан? Так и я: уж коли зовусь художником, неужели не вправе взять альбом и набросать карандашом лицо человека, если оно мне чем-то понравилось, хотя этого человека я могу даже вовсе и не знать.

— Оставь свои шутки! Лучше скажи правду.

Но Баглан решил пойти на хитрость:

— Слушай, почему ты прицепилась именно к этому эскизу, там же их в альбоме целая куча?

— Значит, причина есть.

— Какая?

— Вас видели вместе в вагоне-ресторане.

У Баглана отлегло от сердца: ведь поначалу он подумал, что жена прознала о подробностях его поездки в Джамбул.

— Кто видел?

— Неважно. Я тебя еще раз спрашиваю: кто такая Аспет?

— Тетка моя троюродная по материнской линии.

— Все шутишь? — Салима уже пришла в себя.

— Не шучу, правду говорю. Знаешь, после того как я в позапрошлом году вернулся со съезда, во мне многое изменилось. И все это — благодаря Аспет. Глаза открылись на многое, Салима. Видно, зрелость приходит...

Она посидела некоторое время молча, потом спросила так, будто ничего не произошло:

— А где же та картина, которую ты написал тогда?

— Какая?

— Эта... «Перед жатвой», что ли, называлась? Ты еще говорил: не нравится. Исправить собирался.

— А, я уничтожил ее.

Салима испугалась:

— С ума сошел! Разве можно так!

— Это был мыльный пузырь — сегодня есть, завтра лопнул.

Но Салима решила продемонстрировать, что годы жизни среди людей искусства не прошли для нее даром.

— Почему ты боишься этого жанра? Есть же художники, которые прославились только портретами? — возразила она.

— В тех портретах есть жизнь, есть характеры. В них видишь глубину мысли и мудрость, гнев или улыбку, доброе и злое. Это настоящее искусство.

— Что ж, и ты так пиши.

— Нет. «Жатва» — это всего лишь плакат.

— Зато эта картина принесла тебе известность, можно сказать, подняла твой авторитет среди художников.

Баглану пришли на память слова Аспет: «Авторитет... Слава... А вы не задумывались над тем, как часто истинные таланты остаются в стороне, а авторитетными считают людей, чьи способности так далеки от искусства. Сознаться, ведь добрая половина авторитетов подчас основывается на слухах и ходячих мнениях: такая, мол, вещь прекрасная...» Правда, заключенная в этих словах, заставила Баглана задуматься, некоторое время он молча смотрел на жену, а потом сказал:

— Нет, Салима, это дешевый путь, и авторитет, о котором ты говоришь, тоже дешевый...

Салима не ответила.

После этого разговора с нею прошло больше восьми лет. Годы эти не прошли бесследно. Многие они принесли Баглану и многое отняли. Время подтачивает человека незаметно и непрестанно — каждую минуту, каждый час,

каждый день и каждый месяц. Глядишь — и седина на висках. Поначалу Баглан выдергивал поседевшие волосы, не желал признавать их как предвестие старости, но потом смирился. Отрастил себе усы. Густые, черные, они облагораживали его, придавали степенность. Однажды, стоя у зеркала, Баглан заметил прячущиеся в усах седины.

«Прячьтесь, прячьтесь до поры, все равно от вас никуда не деться», — грустно рассмеялся Баглан. Если это все, что выкрали у него годы, то подарили они гораздо больше. И снова ему послышался голос Аспет: «Порою случается так, что просто жить на земле бывает гораздо хуже, чем умереть. Чем же лучше смерти жизнь человека, наделенного истинным талантом, если она не оставила за собой никакого следа?» Вот уж действительно жизнь хуже смерти. Баглан думал, что ему следовало быть благодарным судьбе: у него родился второй сын — Айбар. За эти годы Баглан написал несколько крупных полотен. Они принесли ему успех, укрепили славу. Теперь к его имени добавлялось: «известный художник», «видный художник», «один из мастеров кисти» и т. д. И все это не пришло само собой, успеху предшествовали годы кропотливого, целенаправленного труда. Баглан не разбрасывался по мелочам, не гнался за легким заработком, тем, что в среде художников зовется халтурой, все свое время он отдавал труду, терпеливо работал, не торопя, однако, ни себя, ни событий. Не было еще в мире ни одного глупца, который бы сам признал себя таковым. И то, что тогда, на берегу речки Аса, Баглан казнил себя за глупость и черствость, которые помешали ему вникнуть в тайну души Аспет, говорило лишь в его пользу. Баглан считает, что если сегодня он в состоянии отличить истинное от подделки, талантливое от дешевой поденщины, то в этом, смело можно сказать, — заслуга Аспет.

Теперь, будучи уже известным художником, Баглан отдает себе отчет в том, что на его пути к вершине она постоянно сопутствует ему. Баглан все это время продолжал надеяться на новую встречу с Аспет: может быть, она

все-таки позвонит, разыщет его или они просто случайно столкнутся где-нибудь в городе.

И вот однажды Баглану вновь привелось побывать в Джамбуле. Там открылась его персональная выставка.

На вокзале Баглана встретила группа творческой молодежи во главе с Маусымбеком. Выставка, организованная в фойе драматического театра, видимо, принесла пользу театру: спектакли, на которых раньше зрителей было мало, теперь шли с полным сбором. Баглан убедился, что это сказано было ему не в порядке комплимента: у входа в театр толпились люди. Баглан, которого оставили на время житейские заботы и будничные хлопоты, окрыленный оказанным почетом, вместе с толпой встречающих вошел в фойе.

— Баглан Шаймуратович, добро пожаловать. — Директор выставки Анна Васильевна ждала его у входа.

Баглан поблагодарил ее и прошел в фойе. Он увидел множество людей, которые медленно переходили вдоль стен, рассматривая картины, созданные в разное время его фантазией и этими вот руками.

Фойе напоминало удлинненную букву «Г». Картины развешаны на длинной стене. Всю смежную, короткую стену занимало одно полотно — «Айша-биби». Около него стояло особенно много людей. Девушка-экскурсовод с микрофоном в руке пояснила:

— Это одно из знаменитых полотен в казахском изобразительном искусстве...

Баглан хотел было отступить, но Маусымбек схватил его за руку:

— Послушай!

— Ценность этой картины в том, что здесь прошлое незримо соединяется с настоящим, находит как бы общий язык, вневременную связь. Взгляните на фон: это наши современники, люди труда, пришедшие посмотреть мавзоль Айша-биби. Линия электропередачи на дальнем плане, легковые машины, поднимающиеся на холм... Все это новь

нашей жизни, которая и присниться не могла восемь веков назад нашей прапраматери Айша-биби...

Баглан слушал девушку-экскурсовода, а на память ему вновь приходили слова Аспет: «...Не нравится мне фон вашей картины, какие-то люди, машины. Вы хотели этим сказать, что прошлое сталкивается с настоящим. Как это банально. А линии электропередачи на косогоре тоже, видимо, вошли в картину как символ эпохи. Если бедная Айша уходила из жизни с мыслью: «Каковы же будут мои потомки через тысячу лет?» — пускай же теперь увидит!»

Дальше слушать у Баглана не хватило сил. Он вырвал руку и отошел к длинной стене, стараясь, чтобы его не заметила девушка-экскурсовод.

Анна Васильевна с недоумением следила за ним.

— Скажите, пожалуйста, чтобы «Айша-биби» сняли! — взмолился Баглан.

— Что вы говорите, Баглан Шаймуратович, это же украшение выставки!

Ничего больше не сказав, Баглан вышел на улицу.

— Нет ли какой машины, давай прокатимся, — обратился он к Маусымбеку.

— Машину? Мигом организуем!..

Тут же подошла машина. Попросив у шофера разрешения, Баглан сел за руль. Вот одна улица, другая... Не забыл, оказывается: вот и он, тот самый дом. Но ни покосившегося плетня, ни прежних ворот и калитки он не увидел: все добротное, заново поставленное. «Сюда ли я попал?» — усомнился он, но увидел знакомый тополь над арыком, а за ним домик Копжасара. И все же ему не захотелось входить в дом. Он попросил шофера:

— Вон там живет мальчик по имени Копжасар. Позовите его, пожалуйста.

Шофер подошел к указанному дому и вскоре вернулся с каким-то рослым парнем.

— Здесь жил один мальчик, которого звали Копжасар...

— Это я. А вы откуда меня знаете?

Баглан опешил.

— Это художник, Баглан Шаймуратов.

Копжасар расцвел в улыбке:

— О! Вчера я был на вашей выставке. «Айша-биби» — это так здорово!

Баглан не особенно любил, когда им начинали открыто восторгаться, и потому быстро переменял тему разговора:

— Ты сильно вырос, Копжасар.

— Ага, скажите, откуда вы меня знаете? — удивленно повторил парень.

— Восемь лет назад я как-то видел тебя на этой улице...

Копжасар, сколько ни пытался, не мог вспомнить.

— Где ты сейчас учишься?

— Здесь, на третьем курсе гидромелиоративного института... — Потом, будто спохватившись, пригласил: — Ага, зайдите, пожалуйста, к нам в дом...

— Спасибо, свет мой...

«По какому же делу я понадобился?» — думал Копжасар, вопросительно поглядывая то на Баглана, то на Маусымбека. Баглан был взволнован: «Спросить или не спросить?»

— Вот в этом доме по соседству, соседнем с вами... когда-то жила женщина по имени Алтын...

Копжасар кивнул головой:

— Да. Она умерла в прошлом году.

— Умерла? — Баглан одновременно удивился и испугался: — От чего?

Копжасар смущенно ответил:

— Мало ли отчего бывает? Заболела и умерла.

— У нее еще брат был?..

— Да. Акдаулет. Не знаю, где он сейчас.

— А на похороны сестры не приехал?

— Нет.

Баглан с трудом произнес наконец:

— А откуда-нибудь еще... из Алма-Аты никто не приезжал?

— Приезжал,— тут же подтвердил Копжасар,— была у нее сноха Аспет... Она приезжала.

— Из Алма-Аты?

— Этого я не знаю, ага.

Посчитав дальнейший разговор излишним, Баглан простился:

— Ну, будь здоров, Копжасар. Поехали...

Странно, все это время Аспет была неподалеку. Может быть, не раз она проходила под окнами его мастерской, когда он работал. Может, Баглан не однажды проходил по той улице, где совсем недавно прошла Аспет...

Неожиданно мысли его перебил голос:

— Ага, вы, кажется, устали... Дайте я сяду за руль... Только скажите, куда ехать. В этом городе нет ни одного закоулка, который бы я не знал.

Баглан пересел, отдал руль шоферу.

— Сначала останови у какого-нибудь магазина,— сказал он.— Потом держи курс к реке Аса. Меджнун-тал... Знаешь?

Шофер рассмеялся:

— Как не знать!.. Вдоль всей реки — один тал...

Маусымбек оживился:

— О, магазин — это дело!.. Ведь положено: приехал, значит, отметить надо это. А то поехал искать какую-то старушку...

— Алтын была очень хорошим человеком,— оправдываясь, сказал Баглан.

— Я ее тоже знал,— произнес юноша, сидевший рядом с Маусымбеком.

— Да? — Баглан живо обернулся назад.— Как вас зовут?

— Это Мирас. Художник,— представил Маусымбек.

— Ну и что вы хотите сказать, Мирасжан?

Баглан с нетерпением посмотрел на Мираса. Парень, видимо смутившись, сбивчиво заговорил:

— По правде сказать, я не ее, я сноху ее знал...

У Баглана забилося сердце: вдруг услышит о ней что-либо не то?

— А кто она, сноха-то? — спросил он, стараясь не выдать тревоги.

— Звали ее Аспет. Прекрасная была женщина!

Баглан вздохнул.

— Откуда ты знаешь, что прекрасная? Что-то ты темнишь, парень!.. — плоско пошутил Маусымбек, нетерпеливо ожидавший, когда они наконец подъедут к магазину.

— Эх, Маусымбек, ты бы хоть с молодыми парнями так не шутил, — раздраженно сказал Баглан.

Мирас между тем продолжал:

— Как не знать, если она у нас преподавала?

— И у нас тоже, — вмешался в разговор шофер, — и по-русски, и по-казахски свободно говорила.

— Правильно, Мурат, — подтвердил Мирас, — я учился в восьмом классе русской школы. А Мурат — в восьмом казахской. Когда Аспет-апай начинала говорить, мы рты разевали.

А Мираса уже не остановить было:

— Иногда Аспет-апай читала нам лекции по литературе и искусству, по эстетике.

— Я тоже помню, — поддержал Мурат. — На эти лекции собирались учителя со всех школ города.

Баглан откинулся на спинку сиденья. Тревожное ожидание и напряженность прошли, нахлынула щемящая тоска по Аспет.

— Где она сейчас?

Здесь ответы разошлись:

— Я слышал, поступила снова в МГУ, закончила и уехала на родину, в Мангышлак, — сказал Мурат.

— Нет, неправда это, — возразил Мирас. — Родина Аспет — где-то в Семипалатинской области. Не то в Аксуате, не то в Тарбагатае, а может, Аягуз...

Так они доехали до Асы. Горная речка с низкими берегами в этих местах казалась какой-то очень непри-

ютной. Единственное дерево — меджнун-тал. Машина мчит прямо к нему. Хоть и прошло восемь лет, все живо в памяти Баглана. В той зеленой долине на другом берегу он тогда оставил машину. Здесь, держась за руки, они переправились через речку... Бегущая, клокочущая, замутненная вода — все та же.

— Вот и меджнун-тал,— шофер резко затормозил.

Степь после бурного цветения выглядела поблекшей. Солнце пекло нещадно. Ветерок с гор словно дыхание ближнего пожара. Выйдя из машины, все сразу разделись и кинулись в воду. А Баглан хоть тоже разделся, но не полез в реку. Охваченный тоской, подошел к иве: годы наложили свой след и на дерево. Старые ветки согнулись еще ниже, иные засохли, иные обломились. Вместо них вытянулись юные веточки, будто говоря старым: «А ну посторонись, я займу твое место».

Баглан прошел еще немножко, лег на песок, на то самое место, где он лежал тогда, восемь лет назад, когда они приходили сюда вместе с Аспет: небо чистое, будто окунули его в синьку. Только где-то к западу, у самого горизонта, расплылось беленькое облачко, легкое до того, что хоть положи на ладонь и сдунь.

И небо такое же, что и восемь лет назад. И облачко. Вновь пришли на память строки, сохранившиеся на фронто-не мавзолея: «...небо... облака, мир-аруана...» Восемь лет, а ведь и восемьсот лет назад в этом высоком прозрачном небе плыли эти же пушистые облака. Кто знает, может быть, и Айша перед последним своим вздохом глядела через древний шанырак на это самое небо, и в ее черных глазах, покоровших своей волшебной красотой весь тогдашний мир, отражались те же облака, которые видит сейчас Баглан? Народ, не знавший рисунка, искусство слова считавший недугом и в то же время возносивший это искусство, повелел, видно, своему акыну запечатлеть для потомков этот момент.

«...Блаженному поэту...» «Блаженному»? Баглану стало неловко, что неизвестного поэта, жившего восемь веков

назад, он назвал так. Нет, и вправду блаженным был тот акын. Потому что... «аруана-дуние» — так простой смертный поэт не мог сказать бы. Не к каждому придет такое странное сочетание слов: «аруана-дуние...» В казахской степи, где от века пасли скот, аруана — верблюдица, высшая мера красоты, мера прекрасного. Дуние — мир, бrenный мир. И, значит, в строке поэта — его неизбывная влюбленность в этот живой, быстротечный и вечный мир. У печальника Асана-кайгы легендарная Жельмая — тоже аруана. Это священное животное, которое, куда ни отведи его даже с завязанными глазами, даже на край света, — все равно отыщет свою землю, не примет чужбины. Знаменитая биби, прожившая жизнь где-то очень далеко, завещала схоронить ее в родной земле. Какой тайный смысл сокрыт в этом неизъяснимом словосочетании? Почему же Баглан до сих пор не задумывался над этим? Как мог решиться он писать «Айша-биби», не попытавшись вникнуть в тайный смысл этих слов? Лежа на спине, Баглан прикрыл глаза. И вдруг будто буря налетела, будто молния пронзила. «Заново написать, заново!» Он напишет «Айша-биби» заново. Нет, не Айша-биби — Аспет он напишет. И она будет стоять на фоне мавзолея. И снова в ушах зазвучал голос, который он уже не в силах забыть: «Что же ты на этот раз хочешь сказать своей картиной?» ...Айша-биби, а дальше, там, куда никогда не дотянуться, там Аспет... Не открывая глаз, Баглан весь превратился в слух... Послышались чьи-то шаги, кто-то идет босиком... Баглан зажмурился, сердце гулко забило: сейчас подойдет она и прикоснется к нему. Он обнимет ее. И не отпустит, теперь уже не отпустит. Никогда. И никуда. Шаги замерли совсем рядом. Он почувствовал, что кто-то наклонился, смотрит на него. Услышал дыхание. Баглан улыбнулся, протянул руки: ну подойди же, подойди... Где же ты?! Он открыл глаза: над ним стоял Маусымбек.

— Уснул, что ли? Пойдем, искупайся. Ребята дастархан расстелили, ждут, — Маусымбек тянул его за руку.

В гостиницу Баглан возвратился поздно ночью. Сразу же лег и увидел сон. Не сон, а почти явь. Пенясь, бурлит, грохочет река Аса. На том берегу, у самого яра, мавзолеей Айша-биби. Как оказался он здесь, у воды? Нет, оказывается, все не так. Не мавзолеей переместился к реке, а река течет совсем близко от Айша-биби. Как же это так? Баглан мучительно пытается понять. Сам он на этом берегу. Тот же меджнун-тал. Свесил плакучие ветви еще ниже, разросся вширь. Баглан сидит в тени под сенью этого тала. А рядом — Аспет. Да, да, Аспет! На белом матовом лице ее ясность, доверие. Длинное платье волной ниспадает донизу, прикрывает даже пальцы ног. С чего это он думал, что Аспет больше идет синее? Нет, белое платье подчеркивает ее красоту. Она смотрит на него, смеется. Он протягивает руку:

«Подойди ко мне, как я соскучился по тебе!»

Аспет качает головой:

«Не мучай себя напрасно. Что станет с твоими детьми, с Салимой?»

Баглан встает, он бежит к ней, но Аспет ускользает от него.

«Постой же, постой!..»

Звонящий трубный голос, подобный лебединому, заглушил слова Баглана.

«Нет, мое счастье не должно обернуться несчастьем для другой».

«Аспет!»

О диво! Босиком пробежав по горячему песку, Аспет оторвалась от земли и стала удаляться. О создатель, как же она поднялась и полетела, ведь не птица же Аспет?! Нет, Аспет — птица. Да еще какая! Лебедь белая!.. И Баглан ошибался, думая, что на ней платье белое. Аспет летела, медленно взмахивая белыми крылами, чуть не коснулась ими купола — Айша-биби будто подвинулась, уступая дорогу, но это тоже не так. Айша-биби не сдвинулась с места. Тоже поднялась над землей, полетела вслед за Аспет туда, за белое облачко на край небес...

Баглан очнулся. Сердце бешено колотилось. Взглянул на часы — восемь утра. Поднял трубку и позвонил Маусымбеку.

— Скажи, ночью не было подземных толчков?

— С чего ты взял это?

— Сам не знаю, как тебе объяснить... У меня какое-то странное предчувствие... мне кажется, что мавзолей обрушился...

— Айша-биби еще тысячу лет простоит, — заверил его Маусымбек.

— Не знаю, не знаю... Может, съездим, посмотрим.

После завтрака он упросил все-таки Маусымбека съездить к Айша-биби. Машину оставили в низине, поднялись пешком и, молча обойдя мавзолей, долго осматривали его. Ничего с ним не стряслось. Чугунная ограда, установленная недавно, и выложенные плитами аллеи свидетельствуют о хотя и запоздалом, но бережном отношении.

Внизу остановился большой автобус. Из него с шумом вывалили туристы; чем ближе подходили они к мавзолею, тем тише раздавались их голоса.

Баглан, успокоенный тем, что с Айша-биби ничего не случилось, убедившийся в этом собственными глазами, сказал:

— Каждый раз замечаю: люди выходят из машин, шутят, разговаривают, а когда подходят ближе, умолкают. Отчего бы это?

Маусымбек пожал плечами:

— Все-таки покойник в земле лежит, какой бы древний он ни был.

В конечном счете этот вопрос Баглан задавал себе.

— Нет, Маусымбек, по-моему, дело здесь не в покойнике. Этот мавзолей явственно виден всякому зрячему, и в то же время он о многом может поведать, но для этого надо уметь слушать сердцем. Вот уже больше восьми столетий он провозглашает собой величие на этой земле, он говорит, что есть на земле красота и любовь, есть чистота человеческая, незамутненная... Кто придет сюда

приобщиться к этому великому чуду, тот поймет это. И, поняв, уйдет очищенным, обновленным.

Машина проскочила мост через реку Аса. Место, где они с Аспет когда-то свернули в сторону, осталось позади... Аспет!.. Вдруг ему открылась чудесная истина, которую он долго и тщательно искал. Оказывается, между Аспет и легендарной Айша-биби есть поразительное сходство: так же, как и Айша-биби, Аспет для него отлицетворяла величие и чистоту. И если Баглан когда-нибудь решится создать образ Аспет, он будет опираться именно на это сходство.

Заглушая свист ветра, шум мотора, снова прозвучал трубный голос: «Мое счастье не должно стать несчастьем другой...»

Быть может, эти слова, услышанные им ночью во сне,— тайная исповедь души? И хоть не произнесла их Аспет, она так задумала, так поступила.

Баглан вздохнул. Аспет никогда не позвонит ему, он никогда не встретится с ней.

В утешение себе он вновь подумал: как же написать ее, какой должна она явиться людям? И снова перед глазами Баглана всплыла Джоконда... Странно, о чем, интересно, думала Аспет, когда уходила от него? Плакала? А может быть, она смеялась над ним? Баглан не пытался ответить на эти вопросы, видя смысл всякого таланта в его неразгаданности. Помнится, как-то Аспет процитировала строку из одного стихотворения: «Тайны твоей мне постичь не дано...» И тут же спросила в недоумении: «А разве это была бы тайна, если бы он смог ее постичь?!» Баглан вспомнил эти ее слова, и на душе стало покойнее. Может, оно и к лучшему, что Аспет осталась для него неразгаданной тайной. И если есть в Баглане талант, есть сила духа и мысли, то в один прекрасный день под его кистью возникнет образ Аспет: призрачный еще пока, притянет он глаза и души, распахнет сердца человеческие навстречу добру.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Снежно-белые лебеди летели высоко над степью, вытянув длинные гибкие шеи, равномерно махая сильными крыльями. Время от времени они слегка ломали строй, тревожно перекликаясь, и тогда до пастуха Битабара доносился протяжный затихающий гортанный звук, будто далеко-далеко пели трубы.

Пастух сидел на камне на вершине холма, и ему видна была вся степь, уныло озаренная неярким осенним солнцем. Только что прошел короткий проливной дождь. Он омыл, как будто прилизал, пожухлые травы, мелкими лужицами заблестел по кобыльим тропам.

С севера дул скользящий пронзительный ветер. Пробегая по низинам, он шевелил травы, и те отзывались легким шелестом. Однообразное неприятное пространство тянулось до самого горизонта. Не было тут ни зеленых рощ, ни веселых перелесков, ни кустарников, только ковыль да полынь, да кое-где низкорослая колючка мертвенно желтела в лучах тоскливого осеннего солнца.

Беспокойные перекаати-поле начинали отрываться от корней. На рассвете они шевелились, перекачивались с

боку на бок, точно не хотели покидать родные места, а потом, подхваченные ветром, уходили в неведомое странствие, бесприютными скитальцами неслись по степовью.

В потемневшей притихшей степи замерла жизнь. Захоронились, уснули в норах мыши, ушли в трудное кочевье стада сайгаков. Над степью, распластав крылья, безмолвно парил орел-стервятник, выискивая добычу. Зорко и пристально осматривал он со своей недостижимой высоты каждый кустик, каждую ложбинку на однообразной бурой земле. Но уже холодом дышала безмолвная степь. Безжизненна была недавно богатая сочными жирными травами земля.

Каждый год осенью сердце степняка наполнялось грустью. Он не доискивался, отчего появлялось такое чувство.

Ежедневно, с первых минут рассвета до последнего закатного часа, наблюдал он одну и ту же картину: приroda увядала, степь становилась как бы чужой.

Басовито залаял черный волкодав. Битабар поднялся и зорко оглядел стадо. Коровы, бычки и телки, окрепшие за лето, спокойно пощипывали увядшие пучки трав. Ничто не угрожало животным, лишь орел, плавно кружась в вышине, нарушал спокойствие. Битабар задумался. Уж не первый раз, едва солнце раскинет по степи нити лучей, гонит Битабар стадо к пойме реки Сарысу, к зеленой проталине. На пологих берегах этой мелководной речки еще не совсем увяла трава. Животные, чуя приближение ненастных дней, жадно припадали толстыми губами к земле, не оставляя после себя ни единой былинки. Изредка они поднимали свои наивные морды с большими влажными глазами и прислушивались к солнечному полдню, как будто хотели унести с собой в тесные зимние загоны память о бескрайней летней степи, наполненной сытными запахами.

«Даже скот чует зиму и по-своему готовится к ней», — подумал Битабар. Волкодав, обежав рысцей вокруг стада, улегся в противоположном конце так, чтобы и

животные, и хозяин находились в поле его собачьего зрения.

Грустно вздохнув, Битабар лег меж камней. Есть о чем подумать и погрустить пастуху. И не стар он еще, но и не молод. Всякое было в его жизни. Многое он мог бы рассказать, да некому здесь рассказывать. Разве только самому себе.

На сырой земле долго не полежишь. Битабар почувствовал, что он замерз, быстро поднялся. Расправил широкую грудь. Повел плечами и, чтобы согреться, пошел выдирать из земли крупные камни. Выдернув один, он перекачивал его, чувствуя, как наливаются теплотою мышцы, потом брался за следующий.

Эту забаву придумал он еще в те годы, когда молодым безусым джигитом впервые начал заглядываться на девушек. Где же, как не здесь, в этом своеобразном соревновании с друзьями, мог показать он черноглазой смуглянке размах своих могучих плеч, силу мускулистых рук? Уже тогда молодой Битабар мог поднять камень, который с трудом бы сдвинули с места двое-трое его сверстников.

Приподняв один из камней, Битабар замер: в лунке под ним копошилось множество длинных лоснящихся полосатых змей. Обессилевшие от холода, они с трудом поднимали головы и медленно покачивали ими, как будто бы хотели спросить: «В чем мы провинились перед тобой? За что разоряешь наше гнездо?»

Битабар осторожно опустил камень на прежнее место.

Вдруг степное безмолвие нарушил непривычный гул. По противоположному берегу реки быстро мчалась машина. Битабар удивленно застыл, не в силах оторвать от нее взгляда. Не сказать, чтобы он первый раз видел машину, но в своей степи ему в самом деле ни разу не приходилось ее видеть. Машина между тем уверенно переехала вброд мелководную речушку, от нее в обе стороны серебряными цитами разошлись водяные брызги.

«Оказывается, эта тварь тоже умеет плавать», — подумал.

на спину пару подстилок, нырнул под машину. Некоторое время Битабар не двигался, упершись руками и ногами в землю. Потом, воскликнув: «Ну, духи предков, поддержите меня!» — напряг мышцы...

Перед изумленными взглядами шофера-казаха и его начальника предстала непередаваемая картина: кузов машины медленно поднимался в воздух, колеса постепенно высвобождались из глины и вскоре тоже повисли в воздухе.

— Ну, земляк, спасибо! — задохнувшись от радости, воскликнул круглолицый. — Век тебя не забуду!

Он торопливо открыл дверцу перед человеком в шляпе, и вот уже Битабар услышал, как зафырчал мотор.

Пока взмогший от неистового напряжения пастух отирал пот со лба, «нашандик» быстро уселся в кабину и, не закрывая дверцы, спросил:

— Кто ты будешь, богатырь?

Битабар, метнув взгляд в машину, быстро определил, что этот нашандик не такой сердитый, как показалось вначале. В облике его есть даже что-то приветливое. Но, памятуя о том крике, после которого его земляк-шофер изменился в лице, сухо ответил:

— Я — казах.

— Знаю, что ты казах. Я спрашиваю об имени.

— Что я, должник твоего отца, чтобы докладывать тебе? Поезжай своей дорогой.

Битабар повернулся к нему спиной и с достоинством зашагал прочь. Машина пошла дальше. Битабар остановился и долго смотрел ей вслед. Потом он вспомнил слова шофера, того смешного круглолицего парня: «Когда нашандик сильно сердится, плохо бывает».

— Э-э! Нехорошо я говорил, — простодушно стал корить себя пастух. — Чем бы я защищался, будь у него ружье?

Когда над степью опустились сизые сумерки и ветер стал ледяным, пастух собрал свое стадо и направился

домой. По дороге он размышлял о событиях сегодняшнего дня. Сердце его пело. Что ж! Пусть ушли годы, не ушла еще сила. Битабар вспомнил тот далекий день, когда он впервые поднял верблюда. Давно это было. В ту пору, где б он ни был, дивный свет черных глаз Жанкумис не давал ему покоя. Стройная, тонкая, с лицом утренней розы, она даже снилась ему по ночам. И случилось наконец, что Битабар завоевал ее расположение. Они встречались потихоньку от всех долгими весенними вечерами. Она не разрешала ему дотрагиваться даже до ее тонких пальчиков. А он безмолвно, одними горящими в лунном свете глазами, объяснял ей в любви. Давно, однако ж, все это было! Но пастух все помнил, все.

2

...В тот вечер он так же с запозданием возвращался в аул. Что-то необычное насторожило его еще до того, как он увидел серые юрты родного селения. Он заспешил. У юрт ребятишки кричали:

— Приехал балуан Шолак!

— В нашем ауле гостит богатырь!

— Балуан остановился в доме Алимбая!

— Балуан Шолак покажет интересные игры и споет песни!

Битабар много раз слышал рассказы о музыканте и богатыре. У молодого джигита было такое чувство, словно его одарили чем-то хорошим. Он наскоро выпил чашку айрана и бегом помчался к дому бая.

Бая в ауле иногда называли Рыжим. Рослый, плосколицый, с оспинами на лице, он когда-то имел рыжие волосы и рыжие усы. Сейчас и волосы, и усы, и длинная, красиво подстриженная борода были белыми, как соль, точь-в-точь как и у других аксакалов. Только глаза не походили на раскосые глаза казахов. И цветом они были другие. Зеленые, словно трава в весенние месяцы.

Алимбай хоть и считался богатым, но был по-человечески добр со всеми. Он любил жить в дружбе с народом, праздники проводил вместе с аулчанами и, если в аул наезжали гости любого звания и чина, встречал и угощал от лица всего аула.

И на этот раз Алимбай оказался верен себе. Близ аула на зеленом лугу он поставил большую праздничную юрту из белой кошмы. Сюда-то и пригласил бай знаменитого гостя балуана Шолака. Вскоре все луговые цветы вокруг юрты вытоптала молодежь. Юрта, хоть и была большой, не вмещала всех желающих. Поэтому вокруг юрты толпились те, кому не хватило места внутри ее. Парни подглядывали сквозь щели или теснились у дверей.

Увидев притихших сородичей около белой юрты, Битабар замедлил шаги. Вскоре он услышал звук домбры. Кто-то мастерски наигрывал на ней незнакомую, но приятную мелодию. Потом к этой мелодии присоединился мужской голос. Он выводил слова песни, которую Битабару еще не приходилось слышать. Более всего молодого пастиуха поразил голос певца: он был мягок, как бархат, нежен, словно вечернее дуновение майского ветра.

О, Галия, Галия, Галия!..

Ты для меня и солнце, и луна, Галияжан.

Твоя улыбка — свет в моих глазах.

И если тяжек будет жизни путь,

Тебя поддержит страсть моя, Галияжан.

Пусть тучи прячут светлый лик луны.

Но коль со мной не перестанешь так шутить,

Ты изведешь меня, красавица моя,

Как можно шалости любимой позабыть?..

У Битабара защемило сердце. Песня о прекрасной Галие, казалось, была спета им самим, была его вздохом, его стоном. Не о его ли любимой поется здесь? Не он ли полон тоски и печали по прекрасным глазам, равных которым нет во всей степи? Нет, балуан Шолак сочинил

эту песню не только для своей Галии. Это песня всех влюбленных.

Редко Битабару удавалось перемолвиться словом со своей любимой. Да и то в таких случаях он не находил слов, тех, самых сокровенных, которые могли бы рассказать Жанкумис о его любви, о его тоске. Все, что он при встрече с милой чувствовал, но не мог выразить словами, было в этой песне.

— Заходи, заходи, Битабар! — окружили его парни, подталкивая ко входу в праздничную юрту.

— А что вы сами стоите?

— Мы ждем тебя. Сначала войдешь ты, поприветствуешь балуана. А потом мы...

Переступив порог белой юрты, Битабар обрадовался, что никто не обратил на него внимания. Сейчас он поприветствует балуана Шолака и сядет где-нибудь так, чтобы можно было не сводить глаз с почетного гостя. Он должен разглядеть его, понять его силу.

Вдруг Битабар остановился как вкопанный. Он увидел балуана Шолака, но не это поразило молодого пастуха. На правом колене богатыря сидела Жанкумис. Она сидела легко, как ястреб на подставке. На левом колене примостилась другая девушка в шапке с перьями филина. Балуан обнял обеих девушек, как птенчиков, прижал к своей широкой груди и наигрывал на домбре.

Битабара обдало жаром, словно в груди загорелся целый ворох сухих ветвей. Может быть, то был жар ревности? Битабар насупился и начал пятиться к выходу.

Балуан, увидев рослого степняка, умолк. Остальные тоже повернулись к двери, где стоял Битабар.

— А, проходи, проходи! — слышались голоса.

Но Битабар не двигался, ноги его словно одеревенели.

— Эй, нелюдимый, ты почему не здороваешься? — громко сказал Мусатай, сын Алимбая.

Битабар, взяв себя в руки, быстро подошел к балуану и протянул крепкую мозолистую ладонь.

— Ассалаумагалеikum! — почтительно произнес он, стараясь не выдать своего волнения.

Находившиеся в юрте сородичи затихли, а обе девушки, сидевшие на коленях богатыря, украдкой засмеялись, прикрывая кончиками пальцев розовые губы.

— Уагалеikum, — ответил балуан Шолак, неторопливо беря руку молодого джигита.

В то же мгновение Битабар почувствовал сильную боль в руке, пальцы хрустнули так, будто на них наступил верблюд. Битабар чуть было не закричал, но сдержался. В глазах джигита вспыхнули молнии. Не отпуская руки гостя, он, в свою очередь, сжал ее так, что прославленный богатырь вздрогнул и остро, словно в самую душу, впился глазами в лицо молодого казаха.

— Я-то думал, что ты из слабых, каких много, — сказал он, высвобождая свою могучую ладонь из руки Битабара. — А ты, оказывается, сокол. Что ж, проходи, садись рядом.

Битабар будто только и дожидался таких слов. Непрежним движением он снял с колена гостя Жанкумис и сел между ними.

Из глубины юрты послышались выкрики: «Молодец, Битабар!..», «Не посрамил чести аула!..» Над самым ухом пронеслись жаркое дыхание и шепот Жанкумис:

— Я перепугалась, думала, что ты тоже закричишь.

Теперь-то Битабар догадался о причине, по которой его сверстники не решались зайти и приветствовать знаменитого силача. Да, силища в руках балуана Шолака была превеликая. Знаменитый борец по-своему отвечал, приветствуя парней, которые вошли вслед за Битабаром. Сначала он протягивал вошедшему руку, потом задавал вопросы:

— Скажи свое имя.

Парень, задыхаясь от смущения, называл себя.

— Нет, ты говори ясно, чтобы все слышали.

Тот громко повторял свое имя.

— Вот теперь слышно. Ну, рассказывай, как ты воровал курт¹ и объедался каймаком?

Молодой джигит, заливаясь краской, вспоминал все проделки своего детства, жестоко раскаивался в душе, но вслух говорил:

— Шоке, я не совершал таких краж.

И тогда балуан, продолжая держать руку парня, сжимал ее так, что несчастному приходилось либо кричать, либо подробно рассказывать о том, как он воровал каймак и курт. Люди, конечно, смеялись, а девушки, на которых уже парни заглядывались, улыбались, прикрывая ладошками лица, как будто бы говоря: «Тоже мне джигит!»

Битабар, благополучно прошедший испытание, чувствовал себя счастливым, тем более что Жанкумис, сидевшая рядом, стала к нему очень благосклонна. Она то весело, как бы по-дружески, глядела на Битабара, то вдруг незаметно для других прижималась к нему так, что у Битабара перехватывало дыхание.

Что ж, все стало на свои места. Балуан объявил при всем народе Жанкумис лучшей девушкой, иначе бы не удостоил ее такой чести. Что же касается Битабара, то он давно знал, что лучшей девушки, чем Жанкумис, не сыскать во всей степи. Нет, в сердце Битабара уже не было и следа ревности, даже наоборот, внимание балуана усилило любовь.

Битабар сидел тихо и скромно, как подобает вести себя перед учителем почтительному ученику. Немного смущало его лишь то, что внимание окружающих теперь перекинулось и на него. Он купался в лучах славы могучего и знаменитого борца. Шолак как бы нарочно обращался только к Битабару, называя его соколом.

И о чем бы ни велась речь, балуан легко давал понять окружающим, что сказанное им предназначается Битабару.

¹ Курт — сухой творог из овечьего молока.

² Каймак — сливки.

Тот сидел рядом с балуаном и незаметно, искоса, краем глаза разглядывал знаменитого борца. Слава и сила все превращают в достоинство, каждая черточка и деталь получают значение и становятся привлекательными. Балуан Шолак был по-своему красив, от его могучей стати веяло спокойствием и мощью. Округлое, слегка скуластое, смуглое до красноты лицо его, продубленное ветрами и солнцем, было усеяно многочисленными оспинками, которые придавали ему мягкость и доброту. Небольшая остроконечная густая бородка, тщательно подбритая и подстриженная, темным клином украшала подбородок и подчеркивала мягкие линии крупного волевого рта. Густые широкие брови высоко лежали над слегка раскосыми глазами, отчего казалось, что Шолак всегда улыбочиво и приветливо смотрит на окружающих.

Битабар невольно обратил внимание на могучую шею борца. Она была крепкой, словно кованной из одного куска меди, толстой и мускулистой, и от этого голова Шолака казалась непропорциональной туловищу. Но это казалось только на первый взгляд. Все в борце было тщательно подобрано и пригнано, природа постаралась слепить его из прочного материала. Как говорят старики, аллах, не взвешивая, отвалил Шолаку различные виды мастерства полной мерой. Он был не только знаменит своей силой, но обладал еще и приятным голосом, имел дар поэта-импровизатора, отменно играл на различных инструментах, а музыка и дар слова бесценны в глазах народа.

Битабар сидел рядом с прославленным борцом, невольно ловил на себе оценивающие взгляды земляков, и в них, этих взглядах, видел и гордость и уверенность людей своего аула. Он как бы читал невысказанные мысли, что и наш, мол, не хуже знаменитого балуана, и еще, мол, неизвестно, чья возьмет, когда они схлестнутся в поединке, сойдутся в борьбе. Наш-то еще молод, у него, молодого сокола, все впереди — и слава и почет... И, подогреваемый обнадеживающими взглядами, Битабар сидел молча, сдер-

живая тяжелое дыхание, а в голове его вертелась мысль, которая сначала пугала, а потом все более и более овладевала им: «Как говорят, если падать, так уж с рослого одногорбого верблюда... Не помериться ли нам силой, не выйти ли в круг для борьбы?..»

И балуан Шолак, словно он разгадал мысли своего молодого соседа, прекратил наигрывать на домбре, поднял голову, загадочно улыбнулся и сказал:

— А теперь я покажу вам богатырскую игру!

Шолак передал домбру одному из парней, восхищенно смотревшему на него с чуть приоткрытым ртом, и порывисто встал. Поводя плечами, словно разминаясь, вышел на середину юрты.

— Правила моей игры очень просты. Если кто хочет показать, что у него в руках имеется сила, пусть выходит. Нет, нет, бороться мы не будем! — успокоил хозяев юрты Шолак. — Здесь, конечно, мало места для настоящей борьбы. Мы просто будем мериться силой.

— А как мериться? — слышался вопрос из глубины юрты.

— А это очень просто. Я буду руки свои держать за спиной, — разъяснял борец. — Каждый, у кого в руках есть силенка, подойдет ко мне и может попробовать сжать мне шею. Со всей силой, какая у него есть.

— Апырай! — слышалось удивленное восклицание. — Так можно и задушить.

— Разве можно хватать за горло почетного гостя? — с недовольством спросил кто-то.

— Я разрешаю. Жми до тех пор, пока есть сила в пальцах, не жалей меня! — улыбался балуан Шолак. — Ну, а если балуан умрет, здесь никто не будет нести ответа ни перед властями, ни перед аллахом.

— Ой-ей! — вскрикнули со страху девушки.

— Ну, а если не удастся сжать так, чтобы дух испустил, тогда что? — спрашивавший не называл по имени борца, говорил о нем в третьем лице, как о постороннем человеке.

— Что тогда? — переспросил Шолак и засмеялся, обнажая крепкие крупные зубы. — Тогда считайте, что такой джигит слабак, а победа на моей стороне. Верно я говорю?

— Мудрые слова, балуан!

— Ну, кто желает помериться силой? — Шолак неторопливо оглядел притихших парней, улыбнулся еще раз и, удобно усевшись на ковер посреди юрты, задал колкий вопрос: — Есть в этом роду джигиты с крепкими руками?

Парни шушукались, подталкивали друг друга локтями, плечами, однако выходить на ковер никто не решался. Понимали, что «богатырская игра» не такая уж простая, как кажется. Шея у балуана мощная, это было видно с первого взгляда, а сейчас все с пристрастием разглядывали ее, словно видели впервые. Толстая, крепкая, сплетенная из мышц как из твердых корней саксаула. Ее не то что стиснуть, даже обхватить-то пальцами навряд ли кому удастся. Для такой богатырской шеи нужны и богатырские ладони.

В юрте воцарилось неловкое молчание.

— Так что же, выходит, в этом ауле нет джигитов с сильными руками? — повторил свой вопрос борец, и в его голосе открыто зазвучали насмешливые нотки.

Снова послышалось шушуканье, и потом из разных концов юрты раздались возгласы:

— Пусть выходит Битабар!

— У него руки как клещи, схватит — не отпустит!

— Покажи свою силу, Битабар!

Битабар сидел молча. Он почему-то не принимал «богатырскую игру» Шолака, считая ее несерьезной, детской забавой. Битабар знал силу своих пальцев после одной случайной встречи с матерым волком. Ему удалось тогда схватить волка за шею. Хищник лязгнул зубами, разорвал рукав и клыком, как ножом, полоснул по коже. Но Битабар, не разжимая пальцев, успел вскочить на ноги и поднять извивающегося зверя. Волк сдавленно взвыл, бешено завертелся, заметался, раздирая когтями одежду

джигита. Но Битабар яростно сжимал пальцы, пока не хрустнули шейные позвонки хищника и не обмякло, обес-
силенное, его бездыханное тело... Аулчане долго потом
восхищались молодым силачом, дивясь его смелости и
силе.

И вот сейчас, видимо вспомнив тот случай, аульные
джигиты подзадоривали Битабара:

— Выходи, не посрами наш аул!

И Битабар встал. Не мог же он отсиживаться и ждать
насмешек. Тем более что в юрте были девушки, одна
из которых навсегда вошла в его сердце. Пастух, засучив
рукава, шагнул к середине юрты, где сидел балуан Шолак.

— Можно со всей силы? — спросил Битабар, словно
не слышал до этого пояснений борца.

— Можешь, сколько есть силы, жать.

Балуан Шолак сразу как-то подобрался, словно беркут,
заметивший добычу, напружинил свою мощную шею, с его
лица слетела добродушная приветливость, а в раскосых
длинных глазах замелькали холодные искры.

Битабар, широко растопырив пальцы, приблизил ладони
к шее борца. Приложил их и с удивлением заметил, что
его крупные ладони и вытянутые пальцы не могут обхва-
тить всей шеи, пальцы даже не сходятся. «До чего же она
у него толстенная!» — подумал пастух и начал постепенно,
вкладывая все больше и больше силы, стискивать шейные
мускулы балуана. Но борец сидел как ни в чем не бывало!

— Не жалей, батыр! — слегка хрипящим голосом про-
говорил Шолак, и жилы на его покрасневшей шее наду-
лись, стали похожими на плотно скрученный аркан.

Битабар все же думал о жалости, хотя со всех сторон
неслись подзадоривающие возгласы. Он с тайной надеждой
ожидал сладкого мгновения, когда борец взмолится и
запросит пощады. Разве для Битабара не было бы счастьем
услышать из уст прославленного борца слова мольбы:
«Ойбой! Умираю! Оставь меня!»

Но балуан Шолак, пружиня мышцы, молчал, сдерживая

натиск тяжелых рук пастуха. Тогда Битабар напряг последние силы и начал приподнимать борца. В юрте сразу сделалось так тихо, словно здесь никого не было. Десятки пар глаз скрестились на пальцах Битабара.

Однако в этот напряженный момент балуан Шолак, словно беркут, рывком глотнувший баранью кость, нагнул голову, мотнул ею, и руки Битабара отлетели в сторону. На широкой плотной шее борца остались лишь чуть приметные следы.

— Апырай! — послышались восторженные возгласы.

Битабар отступил на шаг, давая понять, что проиграл, что потерпел поражение, и, удивленно покачивая головой, сел на свое место. Отдыхался:

— Да, у борца богатырская мощь спрятана в шее!

Потом балуан Шолак стал показывать свою силу. Трое джигитов навалились и не могли разжать его кулак. Десять парней, краснея и потея от напряжения, не могли согнуть его вытянутую ногу. Битабар смотрел на эту шумную возню, и у него почему-то укреплялась вера в то, что здесь главную нагрузку несет не столько чрезмерная сила борца, сколько его большое мастерство. Он догадывался, что все это лишь эффектные трюки, своеобразные приемы, отработанные длительной тренировкой. Он не раз слышал от бывалых людей, от стариков, много повидавших в жизни, что знаменитые борцы уделяют много времени тренировкам, подготавливая свое тело к серьезным испытаниям. Одни балуются с тяжелыми камнями, другие поднимают и носят каждый день на руках жеребенка, пока тот не вырастет, третьи, чтобы руки были сильнее, упражняются с крупным быком — стремятся свалить его на землю, схватив за рога... Может быть, и балуан Шолак тренировал свои руки, ноги, шею. Потому и его «богатырская игра» идет не на равных условиях. Он знает свои приемы, секреты силы, а окружающие его джигиты лишь напрасно потеют. А вот честная борьба — совсем иное дело. Она ведется по правилам, и тут оба борца выступают на равных условиях.

— Балуан Шолак, вы великий батыр! — с уважением произнес Битабар. — Вы показали нам настоящую силу. Все это очень удивительно. Но что может быть лучше, чем настоящая борьба?

Это был вызов. В юрте снова стало тихо. Все смотрели на балуана Шолака, ждали его ответа. Примет вызов или просто высмеет молодого пастуха? Всем, конечно, очень хотелось посмотреть на поединок, увидеть прославленного борца в кругу... Но тут поднялся рыжеусый Мусатай — сын Алимбая, дальний родственник Битабара. Так как его отец, Алимбай, оказал балуану Шолаку особый почет, поставив ему отдельную юрту, то его сын, видимо, считал знаменитого силача только своим гостем.

— Куда же ты суешься, Битабар? Хочешь быть раздавленным в лапах льва? — В голосе Мусатая сквозила язвительная насмешка. — Сидел бы да помалкивал!

Битабар на какое-то мгновение оторопел. Он не ожидал таких обидных слов, которые были похожи на удары камней. Темные, смуглые щеки пастуха покрылись пунцовыми пятнами. Битабар вспыхнул. Но ответить не успел. Опережая его, заговорил балуан Шолак.

— Да, степной сокол, ты сказал хорошие слова. — Борец говорил тихо, как бы обращаясь лишь к Битабару. — Нет ничего лучше, чем настоящая борьба!

Балуан Шолак сделал паузу, а потом продолжал:

— Думаю, в вашем ауле найдется ровная площадка для борьбы? Нам пора размять свои спины в крепкой схватке. И если победителем окажется этот степной сокол, то старый лев лишь будет рад благословить его на большие победы. Ну, а если удача будет сопутствовать старому льву, то он свалит степного сокола не с целью раздавить его. Потому что сердце старого льва знает, что это далеко не та горная вершина, которой он стремится достичь, и не тот почетный престол, которого он добивается. Аллах слышит мои слова и знает, что я говорю правду. Ибо если мое сердце только подумает так, то это значит, что и

вправду меня подкараулила старость... Жизнь есть жизнь, она никогда не останавливается на одном месте и бежит к берегам старости, приветствуя появление юности. А ты, Мусатай, зря обидные слова сказал своему родственнику, который бедно одет, но зато богат силой.— Балуан Шолак посмотрел на сына бая, и тот сжался под его осуждающим взглядом.— Когда в борьбе сходятся мужчины, то сильный воспитывает слабого, говоря ему: будь таким, как я!

3

Битабар долго не мог уснуть, хотя ночь давно наступила и окутала густой тьмой аул и всю степь. Где-то в стороне заблеяла спросонья овца, фыркнула недовольно лошадь, лениво твякнула собака, и снова повисла душная летняя тишина. И птицы, и животные, и люди уgomонились, притихли до утра, погруженные в свои сны. Только одному Битабару ночь казалась без конца и края, непомерно долгой, она тянулась, но сон почему-то обходил молодого пастуха. Битабар лежал на своей постели в тесной юрте с закрытыми глазами, сердце гулко бухало, и он снова и снова мысленно переживал еще не наступивший завтрашний день, мысленно проводил борцовский поединок с несравненным балуаном Шолаком... Разные напряженные моменты, острые перипетии борьбы, превращаясь в видения, кружились перед ним то радужным сиянием торжества, то осенним ненастьем.

Ему стало душно и жарко, словно он только что окончил борьбу, по всему телу выступил пот. Битабар открыл глаза. Прямо над его головой в щелки тундика, прикрывающего круглое отверстие для выхода дыма от очага, виднелся кусок неба, и оттуда, с далекой синей высоты, приветливо мигали две звездочки. Битабар знал их, эти глазастые звездочки, похожие на двух сестер. Они всегда заглядывали глубокой ночью в щель тундика юрты и своим лучистым миганием как бы подбадривали пастуха,

поддерживали его мечты о будущей жизни и славе... Вот и сейчас они смотрят одобрительно, будто посылают добрые напутственные слова.

Битабар в ответ улыбнулся и снова закрыл глаза. Молодому силачу стало легко и хорошо, словно завтра наступит праздник его жизни. Наконец сон незаметно укутал его мягкой и теплой верблюжьей шерстью...

Но и во сне он продолжал видеть балуана Шолака. Вот в солнечный день он вступает в какую-то дивную чашу, а на пути встает преграда — огромная каменная глыба, ее не перешагнуть, не обойти. Битабар нагибается, чтобы поднять ее, отбросить, но, всмотревшись, видит, что это шея балуана Шолака. Пастух напряг тело, приподнял и отшвырнул глыбу, но сразу же вокруг него заулыбались какие-то красные лица с многочисленными отметинами от оспы.... Засветились с неба слегка раскосые глаза с нависшими веками... Дергались в смехе из-под травы остроконечные подстриженные бородки...

— Апырай! — пробормотал во сне Битабар, перевернулся на другой бок, открыл глаза.

В юрте стоял предрассветный серый полумрак. Из-под приподнятого полога двери вливался свежий, прохладный воздух. Рядом, у изголовья, усевшись на корточки, прилегла мать. Она давно заметила, что сын мечется во сне, и подошла к нему.

— Битажан, сынок... Что случилось? Ты все время ворочаешься и никак не можешь уснуть.

— Нет, я спал...

— Сердце мое изболелось за тебя, сынок...

— Когда-нибудь такое должно было состояться...

Пусть лучше завтра, чем неизвестно когда.

— Ойбой, Битажан! Свет моих глаз, цветок души моей! — Мать давно поняла состояние сына, и ей всячески хотелось отговорить его, предостеречь, отвести от него беду. — Не борись с ним, сынок!.. Не надо. Сломает он твои молодые кости, погибнешь...

— Почему ты так думаешь? Разве я никогда не участвовал в борьбе? Разве кому-нибудь из всех ближайших аулов удавалось вытереть моей спиной траву?

— Балуан Шолак сильный человек, слава о нем идет по всей степи от края до края.— Мать горестно вздохнула.— Говорят, что он аруакты адам... А ты знаешь, кто такие аруакты адам? Это такие люди, им духи помогают, у них нечеловечески страшная, таинственная сила, сынок... Не связывайся с ним, не выходи на борьбу! Пожалей меня, старую...

Битабар встал, накинуд на плечи стеганный чапан, давно выцветший от солнца и ветра, и вышел из юрты.

День только занимался. Поблекшие звезды тускло светили. В низинах стлался белым пухом туман, он плыл покрывалом над озером, что лежало невдалеке, и камышовые стебли странно торчали из белизны, словно копья невидимого глазу войска. Во всю ширину небо на востоке полыхало огненно-алым тюльпаном, и далекий, слегка бугристый край степи четко вырисовывался темной полосой, из-за которой вот-вот выглянет жаркое солнце. Битабар любил эти торжественные минуты ожидания, когда, кажется, все живое: и цветы, и птицы, и звери — заморожено таинством рождения нового дня.

В ауле просыпались люди. Пастухи выгоняли из загон скот и по влажной, вытопанной копытами тропе гнали на луга, где подымалась навстречу солнцу густая трава, покрытая серебряными капельками прохладной утренней росы. Протяжно мычали коровы, блеяли овцы, ржали лошади. Послышались голоса женщин. Где-то голосисто заплакал грудной младенец... То там, то здесь возле юрт в очагах вспыхнули оранжевые языки пламени, облизывавшие закопченные бока казанов. Приятно запахло дымком, немудреным варевом...

Солнце, выглянув из-за края степи, брызнуло веселыми лучами. Степь преобразилась, ожила. Запели птицы, застрекотали кузнечики, даже подслеповатые пугливые сус-

лики вылезли из своих нор и застыли на задних лапках, словно маленькие человечки, уставясь своими выпуклыми глазами на огненное чудо...

На душе у Битабара стало легко и радостно, все страхи и опасения отступили вместе с темнотой, расплылись и растаяли утренним туманом. Битабар верил в свои силы, верил в себя. Он был молод и полон несбывшихся надежд. Он ощущал невиданный прилив бодрости и легкости, словно у него за плечами выросли за одну ночь крылья, и он улыбался наступающему дню.

Потом Битабар посмотрел на родной аул, отыскал на возвышении белую нарядную юрту. Балуан Шолак еще спит. Полог двери и тундик — все закрыто. А возле юрты беззвучно расхаживает сам аксакал Алимбай, размахивая своей длинной белой палкой, он жестами и мимикой дает понять чабанам и дояркам, чтобы не шумели, проходили тихо, не будили знатного гостя.

Битабар снова улыбнулся, расправил плечи и зашагал в степь, туда, где над землей всходило огромным огнедышащим шаром летнее солнце.

4

Невдалеке от белой юрты на просторной зеленой площадке разостлали узорчатые кошмы, яркие ковры. Здесь собралось много народу. Весть о том, что прибыл знаменитый борец, облетела все ближайшие аулы, и степняки спешили позвать руку прославленному человеку, послушать его речи, а главное — посмотреть, как он будет справляться с Битабаром.

Балуан Шолак сидел на почетном месте, поджав ноги, перебирал струны домбры и, видимо, рассказывал окружающим что-то интересное, ибо они с вниманием и почтением ловили каждое его слово.

Битабар невольно замедлил шаги, приближаясь к лужайке, где уже все было готово для схватки борцов.

нет, я не оправдываюсь и не боюсь выходить на круг!.. Я просто считаю для себя невозможным протягивать свою руку к вашему вороту... Ворот старшего, тем более ваш, Шоке, для меня, молодого борца, священен.— Битабар сделал паузу, глотнул воздуха и продолжал: — Если вы, Шоке, согласитесь, то я очень хотел бы получить ваше благословение... Я люблю борьбу и не мыслю себя, своей жизни без нее!

— Э! Вот это слова разумные! — поспешно выпалил Мусатай.

Но балуан Шолак пропустил мимо ушей его восклицание, даже не взглянув в сторону байского сына, и тот сразу притих, прикусив язык. Борец все так же смотрел на пастуха, но Битабар в какие-то доли секунды уловил, как в суровом взгляде промелькнули искорки теплоты, и с облегчением внутренне передохнул, словно у него с плеч свалилась тяжелая ноша. Он понял, что сказал нужные и правильные слова.

— Что же ты тогда можешь? — Шолак смотрел в упор, как учитель на ученика.— Покажи людям свое умение!

Битабар на какое-то мгновение смутился. Что сказать? Как показать свою силу? Но тут раздались выкрики аулчан, знавших хорошо силу и ловкость Битабара:

— Он камни величиной с гору перекатывает!

— Он поднимает верблюда!

Балуан Шолак поднял руку, призывая к спокойствию, и повелел:

— Давайте сюда верблюда!

Шустрые аульные парни бросились к стаду. Через несколько минут на площадку ввели молодого упитанного двугорбого верблюда. Шерсть его слегка лоснилась на солнце. Верблюд важно вышагивал, высоко поднимая голову.

— Вот, Шолак-ага, хороший верблюд.

Балуан Шолак кивнул головой. Потом повернулся к Битабару:

— Этого сможешь?

— Да, Шоке...

— Поднимай!

Битабар потуже затянул пояс, потом заткнул за него края своего чапана и, нагнув голову, влез под верблюда. Наступила тишина. Степняки, хорошо зная тяжесть рослого верблюда, тем более живого, который может брыкаться и кусаться, притихли на своих местах.

— Ий-я, аруах! — выдохнул Битабар. — Помогите, души предков!

Крупные, тяжелые ступни верблюда оторвались от земли, и вот уже видна их темно-бурая, покрытая наростами кожа. Все четыре ноги животного беспомощно повисли в воздухе, и оно растерянно перебирало ими. В следующую секунду верблюд глухо и протяжно взревел во всю мощь своей глотки. Тело его напряглось, он начал дергаться, стремясь высвободиться из цепких рук пастуха. Огромные влажные черные глаза верблюда налились кровью.

— Ий-я!

Битабар, словно у него на плечах не живой верблюд, а всего-навсего тяжелый куль с пшеницей, чуть расставив ноги, сделал шаг вперед. Верблюд взревел еще громче, из его распахнутого рта потекла густая липкая слюна. Было от чего ошалеть: ведь, наверное, впервые в своей верблюжьей истории он передвигался верхом на человеке.

Битабар под одобрительные возгласы степняков обошел весь круг, вернулся на свое место и поставил орущего верблюда на землю. Животное, тяжело поводя боками и все еще мелко дрожа, подобралось и готово было цапнуть своими крупными желтыми зубами всякого, кто попытается снова оторвать его от земли. Верблюда тут же увели и отпустили. Издавая радостный вопль, животное пустилось бежать в степь, к своему стаду...

Битабар, смахнув со лба капельки пота, подошел к балуану Шолаку и опустился перед ним на колено.

— Молодец, степной сокол! — произнес Шолак, и сразу же одобрительные возгласы раздались со всех сторон,

ибо каждый понимал, что такая похвала из уст человека, умеющего ценить и понимающего силу,— очень высокая похвала. Это признание мастерства.— Я долго думал о том, кто придет мне на смену, я долго искал в степных аулах молодого батыра, который был бы равен мне, стал бы моим преемником,— продолжал Шолак.— Мне казалось, что нигде нет такого человека... Но я ошибался! Оказывается, есть такой человек. Посмотрите, люди, на этого скромного силача, слава которого лишь занимается, как утренняя заря, предвещая большой день победной жизни! Перед вами балуан Битабар. Имя его скоро узнает вся степь от края и до края. Это говорю я, балуан Шолак, запомните, люди, мои слова.

Под одобрительные крики балуан Шолак приблизился к смущенно застывшему Битабару.

— Ты пойдешь далеко, пусть твоя дорога будет светлой. Единственное, что хочу тебе сказать, благословляя, так это то, что я знал всю жизнь. Запомни и ты, Битабар. Борьба — это тоже один из видов мастерства. Не обрати его в легкое ремесло ради наживы! — проговорил Шолак и поцеловал Битабара в лоб.— Пусть камень твоего счастья катится только в гору!

Пастух, казалось, сразу вырос до самого неба. Порывисто встав, Битабар снова почтительно поклонился борцу. Потом круто повернулся и, ни на кого не взглянув, вышел из восторженно гудящего круга.

В тот же день, едва солнце стало опускаться над степью, Битабар направился к окраине аула, где жил недоучившийся мулла. Пастух шел прямо к нему.

— Молдеке, у меня есть несколько слов. Можешь их записать на бумаге?

— Е-е... А что за слова?

— Божьи слова.

— Е-е... Если они божьи слова, конечно, можно записать. Только ты не забывай о подношении.

— Подношение будет, молдеке,— в тон ему ответил Битабар.

— Тогда говори.— Мулла нацепил очки, достал лист бумаги, открыл чернильницу и обмакнул перо.

— Пиши так: «Борьба — это тоже один из видов мастерства...»

— Постой, постой! — Мулла удивленно вытаращил свои блеклые глаза и недоуменно посмотрел на пастуха.— Разве это божьи слова, дитя аллаха?

— Настоящие божьи слова, молдеке. Записывай: «Борьба — это тоже один из видов мастерства. Не обрати его в легкое ремесло ради наживы!»

Мулла заерзал на месте:

— Е-е... Аллах все видит...

— Пиши, пиши, молдеке! Я накошу тебе сена на целую зиму.

— Е-е... В таком случае... Я напишу, сын мой. Кто знает, может быть, сам аллах велел тебе произнести эти слова...

А через два-три дня после этого вечера мать Битабара с удивлением обнаружила у своего сына под рубахой нашее какой-то треугольный предмет.

— Что такое, Битажан?

— Это? Тумар, мама... Мой талисман.

— Это очень хорошо, что ты носишь тумар, сын мой,— обрадованно произнесла мать.— Тебя будут обходить беды и несчастья.

5

Балуан Шолак прожил в ауле почти месяц. В день его отъезда Алимбай подвел к белой юрте прекрасного жеребца — черного иноходца, про которого говорили, будто у него такой ход, что даже во время бега вода не прольется из чаши, если ее поставить на седло.

При всем народе старый аксакал Алимбай сказал, приложив руку к сердцу:

— О, прославленный во всех казахских степях балуан Шолак! Ты шел к людям, и люди, которых ты радовал, не остались неблагодарными. Этот иноходец — твой. Ты уедешь на нем.

Балуан несколько минут с восторгом смотрел на аргамака.

Потом он обошел иноходца и с той и с другой стороны, долго рассматривал его. Он обнимал его лебединую шею своими крепкими руками и прижимал к себе, как маленького ребенка.

Конь — крылья джигита! Балуан же, видевший на своем веку немало коней, сразу понял, что перед ним не простая казахская лошадка-жабы, а прославленный ахалтекинский скакун.

Первые слова, которые вырвались из уст балуана, были слова восторга:

— Апырай! И рождаются же такие скакуны от кобылиц!

Алимбай поступил умно. Он не стал говорить о том, что в прошлом году купил иноходца, отдав за него, кроме денег, одногорбого верблюда, жирную яловую кобылицу и сверх того десять баранов с ягнятами.

— Прими от души, батыр,— только и сказал он.

Радость балуана была так велика, что он, забыв об окружающих, вскочил на иноходца и стремительно поскакал в сторону гор Иманака. Вернувшись, он сказал:

— Вот это конь так конь! — и повернулся к аксакалу: — Благодарю тебя, Алимбай. Тебя и весь народ. Но если этот конь мой, разреши мне распорядиться им по-своему.

Затем он бросил взгляд в толпу и, отыскав Битабара, крикнул ему:

— Эй, степной сокол, подойди-ка сюда!

Битабар выступил вперед. Балуан протянул ему поводья:

— Мудрый аксакал Алимбай подарил иноходца мне. Но я дарю этого иноходца тебе, молодой степной сокол.

Битабар застыл, будто пораженный молнией. Может, все это сон? Нет, даже во сне он не мог позволить себе и думать, что когда-нибудь ему придется сесть на такого коня, к тому же подаренного самим Шолаком. Так он стоял, не приходя в себя, пока не услышал голос Мусатая:

— Слава аллаху, если Битабар захочет сесть на коня, для него найдется другой жеребец. А это — подарок, преподнесенный балуану. Наш гость уедет домой на черном иноходце.

Балуан Шолак повернулся к байскому сыну.

— Я слышу речь умного джигита. Недаром говорят вокруг, что голова твоя не пустой бурдюк. Если это правда, Мусатай, значит, ты поймешь то, что я скажу сейчас!

Мусатай молчал.

— Жизнь — это многолюдная, большая ярмарка. Все бывает в ней: и выигрывают, и проигрывают, и побеждают. Человеку, возвратившемуся с битвы, не нужен иноходец. Ему подойдет для этого случая и обыкновенный ишак. Иноходцы же и скакуны нужны молодым соколам, идущим на ярмарку жизни за победами. Это мудрость, сынок, которую нужно кое-кому знать! Отец твой остается, думая, что он подарил коня мне. Я же отправляюсь в путь, считая, что принял этот дар от твоего отца. Разве теперь не моя воля распоряжаться подарком, как я хочу, даже если кину черного иноходца собакам? — с достоинством проговорил, глядя на Мусатая, Шолак.

Мусатай хотел было что-то возразить, но аксакал, подняв свою белую палку, не дал сыну сказать.

— Верно говоришь, балуан. В нашей воле дарить. В вашей воле принимать. Обе эти воли исполнились. Дело не в иноходце, а в душевном расположении, которое по-прежнему все питаем к тебе.

Балуан Шолак степенно кивнул головой, давая понять, что ценит это уважение. а затем суровым тоном обратился к смущенному и напряженно ожидавшему Битабару:

— Робость — родная сестра только слабым. Друг мой,

если ты дашь ей покорить себя, то потеряешь уважение окружающих. Иди сюда, молодой сокол, бери поводья!

Слова Шолака, как чаша хорошего кумыса, встряхнули джигита. Он окинул взглядом соплеменников и расправил плечи. Одни глядели на него с интересом. Другие — со страхом, смешанным с долей уважения, третьи — с завистью. И хотя Битабар был молод, он понимал значительность этого события. Подойдя к коню, Битабар встал на одно колено и несколько раз поцеловал поводья, которые только что держал в руках балуан Шолак.

Черный иноходец нетерпеливо перебирал ногами, словно ожидая, когда же наконец закончится эта церемония. Битабар, едва сдерживающий свое волнение, почувствовал нетерпение коня и, ободряемый понимающим взглядом балуана Шолака, легко вскочил в седло. Иноходец, тихо заржав, помчал его в сторону гор.

Балуан Шолак стоял, окруженный людьми, и пристально смотрел на всадника. И было непонятно, то ли грусть, то ли гордость за содеянное выражал его взгляд. Наконец он сказал:

— А не кажется ли вам, друзья, что на этом несравненном ахалтекинце скачет сам балуан Шолак! А? Молодым скачет! Таким, каким и должен быть балуан. А?

Возле старой юрты стояла пожилая женщина. Она плакала, а в глазах — счастье. Это — мать Битабара.

У дверей другой юрты, опираясь о косяк, стояла молодая девушка. Она смеялась. Радовалась. Это — любимая Битабара красавица Жанкумис.

6

Настал час, когда знаменитый гость покидал гостеприимный аул. Его провожали шумной толпой. Все всадники — на отличных скакунах. Девушки в ярких нарядах, в шапках с перьями филина. Джигиты и подростки, сдерживая нетерпеливых коней, старались походить на бравых наездников.

Впереди сам балуан Шолак. С одной стороны, придерживая гнедого коня, скакал Мусатай. С другой — Битабар на своем черном иноходце. Над бесконечным простором светило яркое солнце, где-то вдалеке чуть виднелось знойное марево, оно дрожало над горизонтом. А над степью плыла задумчивая, полная радости и печали песня балуана:

О Галия, Галия, Галия!..

А когда повторялись слова «...свет души моей, Галия», Битабар невольно бросал взгляд на скачущих девушек, отыскивая глазами Жанкумис. Она тоже при этих словах смотрела на Битабара, они встречались взглядами, и оба были счастливы. Им казалось, что песня о Галие — это песня о их любви.

О Галия, Галия, Галия!..

Жанкумис приходилась дальней родственницей старому Алимбаю. Она прибыла из далекого аула как гостья и почти все лето жила здесь. Видимо, ей понравилось джайляу¹, спокойная речка, берега которой поросли камышом, степное раздолье да силуэты гор на горизонте. Жанкумис подружилась с аульными девушками, стала участвовать в играх, веселых забавах. Местные парни, да и женатые джигиты открыто заглядывались на нее. Но, скромная, она никому не давала ни малейшего повода к ухаживанию, холодно отвечала на любые двусмысленные фразы. Особенно тут старался Мусатай, сын бая. Он-то вокруг Жанкумис вертелся волчком, обхаживая девушку, редкую за летнюю птичку. Однако та не обращала на него никакого внимания. Во всем ауле был единственный джигит, к которому Жанкумис относилась совершенно по-иному. Это был Битабар. Она бойко отвечала на его взгляды, не опуская глаз, а когда что-либо говорила, то так, как будто каждое слово предназначалось именно Битабару. И сме-

¹ Джайляу — летнее пастбище.

ялась так, словно ее смех приятен одному Битабару. Она, казалось, не замечала, что он беден, что одежда его стара, что юрта низка, что мать — больная и бессильная женщина, а стадо у него такое, что можно всю скотину по пальцам пересчитать.

И вот сейчас, провожая знатного борца, Жанкумис улыбалась лишь Битабару.

У невысокого холма балуан Шолак остановился. Придержали своих коней и провожавшие его всадники.

По обе стороны балуана образовалось две группы: одна группа — молодые джигиты на резвых скакунах, а другая — празднично одетые девушки. Балуан Шолак оглядел провожающих, отметил про себя, что девушки в этом ауле — хорошие наездницы.

— Друзья мои, почему рядом со мной два лагеря? Ведь на этом свете все красиво в паре. Девушки, джигиты, будьте вместе!

Молодежь как будто только и ожидала этих слов. Всадники перемешались, создав веселую, шумную единую группу.

Рядом с Битабаром, придержав коня, остановилась Жанкумис.

— Что же, — сказал знаменитый борец, — мне нравится такое смешение цветов. Это похоже на степь весною. — И, повернувшись к счастливому Битабару, подмигнул ему. — Споем, молодой сокол! На нашей просторной земле песня всегда была другом степняку.

И снова зазвучала ласковая, волнующая песня, которую подхватили все всадники:

О Галя, Галя, Галя!..

7

Возвращались в свой аул чуть грустные. Дни, проведенные вместе с балуаном Шолаком, казались самыми счастливыми. Заскучали девушки. Чтобы немного развеяться, Жанкумис предложила:

— Давайте состязаться!

Первым откликнулся Битабар. Он тронул черного иноходца, и тот понесся вперед. Конь Жанкумис, подгоняемый наездницей, помчался следом. Девушка все торопила скакуна, как будто бы в самом деле надеялась, что ее конь обгонит черного иноходца.

— Жанкумис, стой! — послышался голос Мусатая.

Но ни Битабар, ни Жанкумис не оглянулись, не придержали коней. Скоро они совсем скрылись из глаз.

Они прискакали в укромную ложину, остановили коней. От быстрой езды, от близости Жанкумис лицо Битабара горело. Чтобы остудить жар, волновавший его, он начал хвалить черного иноходца, сравнивать его с птицей, ветром. Девушка ответила ему шуткой.

— Ты так быстр и ловок, что я чуть не спутала тебя с самым балуаном Шолаком.

Битабар посмотрел в лучистые ее глаза и ответил серьезно:

— Я не Шолак, Жанкумис, но ты для меня как Галия для Шолака.

Жанкумис улыбнулась. Ободренный ее улыбкой, Битабар взял девушку под руку, подвел к своему иноходцу и сказал:

— Жанкумис, а если я увезу тебя отсюда на этом черном скакуне? Мы уедем от всех, чтобы всегда быть вместе...

Девушка потупила взгляд. Молчание ее длилось долго. Битабар тревожно глядел на опущенные ресницы и ждал ответа. Не дождавшись, он снова взял руки девушки в свои большие ладони:

— Жанкумис, вместо твоих слов я слышу лишь голос ветра. Почему ты молчишь? Я увезу тебя. Скажи только, что ты тоже хочешь этого!

Жанкумис отдернула руки. Ресницы ее взметнулись, и Битабар увидел в глазах, смотревших на него, тоску. Вслед за этим он услышал и ее ответ:

— Я не козленок, которого таскают во время игры в кокпар. К чему увозить меня? Или я не рассказала тебе сразу, что уже сосватана и будущий мой муж ждет меня в Караоткеле?

Битабар ничего не ответил. Тяжела была правда. Но еще тяжелее было видеть, как любимая томится грустью, такой же бескрайней, как и степь, в которой они живут.

Вскоре на гребне холма показался всадник, нетерпеливо подхлестывавший свою лошадь.

— Апырай! — воскликнул он, увидев спешившихся Жанкумис и Битабара. — Что же вы не останавливаетесь, когда вам кричат?

Битабар, и без того удрученный, молча отвернулся. Жанкумис неторопливо направилась к своему коню. Мусатай ворчал, что теперь они опоздали к ужину и отец опять будет сердиться.

— Перестань нить, — оборвала его Жанкумис. — Мы испробовали силу и ловкость иноходца, подаренного знаменитым батыром этому молодому соколу. Только и всего.

Она опустила поводья, и конь сам пошел к аулу. Мусатай поспешил за родственницей. На ходу оглянулся. Битабар, молча смотревший им вслед, увидел, что лицо Мусатая пылало ревностью и необузданной злобой.

Битабар вскочил на иноходца. Через минуту он уже несся по степи, дав волю скакуну. А молодой сокол был рад этому: ему никого не хотелось видеть. Ему хотелось быть одному. Он впервые испытал это странное состояние. Что из того, что ветер с силою треплет его короткие волосы, треплет гриву коня, словно хочет остановить этот неистовый бег!

Но сколько бы он ни гнал коня, ему не уйти от тяжелой думы о своей жизни, в которой было немного радости, не убежать от любви к девушке, дороже которой ничего нет на свете! И от разлуки, которая неизбежна и которую ничем нельзя предотвратить.

Так он носился по степи до поздней ночи. И всадник

и конь вернулись усталые, когда весь аул уже спал крепким сном. Только мать Битабара, встревоженная отсутствием сына, не смыкала глаз. Она сидела на старой кошме, поджав под себя ноги, и прислушивалась к шорохам ночи. Сердце ее успокоилось только тогда, когда сын уснул и дыхание его сделалось ровным и спокойным.

8

Утро застало Битабара в постели. Мать, против обычая, не разбудила его вместе с солнцем. Она смотрела на спящего сына и перебирала в памяти события вчерашнего дня. Неужели все это было на самом деле? И балуан Шолак, проявивший такую доброту к ее сыну, и подаренный им Битабару черный иноходец? Старая женщина могла с точностью сказать, что такого счастливого дня не было еще в ее жизни. Непонятно было одно: почему сын вернулся расстроенным? Почему не сказал ей ни единого слова? Не стал есть, молча бросился на кошку и, хотя уснул как убитый, ночь спал плохо — ворочался, что-то говорил во сне?..

Неожиданно снаружи, почти у самой юрты, послышался топот коня, затем раздался резкий голос Мусатая:

— Эй, Битабар! Выходи! Ты мне нужен!

Битабар открыл глаза. Когда зов повторился, Битабар поднялся с кошмы, накинул на плечи чапан и вышел.

Близ юрты верхом на сером коне гарцевал Мусатай. На поводу он держал каурого жеребца-двухлетку.

Увидев Битабара, он сказал:

— Из этого жеребенка на следующий год вырастет хороший скакун, и он будет твоим конем. Забирай! А черного иноходца верни обратно.

Битабар оглядел жеребенка, затем его хозяина и холодно ответил:

— Если мне суждено будет вернуть иноходца, то я верну его настоящему хозяину. Зачем же я буду не твоего коня отдавать тебе?

— Не болтай лишнего, босяк! Разве такие скакуны, как черный иноходец, под стать тебе? Не капризничай, иначе можешь лишиться и этого!

Битабар, навчившийся в своей трудной жизни сдерживаться, на этот раз вышел из себя. Он шагнул навстречу Мусатаю:

— Убери отсюда этого дохлого жеребенка! Мне нет до него дела, точно так же, как тебе нет дела до моего черного иноходца!

— Ошибаешься...— прошипел Мусатай, пятясь вместе с конем,— есть мне дело до черного иноходца. Он принадлежит моему отцу. Ты же можешь остаться вообще без коня, голодранец!

— Только попробуй приблизиться к черному иноходцу, Мусатай! — Откровенная угроза звучала в каждом слове Битабара.— Пока я жив, слышишь, черного иноходца тебе не видать!

Мусатай, скрипнув зубами, дернул за недоуздок жеребенка и тут же, выругавшись, изо всей силы хлестнул его камчой. Трудно было понять, кому адресовались его проклятия — то ли Битабару, то ли жеребенку. Битабар, стиснув кулаки, шагнул вперед. Но сын бая поддал каблуками сапог в бока скакуна, и тот рывком тронулся с места.

— Я еще тебе покажу! — хрипло прокричал Мусатай и, нахлестывая коня, ускакал.

9

Битабар, как и обещал мулле, с рассветом отправился на луг косить сено. Работа доставляла ему радость. Высокая, густая, сочная трава, казалось, сама стлалась перед молодым богатырем. Острая коса пела в его руках. На сердце у Битабара было легко и радостно. Жизнь открывалась перед ним новой, неведомой ему стороной, и радужные мечты манили вдаль, как эти легкие белые пушистые облака, что тихо проплывали по знойному синему

небу. Он не знал, что его ожидает впереди, в недалеком будущем, но твердо верил, что пора тяжелой бедности уходит в прошлое, что вместе с благословением Шолака он получил право на счастье и славу. И это не пустые мечты, не сон. Вчера, например, прискакали гонцы из соседнего аула и, соблюдая неписаный закон уважения, почтительно пригласили «гордость рода Алимбая, степного сокола ба-луана Битабара украсить своим присутствием той, который устраивается по случаю женитьбы старшего сына старейшины, и показать свое мастерство в богатырских играх».

Битабар, которому было очень трудно сдерживать рвущуюся наружу радость, согласился не сразу, а, как требует обычай, лишь после повторной просьбы. И вот сейчас он перебрал в памяти всех крепких мужчин и молодых парней из того аула, которые могли бы посостязаться с ним в силе, однако никого не находил. Ранней весной Битабар в том ауле переборол подряд всех местных джигитов и угнал домой главный приз — дюжину баранов...

К вечеру Битабар выкосил весь обширный луг, на который ему указал мулла, и, вытерев влажное лезвие косы пучком травы, окинул взглядом свою работу и остался ею доволен. Огненно-красный раздутый шар солнца медленно опускался за край степи, и его последние лучи скользили над землей. Битабар зашагал к аулу.

Подходя к своей юрте, Битабар еще издали заметил, что возле нее собрались люди. Что это могло бы значить? Он невольно пошел быстрее.

— Эй, что тут случилось?

Соседи безмолвно расступились перед ним. Из юрты доносилось всхлипывание его матери...

К Битабару подошел Хамид, лупоглазый мальчишка, сын дальнего родственника:

— Как ты ушел на луг сено косить, сюда заявился дяденька Мусатай. Он пришел и увел твоего скакуна.

Битабар оторопел. Он удивленно оглядел всех собравшихся у его юрты родичей, соседей. По их хмурым лицам было видно, что мальчишка говорит правду.

— Куда он его увел? — спросил Битабар.

— Увел за свою юрту и привязал там к коновязи.— Хамид вытянул тонкую шею, говорил шепотом, словно сообщал важную тайну и опасался, как бы ее не услышали чужие уши.

Битабар вспыхнул от гнева, как сухой пучок камыша, к которому поднесли огонь. Он готов был разразиться ругательствами в адрес Мусатая, но обидные слова застыли на кончике языка. Ничего не сказав, Битабар круто повернулся и зашагал к центру аула, где на возвышении стояла большая белая юрта Алимбая. Хамид бежал рядом. У юрты бая он рукой показал на коновязь:

— Смотри, батыр, он там!

И в самом деле, черный иноходец находился там, куда показал мальчишка. Около скакуна стояли Мусатай и еще двое джигитов. Мусатай прилаживал седло на спину коня.

Услышав шаги и голоса, Мусатай невольно оглянулся. Увидав свирепое лицо Битабара, остолбенел. Некоторое время бессмысленно хлопал короткими рыжими ресницами. Потом засуетился, как пойманная лиса, побежал к своей юрте, что стояла рядом с отцовской, и скрылся в ней. Двое джигитов, которые помогали Мусатаю, опасливо косясь на батыра, отошли на почтительное расстояние.

Битабар, не говоря ни слова, подошел к черному иноходцу, расстегнул подпругу, молча сбросил седло и вскочил на скакуна. Неторопливо подъехал к юрте сына бая, поигрывая камчой.

Так же, как вчера у его юрты кричал Мусатай, сегодня громко и требовательно звал Битабар:

— Эй, Мусатай, выйди-ка сюда!

Из юрты никто не отозвался.

Битабар нахмурился. Он не любил повторять свой клич дважды.

Чуть подождав, Битабар снова позвал Мусатая.

В ответ по-прежнему тишина.

Третий раз крикнул Битабар.

Тогда из большой юрты вышел сам Алимбай, опираясь на палку. Лицо его пылало гневом.

— Ойбой, собаки! Угоняете единственного коня у человека, имя которого прославит наш род. — Старик, прихрамывая, направился к юрте сына. — Что молчите, словно сурки, спрятавшиеся в своих норах? Или не подумали, что придется ответ держать за свою подлость?

Из юрты Мусатая не доносилось ни единого звука. Байский сын трусливо отмалчивался. Выругавшись, старый Алимбай повернулся к Битабару.

— Этот щенок Мусатая поступает как глупый ребенок. — Аксакал произносил слова громко, чтобы его услышали и в юрте. — Битабар, сын мой, говорю тебе — и аллах свидетель моим словам! — черный иноходец принадлежит тебе одному!

Битабар, довольный словами аксакала, почтительно склонил перед ним голову и, поблагодарив старейшину рода, направился к своей юрте.

Заплаканная мать вышла навстречу сыну. Увидав черного иноходца и на нем Битабара, она попыталась улыбнуться.

— Успокойся, апа, — сказал Битабар. — Я думаю, что на этом наш спор с Мусатаем закончился.

10

Теплая летняя ночь накинула синее легкое покрывало на безбрежную степь, потушила пламя в очагах и щедро разбросала по темному небу яркие крупинки золотых огней. Над вершинами гор взошла круглая луна, словно новенький золотой червонец, и бледный мягкий свет озарил притихший аул, холмы и луга, высветил серебристую гладь реки, что тихо текла меж пологих берегов. Аул давно уснул. Лишь время от времени в загонах заблеет проснувшаяся овца, промычит корова или заржет конь, и снова густая тишина повисает над степью.

Битабар сидел перед дверью своей юрты. Сон не шел к нему. Неуемная тоска выгнала его из дома, заставила бродить вокруг большой юрты сына Алимбая. Оттуда, несмотря на глухую ночь, слышались голоса. Битабар знал, что утром Жанкумис уедет из их аула навсегда.

Устав бродить и поняв, что толку от такого его поведения мало, Битабар вернулся к своей юрте, не переставая думать о том, что во всей степи не найдется ни одного человека несчастнее его. Он несся мыслями к любимой, вспоминал минуты, проведенные вместе с нею, и чувствовал себя еще более несчастным.

С той поры, как балуан Шолак уехал из аула, дни стали какими-то серыми, невеселыми. Вечерами не собираются вместе парни и девушки, как это было при балуане Шолаке. В притихшей степи не слышно песен. Шесты для качелей старики уже давно сожгли.

Битабар и Жанкумис встречались только урывками. Невеселыми были эти встречи.

Битабар издали следил за юртой, откуда слышны голоса.

Взошедшая луна грустно оглядывала просторную степь, притихшую в ночи. Вдруг раскрылась дверь юрты Мусатая, и оттуда вышли двое. Их тени, большая и маленькая, сначала застыли, а затем направились в его сторону.

У Битабара забилося сердце. Тени показались ему знакомыми.

Одна из них приблизилась, и Битабар услышал голос Хамида:

— Битабар-ага, тебя зовет Жанкумис.

Битабару не надо было повторять дважды. Торопливо вскочив, он кинулся в ту сторону, где скрылась тень.

Жанкумис стояла, опустив голову. Битабар кинулся к ней, но девушка остановила его дрожащими руками:

— Нет, Битажан, не поддавайся опьянению чувств. Я пришла... Я пришла, чтобы попрощаться навсегда.

Битабар отпрянул. Нет, не такой он представлял их встречу. Он тихо сказал:

— Не надо. Не пугай. Что значит «навсегда попрощаться»?

Жанкумис вдруг горько рассмеялась:

— Может быть, ты думаешь, что я совсем переехала в род Алимбая?

Битабар этого не думал. Он стоял молча, подавленный всем происходящим. Смех девушки совсем лишил парня дара речи.

— Как быстро прошло время,— продолжала Жанкумис.— Мне кажется, что я приехала только вчера, а уже наступила осень.

Она подошла к Битабару совсем близко, взяла его за руку. Молодой батыр бросился к ней вновь. Нет, он не обнял ее, хотя вся душа его просила этого. Сильный и рослый Битабар опустился перед девушкой на колени и высказал единым духом все то, что носил в своем сердце:

— Уедем в степь. Нас никто не найдет! Мы будем вместе до конца наших дней!

Жанкумис горько вздохнула:

— Видно, не судьба, милый.

— Почему не судьба? Лучше скажи мне правду, любишь ли меня, Жанкумис?

Жанкумис долго молчала, затем промолвила:

— Если бы не любила, разве пришла бы к тебе, Битабар? За мной, за каждым моим шагом следят.

Битабар поднялся и нежно обнял девушку.

— Жанкумис, наша любовь все преграды одолеет. Решайся! Будем вместе всю жизнь...

Жанкумис молчала. Она прижалась всем телом к Битабару, и тот почувствовал, как она дрожит.

Вдруг со стороны юрты послышался резкий голос Мусатая:

— Жанкумис! А Жанкумис!

Жанкумис замерла, еще крепче прижалась к джигиту. Затем порывисто поцеловала его и чуть слышно проговорила:

— Будь счастлив, мой Битабар! Будь счастлив, мой степной сокол!

Битабар застыл на месте, как огромная каменная глыба. А Жанкумис, которая еще мгновение назад обнимала его, превращалась в темный силуэт, удалялась и таяла.

Луна поднялась высоко, и ее ровный блеклый свет озарил уснувший аул, степь. Битабар молча опустил на землю, где еще недавно стояла любимая. Потрогал ладонью траву, словно она сохраняла тепло девушки. И только сейчас понял, что они расстались и что, может быть, никогда больше не встретятся.

Обхватив колени руками, Битабар долго и грустно смотрел в ту сторону, где возвышалась юрта Мусатая. Он вспоминал счастливые времена, когда встречался с Жанкумис, и как бы заново переживал каждую минуту радости.

Сколько времени Битабар просидел так, он не помнил. Луна стала опускаться к земле, и Битабар словно сквозь сон услышал песню. Она убаюкивала его, заставляла улыбаться. Ему казалось, что любимая рядом, он слышал ее нежное дыхание, видел румянец щек... Битабар протянул руку, чтобы дотронуться до Жанкумис, но ладонь его ощутила лишь пустоту... Он невольно открыл глаза. А песня все лилась, печально и грустно звенел в ночной темноте девичий голос, проникая в самую глубину сердца степняка:

О Галия, Галия, Галия!..

Песня оборвалась, и в предрассветной серой тишине стало слышно, как далеко-далеко глухо цокали копыта да поскрипывали колеса арбы...

Битабар вскочил словно ужаленный. Он все понял... Он все понял... Сердце бешено заколотилось в груди, как пойманная куropатка. Он глотнул воздуха и подался вперед, откуда доносилась еще недавно песня, а теперь лишь едва слышался цокот копыт.

— Милая!

Над степью стлался предрассветный туман, закрывая лощины густой белой пеленой. Ленивый ветерок чуть шевелил густые травы, обильно покрытые росой; на востоке, где должно взойти солнце и начаться новый день, лишь проступил первый робкий румянец, окрасив край посветлевшего неба над горизонтом. Битабар застыл на месте, напряженно вслушиваясь в дремотную тишину. Его чуткое ухо уловило стук колес и цокот копыт... Увезли!.. Жанкумис увезли!.. Она песней звала, песней просила о помощи!..

Сердце толчками гнало по жилам кровь. «Нет, это им не пройдет даром! — Битабар сорвался с места. — Сейчас я им покажу! Черный иноходец быстро найдет дорогу. Жанкумис моя, только моя... Я верну ее. Догоним!.. Горе тому, кто встанет поперек моего пути!»

Битабар побежал к аулу, к своей юрте, а потом, с уздечкой в руках, устремился в степь. Черный иноходец пасется в лощине, он далеко не мог уйти со спутанными ногами. Но в лощине, где густая трава поднялась выше колен, пусто. В белесом сумраке нигде не видать темного силуэта скакуна. Куда же он делся?..

Битабар с уздечкой в руке пересек лощину, но коня нигде не встретил.

— Апырай! Кругом такая вкусная сочная трава, ешь на здоровье, — рассуждал вслух Битабар, недоуменно оглядывая все вокруг. — Не должен же конь далеко уйти...

День постепенно прогонял темноту ночи, гасли в высоком небе одна за другой поблекшие звезды, немые свидетели расставания влюбленных сердец. Заря, похожая на лепестки тюльпана, полыхала в небе, и розовые блики ложились на стлавшийся в низинах пластами утренний туман. Стало совсем светло, Битабар взбегал на холмы, пристально оглядывая степь. Куда же запропастился его конь?

Со стороны Иманака показался какой-то всадник. Би-

табар поспешил ему навстречу. Он узнал пожилого табунщика.

— Скажи, отец, ты случайно не встречал черного иноходца?

Тот отрицательно покачал головой:

— Нет, не встречал... Вон там под холмом лежит какая-то черная скотина.— Он махнул плеткой на дальний бугор, возвышавшийся над степью.— А свободно гулявшего коня нигде я не видел.

У Битабара стало сухо во рту. Он круто повернулся и побежал в степь, к далекому холму.

Битабар, задыхаясь от бега, одним махом одолел крутой склон, взбежал на вершину холма и замер. Внизу, вытянув шею, безжизненно лежал черный иноходец. Одинокая ворона, недовольно каркнув, нехотя взмахнула крыльями и отлетела в сторону.

Битабар подошел к коню. Чья-то безжалостная рука вспоролa иноходцу брюхо. Вытянув вперед голову, конь смотрел большими печальными глазами, в которых, казалось, застыли навечно недоумение и грусть.

Батыр присел у мертвого скакуна, провел рукой по голове, по шелковистой, влажной от росы шее. Конь был холоден. Он, видимо, принял смерть давно, еще с вечера... Долго сидел Битабар над телом черного иноходца, не замечая, как взошло солнце, как все оживилось вокруг. По смуглым, выдубленным ветрами и жарой щекам его медленно текли крупные слезы, и он не стыдился их...

II

День, обещавший быть солнечным, вдруг поблек, нахмурился. Откуда-то набегали тучки, закрыли синий простор неба. Как бы оплакивая горе молодого степняка, заморосил мелкий дождик. Степь стала печальной. Синими курганами возвышались пустынные горы Иманака. Они застыли безмолвными стражами на краю степи.

Битабар, закинув на плечо ненужную теперь уздечку,

молча пришел в юрту бая. Посреди юрты в очаге весело пылал огонь под казаном. Блики огня озаряли богатое убранство юрты. По стенам развешаны ковры и кошмы с яркими орнаментами. В юрте тепло и вкусно пахнет едой. Старик Алимбай как старший в семье только начал пробовать горячую лапшу с мясом молодого барашка. Увидав вошедшего Битабара, старик улыбнулся:

— Это ты, Битабар? Проходи, садись. Есть лапшу будем.

Голос у старика приветливый, в глазах — теплота. Битабар оглядел юрту, она словно изменилась, опустела, хотя вся семья собралась у дастархана. Нет Жанкумис, нет ее светлой улыбки и веселого голоса... У Битабара перехватило дыхание. Мусатай, стрельнув неприветливым взглядом, нагнул голову, старательно разглядывая ложку.

Алимбай смотрел в упор своими маленькими зоркими глазами, поблескивающими из-под нависших седых бровей.

— Какая беда тебя тревожила, сын мой?

Битабар бросил уздечку на цветастую кошму:

— Кто-то зарезал черного иноходца...

Аксакал повернул голову в сторону своего сына, и его брови хмуро сошлись на переносице. «Не твоих ли рук дело?» — молча, одним взглядом спросил старик.

Мусатай заерзал, его голос, визгливый и резкий, заполнил всю юрту:

— Это не я, отец... Не я! Я даже близко не подходил к коню. С тех пор, как ты сказал, отец, я совершенно выбросил из своей головы все мысли про черного иноходца...

Аксакал помял пальцами бороду, внушительно произнес:

— Кажется, я ничего не говорил тебе. Почему ты кричишь так, сын мой?

Мусатай сник, втянув голову в плечи.

Аксакал посмотрел на Битабара и, пожевав губами, сказал:

— Мертвого коня к жизни не вернешь... Но доброго коня сменяет добрый жеребенок. Ты, джигит, получивший благословение балуана Шолака, не останешься без коня. Тебе не приличествует ходить пешком. Вот что я тебе скажу. Иди-ка к моему табуну и набрасывай аркан на любого жеребца-трехлетку. Выбирай себе, который понравится!

— Черного иноходца не заменит никакой трехлетка, Алеке... Спасибо за доброе слово, за предложение, — проговорил Битабар, потом, помолчав, добавил: — Я не веду тяжбы из-за скота.

Он повернулся и вышел из юрты, прикрыв за собой тяжелый полог из белой кошмы.

12

Наступили холода. Народ вернулся на зимовье. Белая кошма снега легла на степь. Задул порывистый ветер, незванным гостем влетал он в каждую юрту, вытесняя тепло, забил хлопьями снега окошки, отчего в юртах стался полумрак.

Короткий день подходил к концу.

Битабар торопливо шагал. Снег глухо скрипел под его сапогами.

Битабар спешил, а мысли его уносились к тем дням солнечной осени, которые дали ему первую большую радость и нанесли первые раны печали. Он не ломал голову над вопросом, кто вспорол брюхо черному иноходцу, ибо безошибочно знал, что здесь не обошлось без подстрекательства Мусатая. Ясно было и то, почему тайно увезли Жанкумис... Опять дело рук Мусатая. Только он, больше никто... Именно Мусатай, боясь его и завидуя силе молодого борца, распустил черный слух среди родственников девушки об их мнимой связи, торопя поскорее выдать ее замуж: «Приезжайте и увезите ее от позора!» И вот ее поспешно увезли...

Однако Битабар не пошел объясняться к Мусатаю, хотя тот, как нашкодивший пес, все эти месяцы обходил его стороной. Отец Мусатая, аксакал Алимбай, был дальним родственником Битабара и уважаемым человеком в роду. И Битабар, соблюдая законы родства, не стал мстить Мусатаю. Как говорят мудрые люди, плох тот степняк, который торопится вбить клин раздора между родственниками. Правда, находились и такие горячие головы, которые при каждом удобном случае украдкой советовали молодому батыру рассчитаться с обидчиком... Но Битабар не слушал никого, жил своим умом. Сильные люди имеют отходчивое сердце...

Прошли многие месяцы. Медленно заживали раны на сердце. Реже стала сниться Жанкумис... Реже вспоминал борец и черного иноходца... Но с тех пор Битабар ни разу не был в доме старейшины, в доме Мусатая.

Битабар не замечал ни ветра, ни мороза. Он спешил к дому аксакала.

Алимбай умирал.

Битабар знал, что аксакал последние недели не вставал с пухлых одеял. Дни его жизни подходили к концу. Возле аксакала, поджав ноги, сидел мулла и, обращаясь к всевышнему, просил аллаха продлить жизнь старейшине рода.

Сегодня к полудню старику стало легче. Он открыл глаза, оглядел всех, кто толпился в юрте. Потом тихим голосом произнес:

— Где Битабар?.. Позовите моего сына Битабара!

Юрта старейшины выше и просторнее всех в ауле. У порога Битабара встретили.

— Проходи скорее. Аксакал то и дело спрашивает тебя.

Старик Алимбай лежал на цветастых одеялах, обложенный подушками. Лицо его стало восковым. Ввалившиеся глаза были закрыты, над ними седыми пучками торпорщились кустистые брови. Длинная, ставшая снежно-белой борода ниспадала на высохшую грудь. Аксакал пре-

рывисто дышал, и тонкая жилка пульсировала на его запавшем виске.

Облик старика чем-то напоминал Битабару пророков или святых прежних времен, которых он, разумеется, не видал, но о которых много слышал. Люди аула почтительно и тихо стояли у стен, не сводя глаз с аксакала. У ног его, втянув голову в плечи, сидел Мусатай.

Битабар невольно остановился, но тут же услышал за своей спиной шепот:

— Подойди ближе!

— Ближе садись, ближе!

Битабар как-то сразу расслабился, обмяк перед аксакалом, почтительно опустив голову. Ему стало нестерпимо жалко старшего в роду, который отмерял последние часы жизни.

Услышав шаги и голоса, аксакал приоткрыл глаза, посмотрел на Битабара, и его бескровные губы тронула улыбка. Потом он произнес:

— Это ты, Битабар?

— Я, Алеке.

— Хорошо, что пришел, сын мой... Я ждал тебя, чтобы сказать свое слово.— Старик говорил тихо, но внятно, выговаривая четко каждое слово, хотя чувствовалось, что ему стоила больших усилий каждая фраза.— Мой сын, я собираюсь отправиться в тот путь, по которому ушли наши отцы и деды, откуда не возвращаются...

Кто-то зарыдал, послышались вздохи.

— Милостивый аллах подарил мне сына Мусатай и тебя... Создал вас не хуже других. Вы оба мне дороги.. Послушайте мои слова, мое напутствие в вашей жизни, дети мои.— Аксакал сделал паузу. Ему было трудно говорить, но он, видимо, давно обдумал каждое слово и сейчас лишь произносил голосом то, что созрело в его сердце.— У одного из вас есть сила и мужество — это у тебя, Битабар. У другого есть ум и знания... Если все эти четыре достоинства соединить и использовать с до-

бром, то вы оба, дети мои, взлетите высоко соколами... Тогда и наш род прославится. И я завещаю вам перед своей смертью — живите в согласии, дети мои, Битабар и Мусатай!.. Будет тогда у вас и пища, и кони, и скот... Живите...

Он что-то хотел сказать, но силы оставили его.

Безбородый мулла наклонился над аксакалом:

— Скажи о Калиме, Алим...

И тут же осекся. Старейшина рода уже не мог произнести последние слова об аллахе. Аксакал жил последние часы словно лишь для того, чтобы поведать завещание и скончаться.

Мусатай, сидевший у ног отца, подполз к Битабару, обнял его и громко зарыдал.

Битабар смотрел на безжизненное тело, слушал рыдания Мусатая, и сердце его наполнялось жалостью. Когда умирает большой человек, который многие годы был хребтом всего рода, разве вспоминают мелкие житейские обиды? Битабар грустно вздохнул и неуклюже, словно боясь раздавить его в своих крепких объятиях, обнял Мусатая.

— Алеке был душою рода!

— Он собирал нас вокруг себя!.. Горе сближает людей! — Мусатай, рыдая, клялся в вечной дружбе и любви, просил Битабара быть его другом и братом...

13

Степняки верят, что языком умирающего человека говорит аллах, сказанные на смертном одре последние слова — слова божьи. Человек, заканчивающий свой путь на земле, всегда желает оставить после себя добрые дела и мудрые слова. Битабар запомнил последние слова Алимбая, они звучали в его ушах, они легли зарубкой на сердце. И молодой борец, чья слава по округе начала всходить, как ярко-алая весенняя заря, чью силу и ловкость стали прославлять в своих песнях акыны и на крыльях слова по-

несли его славу далеко над степными просторами, молодой борец оставался все таким же скромным и простым человеком, верящим в добро и справедливость. Битабар неуклонно следовал по пути, который указывал умирающий Алимбай. Родственные узы — святыя узы, они крепче аркана связывают людей. Битабар был верен своей клятве. Ум и знания — это доля Мусатая, а сила и мужество — это его доля. Мусатай стал деловым человеком при борце. Он вел переговоры, обуславливая место и время поединков, оговаривал условия приема и выторговывал особые призы. Пронырливый и хитрый Мусатай был в своей стихии, чувствовал себя как щука в реке.

С того самого первого дня, когда Битабар получил благословение из рук прославленного балуана Шолака, в здешних краях стали к имени Битабара прибавлять уважительное и почетное слово «балуан». И ни одно шумное празднование, свадебные торжества не обходились без Битабара. Молодой и сильный, да к тому же еще и умеющий улыбнуться, сказать задушевное слово, он всегда и везде был желанным и почетным гостем. Где бы ни проходили празднования, за Битабаром слали гонца. А там, где был Битабар, рядом с ним, словно его тень, находился Мусатай. Он делил и приз, которым, как ни странно, ни разу не поинтересовался Битабар. Он всецело доверял Мусатаю, считая его преданным и честным, верил в его справедливость. Молодой балуан оставался равнодушен к своей доле добычи, ни разу ею не воспользовался, даже не взглянул на нее. Битабар побеждал одного за другим, побеждал так, что у соперника навсегда отпадала охота выходить в следующий раз на борьбу. А окружающие Битабара алчные людишки, знавшие широкий и мягкий характер борца, славя его мужество и беззвучно грызясь меж собой, беззастенчиво растаскивали его добычу, заслуженно полученную в поединках. Никто из них даже не спрашивал Битабара: «Вот это возьму я!» Просто арканили коней, гуртовали овец, связывали бычков и угоняли к своим кочевьям. А Битабар молча взирал на них,

даже не задавая наивного вопроса: «Почему берешь без спроса?»

А когда случалось, что эти людишки, не поделив скот между собой, обращались к Битабару, то и тогда тот не вершил суда, не утверждал: «Ты прав, а ты не прав!» Балуан не вмешивался в дележ, всех тех, кто приходил к нему, отсылал к родственнику:

— Идите к Мусатаю. Он все знает.

— Ойбай, балуан! Так этот Мусатай и есть самый несправедливый, делит твою добычу без честности!

— Я же сказал, идите и поговорите с Мусатаем.

И все! И отворачивался, считая, что разговор окончен. Битабару противно было смотреть на всю эту возню, которая всегда затевалась вокруг добычи. Он всецело полагался на Мусатая. Делить и договариваться — это его забота.

Битабар месяцами не возвращался в родной аул, разъезжая по праздникам, пиршествам и свадьбам, участвуя в поединках, совсем не думая о том, что у него есть скот и надо за ним смотреть... О его скоте и пропитании думали, заботились другие. Популярность молодого непобедимого борца росла, и всюду в степи были рады его приезду.

Росла слава борца, и вместе с тем все меньше находилось охотников испытать свои силы в поединке с Битабаром. Тот, кто хоть раз выходил против него, не хотел второй раз вытирать спиною траву... Люди степи восхищались богатырем, но не желали с ним мериться силой.

Как обычно, выходил на середину круга Битабар. Подобно своему наставнику Шолаку, он терпеливо сидел в центре, накинув на обнаженные плечи чапан. Сидел в ожидании, когда же наконец выйдет достойный борец из аула, хотя хорошо знал, что во всем этом роде нет мужчины, который мог бы стать соперником, который мог выстоять, продержаться хотя бы несколько минут против него... Он, соблюдая законы степи, не говорил опромет-

чивых обидных слов: «Если нет у вас настоящих соперников, то отдавайте мне приз без борьбы!»

Битабар видел, как люди жмутся, подталкивают друг друга локтями. Вот на одного из них набрасывают аркан, он выходит вперед и делает вид, что готов раздеваться. Иные из них даже раздеваются, но в самый последний момент останавливаются, подолгу о чем-то советуются со своими товарищами, потом подзывают аксакалов, которых выбрали судьями, и снова шепчутся, советуются. Но дальше этого дело не движется. И топтание это в конце концов кончается тем, что местный хабрец снова натягивает на себя одежду, ныряет в толпу и исчезает в ней.

Солнце поднимается высоко, и начинает припекать. Люди устали. Судьи снова и снова обращаются к мужчинам, вызывая их на поединок. А потом, посоветовавшись, объявляют Битабара непобедимым и вручают всю добычу...

После одной из таких поездок, погуляв целую неделю, Битабар и Мусатай возвращались в свой аул. Выпитый кумыс и жирная еда располагали к доброй беседе. Сытые кони не спеша несли на своих спинах седоков.

— Послушай, брат мой, — сказал Мусатай, — что-то скучно стало на торжествах.

— Это почему же? — удивился Битабар.

— Люди приезжают, чтобы посмотреть борьбу, а с тобой никто не хочет бороться. Ты слишком быстро прижимаешь спиной к земле, люди даже моргнуть не успеют.

— Я же не виноват, что мои соперники такие хлипкие.

— Э-э, братец, не в этом дело.

— А в чем? — Битабар удивленно взглянул на Мусатая.

— Помнишь, что говорил отец, когда умирал?

— Его слова в сердце ношу. Ты — это ум и знания, а я, выходит, сила и мужество. Вместе мы и сильны!

— А если помнишь, то послушай, что тебе скажут мой ум и мои знания.

— Умные речи можно и послушать.

— А ты без улыбки, Битабар. Я дело говорю! — Мусатай приблизился к борцу, словно в степи могли их подслушать. — Давай сделаем так... В следующий раз, когда нас пригласят на пиршество, ты выходи на круг, но только не сразу вали на землю своего соперника. Понял?

— А это зачем? Мы же боремся по-честному. Кто сильнее, того и верх!

— Вот чудак! Да кто оспаривает твою силу и славу! Тут дело совсем в другом.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Раз не понимаешь, значит, и слушайся моего ума. Отец не зря нам так завещал, да будет его душа на том свете счастлива! Слушай меня, Битабар. Люди приезжают издалека, чтобы насладиться красотой силы, посмотреть приемы борьбы. А ты всех валишь в один момент... Вот я и предлагаю тебе: давай в следующий раз не торопись. Понял? Покрутись на кругу, потаскай соперника, покажи разные приемы... Пусть думают, что нашелся наконец тебе равный борец. А ты, когда азарт охватит толпу, возьмешь его, как мышонка, и припечатаешь спиной к земле! Вот будет потеха! — Мусатай громко рассмеялся, а потом, усмехаясь, добавил серьезным тоном. — Не будем наживать себе врагов, братец. Люди любого рода тогда с радостью будут отдавать нам добычу, ты честно ее заработал. А потерпевший может потом хвастаться, что он выходил против самого балуана Битабара! Понимаешь мою мысль?

— В твоих словах есть доля правды, Мусатай. Но не кажется ли тебе, что это будет пахнуть нечестностью?

— А кто об этом будет знать, кроме нас с тобой, а? Хороший приз никогда не помешает даже самому прославленному борцу!

Битабар нехотя утвердительно кивнул головой. Что же, он может бороться и так, показывая свое мастерство.

Как-то в середине лета Мусатай пришел в юрту Битабара.

— Ну, прославленный борец, ты готов?

— Битабар всегда готов, Мусатай.

— Тогда поехали. За нами прислали славных скакунов. Понимаешь, там будет особенный той!

— Почему особенный? Разве мало мы видели всяких пиршеств?

Мусатай лишь многозначительно усмехнулся.

— О том, что он особенный, узнаешь на месте.

Битабар не стал допытываться. Ему было все равно, куда ехать и с кем бороться.

Оседлали коней и поскакали по степи в сторону аула рода тама, что кочевал в низовьях Сарысу.

И на сей раз все было как раньше. Вокруг площадки, на которой выкосили траву, уселись степняки рода тама. Они шумно приветствовали появление Битабара, который, накинув на обнаженные сильные плечи чапан, вышел на середину и уселся на разостланный ковер. Битабар знал, что во всем роде тама нет такого крепкого джигита, который мог выйти против борца. Но он почтительно выжидал и смотрел, как толкаются, как шепчутся джигиты, не решаясь выйти в круг.

Худошавый аксакал, избранный судьей из рода тама, трижды выходил вперед и зычным голосом приглашал желающих помериться силой с балуаном Битабаром. Толпа шумела, как растревоженный табун, но никто не отважился сделать шаг вперед.

Время перевалило за полдень. Солнце стало припекать, и пора было заканчивать церемонию борьбы. Битабар ждал, что вот сейчас судья объявит об этом во всеуслышание.

Но тут к борцу подошел краснощекий Исхак, который приехал судьей со стороны Битабара, и почтительно склонился перед ним:

— Битажан, вас очень просит к себе Мусатай.

Битабар встал, поведя сильными плечами.

Мусатай сидел на подушках в просторной богатой юрте, поставленной специально для пиршества. Он поднялся навстречу борцу, почтительно протягивая ему руки. Мусатай своим видом выказывал особое внимание и уважение к именитому родственнику.

— Выходит, что среди этих шумливых людей из рода тама не нашлось ни одного джигита с характером мужчины и горячим сердцем женщины?

— Откуда мне знать? Топчутся да шушукуются.

Мусатай, немного помедлив, сказал:

— Ты сам знаешь, что отношения между нашим родом и родом тама нехорошие. Как начинается лето, всегда вспыхивают раздоры из-за пастбищ.

— Я тут при чем? — Битабар недоуменно пожал плечами. — Они сами нас пригласили.

— Я вот о чем думаю, — Мусатай вдруг понизил голос до шепота. — Может, нам удастся сблизить наши роды. Наверное, ничего не случится, если мы один раз уступим им? Что ты скажешь?

— Это ясно тебе самому. Что же ты спрашиваешь меня? Если этот род живет рядом с нашим, кочует рядом с нашим, конечно, будет нехорошо, если пойдут раздоры.

Мусатай давно сидел как лисица у входа в нору, вынюхивая носом воздух.

Уловив в поведении борца покладистость, Мусатай сразу выпалил:

— Тогда на сей раз ты должен уступить первенство кому-нибудь из рода тама.

Битабар, ничего не понимая, удивленно уставился на лоснящееся лицо родственника.

— Как так уступить? Кому уступить? Что ты мелешь?

— Не горячись напрасно, братец!.. Что будешь делать, если в их роду нет такого джигита, который мог бы тебя победить? Вот они и прислали ко мне своего доверенного

человека. Он говорит, что если вы не желаете ссориться с родом тама, пусть ваш Битабар уступит, пусть признает себя побежденным.

От таких слов у Битабара кровь хлынула к лицу. Как это так самому признать себя побежденным? Как это уступить первенство без честной борьбы? Вслух Битабар спросил:

— А ты что ответил?

— Подумал, подумал и решил согласиться.

— Что?! — выдохнул Битабар.

— Решил согласиться.

— Ну что ж, если ты и дал свое согласие, то я его не принимаю. Я не могу позорить наших предков!

Битабар порывисто вскочил, опрокинув круглый чайник на цветастый ковер.

— Битабар, стой! Я не все тебе сказал.

— Ну, что там еще у тебя? — борец задержался у самого выхода.

— Если мы согласимся, если исполним пожелания рода тама, тогда тебя по самые колени засыпят деньгами! — с этими словами Мусатай распахнул кожаный мешок, набитый бумажными деньгами. — Это нам дали задаток, понимаешь?

Он рассчитывал, что вид денег ослепит борца. В мешке — целое состояние! И Мусатай быстро заговорил, глотая концы слов:

— А потом ты его победишь, через пару месяцев, на следующем тое, понимаешь? Это же выгодно!

Битабар дышал тяжело, как после длительного бега.

Он вспомнил, как два месяца назад Мусатай уговорил его протянуть борьбу, не валить сразу соперника, и он, Битабар, покорно выполнил эту просьбу. Вспомнил, как ошалело редела толпа, подбадривая отчаянного джигита; вспомнил и то, как потом, после борьбы, карманы Мусатая подозрительно распухли. Битабар тогда не поинтересовался, откуда у того появились деньги... А вот теперь ему все

стало ясно. Плут родственник торговал его именем, заранее обуславливая ход поединка! Но и этого ему показалось мало...

Теперь предлагает, чтобы и вовсе признал себя побежденным!.. Говорит, что завалят деньгами по самые колени...

И тут Битабар провел рукой по своей широкой груди — ему не хватало воздуха. Пальцы сами собой нащупали талисман. Тумар. В нем записаны слова балуана Шолака: «Борьба — это тоже один из видов мастерства. Не обрати его в легкое ремесло ради наживы». И вот ему предлагают нарушить клятву...

У Битабара потемнело в глазах от злости. Он не помнил, как в два прыжка пересек юрту, схватил Мусатая и поднял с подушек.

— Я думал, ты человек... Человек, который ведет за собой людей! А ты... Ты, оказывается, шакал!

Мусатай весь перекосялся от страха и боли. Напускная солидность слетела с лоснящегося лица. Он пронзительно завизжал, как поганный поросенок. На его вопли сбежались люди. Битабар продолжал держать его на вытянутых руках, смотрел, как тот извивается, корчится, а потом брезгливо, словно падаль, швырнул Мусатая на горы подушек, которые лежали в глубине юрты. И, не оглядываясь, раздвигая, словно камыш, удивленных, оторопевших людей, вышел наружу...

И все!

На этом он положил конец своей борцовской жизни.

Он бросил навсегда свои увлечения играми, развлечениями, потерял всякий интерес к борьбе. Битабар стал жить, как и его земляки. Зимой коротал вечера в своей мазанке у очага, летом косил сено для своего скудного стада, которое сохранилось за времена его шумных разъездов по праздникам. Он не спорил, когда ему по жребию доставался плохой покос, где трава росла жидкая и низкая. И совсем, казалось, не интересовался теми событиями, которые происходили за пределами его аула. Был он

глух к молве и сплетням. О чем бы люди ни судачили, что бы ни говорили, Битабар оставался равнодушным и отвечал всегда одно и то же, так что не поймешь, одобряет он или хулит:

— Э-э! Ну и хорошо!

А родственникам, которых подсылал к нему Мусатай с просьбой забыть прошлое и помириться, Битабар говорил, пожимая плечами:

— А я ни с кем не ссорился.

Дни шли один за другим, колесо жизни наматывало, словно бесконечную ленту, недели, месяцы, годы...

Вернувшись к родному очагу, Битабар вскоре выбрал одну из девушек своего аула себе в жены. У Слеусин были приятное лицо, спокойный, покладистый характер, веселый нрав и крепкие работающие руки. Она вошла хозяйкой в его дом, и скромная мазанка борца засияла чистотой и уютом. А вскоре Слеусин родила сына, которого назвали Амантаем. Круг семейных забот, казалось, полностью захватил Битабара.

* * *

Новые, неведомые раньше события хлынули в степь. В разных аулах степняки начали объединяться, сгоняя в общие стада своих коров, верблюдов, лошадей... Появился «Союз косши» — «Союз бедноты». Эту новость каждый обдумывал по-своему. Богатые степняки угоняли свой скот в степи, а бедняки сами шли навстречу новой жизни. Между степью и далекой Карагандой пролегла ровная дорога. Казахи, которые с детства занимались скотоводством, потянулись в город на заработки, пошли на шахты.

Битабар, казалось, ни на что не обращал внимания. Но когда к нему в юрту пришли представители «Союза бедноты», он их встретил почтительно.

— Биеке, — спросили борца, — ты запишешься к нам в «Союз»?

— Ладно, если так надо, — согласился тот.

А через некоторое время Битабару сказали, что теперь ему так просто нельзя сидеть дома, надо работать, как и всем.

— А что мне делать? — спросил Битабар.

— Будешь пасти общественных коров.

— Ладно, если надо пасти общественных коров, я буду их пасти.

Так и встретил Битабар перемену в жизни. Так он стал пасти стадо.

15

Осенний день короток. Когда Битабар пригнал стадо в аул, уже наступил вечер и сизые сумерки легли над степью. Битабар гнал скот и думал о тех людях, которые приезжали на машине.

У первого встречного аулчанина Битабар спросил:

— Э-э, скажи-ка, где остановилась машина?

— Она уже уехала, батыр. Пошла по дороге на Куланотпес.

— А кто такие были те люди?

— Из Караганды. Людей на шахты звали, что под землей находятся.

Битабар погнал стадо дальше. Но смутное предчувствие по-прежнему шевелилось в его широкой груди. Он родился и вырос в степи, привык к медленной смене весны и лета, осени и зимы, казалось, навсегда связал свою судьбу с этими бескрайними просторами и ее немудреными и в то же время суровыми законами. Он не боялся трудностей, привык идти им навстречу. И в то же время сторонился всяких новшеств, которые хлынули за последние годы в степные аулы, взбудораживая тихое течение размеренной жизни. Что бы ни говорили, а степняк остается степняком. Из красивых слов не сварить вкусной похлебки. Лишь тот, кто добросовестно потрудился летом, может иметь кусок

мяса и лепешку в зимние ненастные дни. Так было всегда. И вот сегодня эта машина, которая примчалась как шайтан-арба, нарушила привычный однообразный ход жизни. В глазах Битабара, словно бельмо, все еще стоит человек в широкополой шляпе.

Битабар щелкнул кнутом и подумал, что тот человек через два-три дня обязательно вернется сюда, в аул. И с этой мыслью зашагал к своей юрте.

Но прошло и три, и пять, и десять дней, а человек в широкополой шляпе не приезжал на своей машине. Битабар решил, что он из Куланотпеса поехал прямо в город Караганду.

Пришли первые заморозки. Белый иней покрыл травы, тонкий, как хрупкое стекло, ледок сковал лужицы. А на рассвете выпал легкий снежок, выбелив вытопанную вокруг юрты землю, кучу навоза, принарядил аул и степь.

Глаза кололо от белизны и света.

В юрту вбежал сын Амантай. Веселый, смуглый, шершавые щеки покрыл густой румянец, а в слегка раскосых глазах светились горящие угольки, словно их только что разожгли.

— Отец, я принес новость!

— Говори,— отозвался Битабар, невольно разглядывая сына, словно видел его впервые.

Мальчишка за последние годы вырос, раздался в плечах и в десять лет намного опережал своих одноклассов. Амантай рос в отца и уже сейчас мог запросто сойти за шестнадцатилетнего джигита. Глядя на сына, Битабар невольно вспомнил и свое детство.

— Отец, сосед Карим и сосед Жупан собирают свои юрты. Говорят, что уезжают в Караганду.

«Новость» была не новой. Еще на прошлой неделе Карим и Жупан говорили, что теплых дождей летом было мало, что травостой выдался плохой и сена накопишь меньше, чем нужно. Чем кормить скот зимой? Не лучше податься в город, где, говорят, на шахтах платят хорошие

деньги? «Значит, решили уехать», — подумал Битабар, подставляя спину к огню, что ярко пылал в очаге.

Он не вышел смотреть, как соседи складывают свои нехитрые пожитки. Лишь к полудню, когда Амантай сообщил, что те уехали на двух подводах, Битабар нехотя поднялся.

Там, где находились недавно юрты соседей, остались лишь круглые следы.

— Пусть город принесет им счастье, — сказал Битабар и повернулся к своему загону, где жались друг к другу голодные овцы.

«Зима в этот раз будет холодной и долгой, — подумал Битабар, давая охапками сено скотине. — Продержимся ли до весны?»

Вдруг чуткое ухо степняка уловило уже знакомый ему чуть слышный гул мотора. Битабар оглядел дорогу и увидел машину. Он узнал ее. Машина въехала в аул и притормозила возле юрты Битабара.

Открылась дверца, и на землю сошел человек, показавшийся ему очень знакомым: на голове его была широкополая шляпа.

Он улыбнулся, узнав Битабара, и спросил на ломаном казахском языке:

— Кумыс есть?

— Кумыс? Кумыс есть, тамыр¹, — ответил Битабар, подходя к машине. — Есть кумыс!

Битабар повел этого человека в широкополой шляпе и шофера-казаха в свою юрту.

— Слеусин, принимай гостей, — сказал Битабар жене. — Поддай кумыс.

— Откуда вечером может быть кумыс? — недовольно пробормотала жена.

Битабар хмуро глянул на Слеусин. «Аллах свидетель, что за народ эти женщины! — подумал Битабар. — Хоть

¹ Тамыр — друг.

ружье приставь к ее груди, она не скажет «есть». Какой смысл спорить с ней?» И вслух повторил свои слова, обращаясь к человеку в широкополой шляпе:

— Кумыс есть, тамыр. Если не найдем кумыса, то будем пить саумал. Это такой молодой кумыс, он еще не перебродил.

— А-а, тогда можно и присесть, — согласился человек в широкополой шляпе, и на его лице появилась улыбка.

«Он не похож на человека, который пришел бы ко мне со злым умыслом», — решил Битабар. Он теперь спокоился и старался проявить знаки внимания к гостю.

— Э-э, в степи говорят: если раз встретишь человека, то станешь знакомым, а второй раз встретишь — уже приятели. Проходите сюда, тамыр, на почетное место. Вот, где подушки. Сейчас будет кумыс, будет и другое что-нибудь.

— А что же еще может быть, кроме кумыса? — спросил гость, наблюдая за крупным, сильным казахом, который суетился в юрте.

— Все есть! Есть шестимесячный ягненок, есть и молоденький жеребенок...

Человек в широкополой шляпе, много ездивший по казахской степи, знающий вдоль и поперек горы и долины, удивлялся лишь одному: каждый степняк имеет здесь свое место. Каким-то своим внутренним законам подчиняются с виду как бы обычные будни этого удивительного народа. Могут вести споры и с блеском выигрывать тяжбы. Среди них немало отважных, наделенных необыкновенной мощью. Но если степняк встречается с чем-то незнакомым, он становится беспомощным, теряется. Его простодушие выглядит угодливостью и суетливостью. И за всем этим трудно разглядеть главную суть характера степняка и его действительное положение в своем народе.

Из задумчивости его вывел голос Есима.

Есим, шофер, обстоятельно рассказывал, как ночью они не смогли найти брод через реку и проторчали на ледяном ветру до рассвета, потом катили по степи, схваченной морозцем и припорошенной снежком.

— Будет очень хорошо, батыр, если мы не простудимся. А ехать нам еще далеко.

— Да, в Караганду путь не близкий,— согласился Битабар и повернулся к Слеусин: — Ойбой, жена, дела-то какие! Как бы гости наши не заболели. От беды, говорят, и дьявол не сбежит... Не жалей хвороста, натопи пожарче. Да постели одеяла мягкие и теплые... Позор ляжет на нашу голову, если важный гость лишится жизни от болезни.

— Амантай,— позвал Битабар сына.— Иди-ка сюда.

В комнату вошел подросток, очень похожий на отца. Он протянул руку, приветствуя гостей, и ладонь его была крупной, как у взрослого человека.

— Иди, сынок, зарежь шестимесячного ягненка,— повелел ему отец.

Амантай в ответ молча поклонился и вышел.

Гость, по всей вероятности, на самом деле простудился. Он попросил постелить одеяла поближе к огню.

— В тот день я рассерчал на шофера,— вспоминал человек в широкополой шляпе.— Надо было ему проехать чуть в сторону, и мы бы не засели. Так нет же, взял напрямую! Ну, а потом, когда ты, друг, подошел и помог нам, вытащил машину, я и не смог поблагодарить... Расстались мы не по-хорошему. Но говорят в степи, что сильные люди не держат обиду?

— Э-э,— махнул рукой Битабар,— иной раз поругаешься дома с женой, накричишь на сына, выйдешь на улицу и забудешь ответить своему соседу на приветствие.

— Мой нашандик Иван Иванович всегда мои поступки считает неправильными,— вставил шофер Есим, усаживаясь возле огня.— А ведь если бы взяли чуть в сторону, то не сидели бы в этом доме, не встретились бы с балуаном Битабаром.

— Ты правду говоришь на этот раз, Есим,— произнес гость и повернулся к Битабару: — Я и раньше о тебе слышал и все надеялся, что удастся встретиться. Слава

твоя живет во всей степи, батыр! — Иван Иванович улыбнулся и дружески похлопал хозяина дома по плечу, словно они были давным-давно знакомы. — Да и сам ты, друг, странный какой-то! Ведь мог же назвать себя, но заупрямился. Эх ты! Сказал бы: «Я — балуан Битабар!» — и мы стали бы с тобой друзьями.

Битабар долго рассматривал гостя и с наивной простотой задал вопрос:

— Мог ли я предполагать, что меня знают и русские?

— Твое имя, батыр, знают во всей степи, — сказал Есим. — А этот человек не совсем русский.

— Кто же он?

Иван Иванович снова улыбнулся и, не торопясь, подбирая казахские слова, стал говорить:

— Этот человек, — он ткнул себя пальцем в грудь, — есть Левенштерн, сын Ивана. Сам он тоже Иван. Когда был маленьким-маленьким, его привезли на шайтан-арбе из Германии. Потом немного крестили. После чего он стал русским... И теперь приехал работать сюда, в степь.

— Тот самый Керман, который в прошлые годы воевал с русскими?

— Да, та самая Германия.

— Ойбой! — Битабар покачал головой.

— А теперь этот человек хочет немного стать казахом, — закончил, смеясь, Иван Иванович.

— Правильно, тамыр, будь казахом! Хорошо быть казахом!

В комнату вошел Амантай, волоча за собой ягненка, которого выбрал в загоне.

— Ну, тамыр, благослови!

Левенштерн, усвоивший обычаи степняков, не стал отказываться.

— Бисмилла! Пусть будет больше шахтеров-казахов! — проговорил он и, по мусульманскому обычаю, провел ладонями по лицу.

Слеусин, хлопотавшая у казана, выразительно скривила

губы, притронулась пальцами к своим щекам и, копируя Левенштерна, состроила гримасу. Битабар не удержался и рассмеялся.

— Э-э, хозяин, не смейся, — Иван Иванович покачал головой. — Я не ради веселья разъезжаю по степи. Делаю дело, большое дело! В эту поездку мы собираем казахов на шахты. У казахов должен быть свой рабочий класс.

— Иван Иванович большой человек, большой нашандик, — почтительно проговорил Илюфер, — он теперь главный инженер новой шахты. Самый главный, понимаешь?

Битабар утвердительно кивал головой, хотя, если признаться честно, из всех сказанных фраз он знал лишь слово «нашандик» да еще понял слова «рабочий», «шахта». Но внимательно слушал гостей, отдавая должное их учености и городскому положению. Люди, живущие в городе, конечно, знают больше степняков разных новостей.

А Левенштерн тем временем подробно рассказывал о том, что под казахской степью, глубоко в земле, таятся разные несметные богатства. Там много каменного угля, которого так не хватает стране. Чтобы достать уголь, люди роют шахты.

Он подробно расписывал труд шахтеров, называя их смелыми и героическими людьми, не скрывал трудностей и опасностей работы под землей и расхваливал жизнь в городе...

— Жена, видишь, какие у нас гости! Ищи по всей степи — таких не сыщешь, — проговорил Битабар, откидываясь на подушки. — Неси угощения, не жале! Неси сахар, курт, масло... Неси все!

— Ойбой, если выложишь все, то что же ты будешь есть завтра? — проворчала Слеусин. — Станешь воздух глотать?

— Э-э, жена! Да если бы ты поступила иначе, разве считалась бы женщиной? — произнес слегка рассерженным тоном Битабар. — Раз говорю тебе — неси, значит, неси! А придет завтрашний день, придет и пища. Ты

где-нибудь видела могилу казаха, который умер от голода?

Левенштерн много раз слышал эту пословицу и каждый раз удивлялся, ибо ему казалось, что степняки — беспечные люди, не думают о завтрашнем дне. Конечно, умерших от голода не встретишь, но все же так жить нельзя... Он радушное гостеприимство принимал за беспечность. «Как там ни суди, а женщины у них расчетливее, чем мужчины», — думал он, незаметно подталкивая Есима и давая тому условный знак.

Шофер выскользнул за дверь и вскоре вернулся, неся увесистый узел с продуктами и ружье.

— Хорошее ружье, — похвалил Битабар, поглаживая ладонью по стволу.

— Иван Иванович большой охотник, метко стреляет, — сказал Есим и тут же спросил: — А собаки у вас нет?

— Зачем спрашиваешь, если сам видел.

— Э-э, батыр... В машине лежит полдюжины подстреленных сайгаков. Вот я и опасаясь, как бы пес не пронюхал.

— Собакам верить нельзя, — вставила жена и сказала сыну, чтобы тот привязал пса.

— Огонь что-то меня не согревает, — сказал Левенштерн и велел шоферу развязать узелок.

Есим, встав на одно колено, развязал на краю дастархана узел, выложил буханку городского хлеба, обернутую бумагой, головку сахара и бутылку с прозрачной жидкостью.

— Наливай-ка нам по полной, — распорядился Левенштерн.

Битабар брезгливо покосился на прозрачную жидкость, которую налили в пиалу и поставили перед ним.

— Нет, нет... Вы сами, тамыр, Битабар не пьет.

— Тогда и гость ее пить не станет. — Левенштерн отодвинул от себя полную пиалу. — И будет болеть.

— Э-э, болеть не надо. Пей на свою радость.

— Выпей, Биеке, — стал упрашивать шофер. — Водка разогреет кровь и уведет сердце в рай.

— Эй, муженек, может быть, ты и в самом деле решил отведасть? — подала голос жена. — Оставь пиалу, может, тебе отраву подадут, кто знает...

— Ну, коли гости принесли мне отраву, я ее и выпью, — со смехом произнес Битабар и, быстро взяв пиалу, единым махом опрокинул в рот все содержимое.

Что-то тяжелое и горячее, как расплавленный свинец, потекло внутрь, обжигая горло и распаяя нутро. Битабар на мгновение задохнулся, но сдержал себя, лишь тыльной стороной ладони провел по губам и попытался изобразить на лице подобие улыбки.

— А что, видали! — подхватил Левенштерн. — Выпил, как настоящий шахтер!

Все тяготы, которые раньше томили душу степняка, вдруг развеялись. Жизнь сразу показалась легкой, веселой.

Битабар пошевелил рукою, а она как-то странно отяжелела, словно была к чему-то привязана... А гость все говорил, и слова его были приятны.

Вдруг Битабар обратил внимание на сына.

— Апырай!.. Такой здоровый, а не хватает сил на одного ягненка! Или ты не в отца своего пошел, а в дядю?

Битабар поднялся и, качаясь и размахивая руками, словно он двигался по воде, направился к Амантаю. Мальчик отдал отцу нож и отошел.

Наклонившись над тушей, Битабар вынул одно ребро, а затем рванул тушу ягненка на две части, и она начала раздираться на куски, словно хлопчатобумажная ткань.

Амантай, неловко переминаясь с ноги на ногу и виновато опустив голову, стоял рядом.

— Эй, жена, клади скорее в казан!

Гость, не без удивления наблюдавший всю эту сцену, спросил:

— Сколько лет вашему мальчику?

— Этим летом исполнится десять, — ответила Слеусин.

Левенштерн посмотрел на Есима.

— Этот тоже будет батыром. Хороший шахтер из него получится!

— Э-э-э! — махнул рукою Битабар.— В десять лет я уже играл под ухом у дикого коня.

Потом они пили еще и еще, жена подавала жирную сорпу¹, вареную баранину. Левенштерн, захмелев, много и возбужденно говорил по-русски, а Есим переводил его слова на казахский язык.

У Битабара кружилась голова, ему было легко и весело, и он, слушая рассказы гостя, понимал лишь одно — хорошая жизнь у шахтеров, там слава и заработки ждут сильных людей...

16

Битабар с трудом открыл глаза... Сколько же времени прошло? Что сейчас — утро или вечер? В голове все перемешалось. Битабар попытался вспомнить вчерашний вечер, но в памяти ничего не оставалось, кроме неясных, расплывчатых эпизодов. Только помнит, как пили водку, как ели мясо... И еще помнит, как сын Амантай сидел у края дастархана и, нагнув голову, все время смотрел вниз...

Битабар не помнит, о чем велся разговор, как постелили одеяла и кто где лег...

Он огляделся. У очага хлопотала жена, сухо потрескивал хворост, и желтые языки огня облизывали закопченный бок чайника. «Хорошо сейчас чаю попить,— подумал Битабар и покосился на котел, что стоял у порога.— Осталось там что-нибудь или заново надо варить мясо?»

И тут он обнаружил, что гостей в юрте нет. Неужели ушли?

Битабар торопливо натянул одежду и направился к двери. Холодный воздух приятно обдал лицо, освежая и бодря. Солнце только всходило, у машины прохаживался

¹ Сорпа — бульон.

Левенштерн. Шофер суеился у железной морды машины, разжигая под ней костер.

— Э-э, приятель, неужели ты не нашел другого места, чтобы разжигать огонь?

— Машина так не пойдет, мотор застыл,— пробурчал в ответ Есим, подбрасывая в костер новый пучок хвороста.

— Э-э, если она не идет, тогда давай я ее еще раз подниму и толкну,— предложил свои услуги Битабар.

Левенштерн посмотрел на батыра и не удержался от улыбки:

— На этот раз ее поднимать не надо, не поможет. Надо огнем ее согреть, и тогда она сама пойдет.

— О аллах, такая железная тварь, оказывается, тоже мерзнет как человек или живая скотина? — удивился Битабар.

— Не только мерзнет, но и замерзает в лед.

Битабар обошел машину несколько раз, разглядывая ее со всех сторон, хлопая по ней ладонью, не переставая удивляться и качать головой. А тем временем Есим прогрел и завел мотор.

Машина басовито зарокотала и задрожала, как норовистый конь перед скачкой. Битабар почувствовал к ней, к этой ожившей железной твари, уважение, и его охватила некоторая робость, но он не подал виду, лишь отступил на шаг.

— Нравится железный скакун? «Фордом» называется,— объяснил Левенштерн.— Мы на нем тысячи верст по степи наколесили.

Повернувшись к Есиму, он сказал:

— Достань одну штуку. Покрупнее.

Есим вытащил крупного сайгака и подал его Левенштерну. Тот шагнул к Битабару и протянул ему тушу:

— Прими, батыр, от меня степную дичь.

«Не хочет ли он сказать, что если будет надо, и меня он сделает таким бездыханным, как сайгак?» — мелькнула у Битабара мысль, но, глядя на улыбчивое, подобрешнее

лицо Левенштерна, степняк устыдился своих предположений.

— Э-э, рахмет! Спасибо! — произнес Битабар, принимая сайгака. — Пусть твоя юрта всегда будет полна счастья!

— И тебе спасибо за гостеприимство! — Левенштерн крепко пожал руку Битабару. — Значит, договорились, батыр? Мы теперь встречаемся в Караганде, на шахте... Не смущайся и не беспокойся ни о чем! Такие богатыри нужны рабочему классу. Там тебя ждут настоящая слава и почет.

Машина тронулась и, поднимая пыль, понеслась по замерзшей степи.

Битабар, его сын, жена и аулчане, которые уже знали, что у батыра были важные гости, долго смотрели ей вслед.

Битабар не пошел к стаду, весь день пролежал, закутавшись в тулуп.

Жена и сын несколько раз подходили к нему, но он не откликался на их зов, и те думали, что Битабар спит.

А он не спал, он думал. Что там ни говори, а жизнь, которая сейчас была у него, не давала полного удовлетворения, ощущения счастья.

На следующий день он рано поднял жену и сына:

— Хватит отлеживать бока, вставайте!

— Битажан, ты что еще надумал? — спросила Слеусин, предчувствуя какую-то перемену.

— Будем собирать нашу юрту.

— Как это «собирать юрту»?

— Будем переселяться в город...

Сборы были недолгими.

В многочисленные караваны, которые ручейками текли по степи в сторону Караганды, влилась и семья Битабара...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Битабар, вернувшись после ночной смены, едва успел помыться и собрался отдыхать, как со двора послышался голос сына:

— Отец, отец!

— Ну, что там? — недовольно пробурчал Битабар, снимая рубаху.

— Тут такое... Тут такое про тебя!

Битабар невольно заинтересовался и в нательной рубахе высунулся в дверь:

— Что про меня?

Амантай протянул отцу газету, которую держал в руке:

— Здесь твой портрет есть, отец!

Битабар хмуро посмотрел на сына: «Что он мелет? Какой еще портрет?»

Битабар осторожно взял газету, развернул, оглядывая каждую страницу, ворочал ее так и сяк, но ничего не находил:

— Где? В каком месте?

— Ты же не так держишь газету, отец. Вот, смотри сюда! Видишь, самый большой из четырех.

Но Битабар прежде всего уперся взглядом в самого маленького. Он узнал его. Это джигит-коротышка, которого звать Али. Он ростом мал, головой едва достает до плеча Битабара. На другом снимке — сам Левенштерн. Его трудно не узнать. Третий — борец по имени Ылгаз. Он одним из первых пришел на новую шахту. А вот самый крупный снимок. Здесь изображен Битабар Елбаев. Но сам себя Битабар не узнал. Всех других он признал, но вот когда дело дошло до собственного портрета, то борец долго и пристально разглядывал фотографию. Может быть, оттого, что первый раз в жизни видел свое изображение на газетной полосе.

— Ну что там написано? — спросил он сына, забыв, что Амантай в школу не ходил, грамоте не был обучен.

Мальчишка смущенно улыбнулся и не знал, что ответить.

Выручил их Али. Он прибежал к юрте Битабара радостный, еще издали прокричав:

— Эй, Биеке, о нас в газете прописали!

— Нечего сопеть, — остепенил его Битабар. — Читай-ка, что там сказано.

Али взял газету, поднес к глазам и прочел по слогам: «Левенштерн привел на шахту и лилипутов, и великанов степи».

Битабар не удержался и улыбнулся.

— Э-э, встретились... Лилипуты и великаны!

Шустрый и острый на язык Али усмехнулся и сказал:

— Лилипуты — это вы вместе с Ылгазом, а великан — я!

— Хоть ты, Али, и брат пророка, но улепетывай, а то шею намну!

Взяв газету, Битабар вернулся в юрту. Слеусин хлопотала у очага.

— Эй, жена, смотри-ка на своего мужа! — и протянул газету.

Слеусин вытерла пальцы о подол платья и осторожно взяла ее, словно драгоценность. Она внимательно и долго разглядывала снимок, потом зашептала:

— О, аллах, точно... он сам! Совсем как живой.

Битабар приосанился:

— Леуен мне приятель, вот он и постарался, — сказал Битабар, называя так сокращенно Левенштерна. — Велел, чтобы сделали совсем похожим.

— Верно, Биеке... Твой тамыр — большой человек. Как он сказал, так все и вышло.

Битабар невольно вспомнил свой приезд в шахтерский поселок. Левенштерн сам их встретил. Помог выбрать красивое место для юрты. Сам повел Битабара на шахту,

опустился вместе с ним под землю. Нора, вырытая людьми, оказалась глубокой и просторной. Там, под землей, по рельсам двигаются вагонетки, их тащат лошади. Битабар, увидев знакомых животных, несказанно обрадовался и стал упрашивать Левенштерна, чтобы тот поручил ему трудиться рядом с лошадьми. Но Левенштерн повел батыра дальше и показал, как шахтеры, орудуя кайлом, рубят уголь.

— Коногоном может быть и мальчишка, а вот чтобы добывать уголек, нужна в руках силенка. У тебя она есть! А коли сила есть, то и зарабатывать можно прилично.

— Хорошо, тамыр,— согласился Битабар.

Левенштерн громко позвал:

— Николай, ты где?

— Здесь я, Иван Иванович!

Из темноты вынырнул и встал перед главным инженером плотный человек с густыми черными усами на продолговатом лице.

— Это десятник,— пояснил Левенштерн,— он твой начальник, батыр. Слушайся его.

— Хорошо,— покорно кивнул Битабар.

Под землей было темно и душно. Светили лишь керосиновые лампочки, которые шахтеры брали с собой. Желтые огоньки, как светлячки в степи летней ночью, мелькали впереди. Битабар невольно ощутил робость, но старался не подавать виду и бодрился. Однако искоса поглядывал на деревянные столбы, которые подпирали потолок. В одном месте он обратил внимание, что столб выпер наружу и надломился, не выдержав напора тяжести.

Десятник подвел Битабара к угольному пласту и взял в руки кайло.

— Смотри, как надо рубить!

И стал сноровисто откалывать куски угля. Потом протянул кайло Битабару:

— Попробуй!

Битабар взял кайло, которое было обыкновенной кир-

кой, только с укороченной рукояткой. Повертел в руках. Ничего особенного, легче обычного топора. С одного боку на него смотрел Левенштерн, с другого — десятник. «Думают, что я не смогу, — почему-то решил Битабар, — приехал из степи и ничего не умею!» Он размахнулся и со всей силой, какая таилась в его плечах, ударил по угольному пласту. Послышался хруст, и у него в ладони остался лишь черенок... А само кайло по рукоятке ушло в уголь, словно в мягкую землю.

— Силен, бродяга! — не удержался от восхищения десятник.

— Ему нужно кайло с железной рукояткой, — сказал с улыбкой Левенштерн, — простые, с деревянными ручками, не подойдут.

— Да, Иван Иванович, посадил, словно в сырую глину. — Николай тоже заулыбался. — И где вы только таких находите?

— В степи. Где же еще!

Битабар не понимал ни единого слова из их разговора, неловко переминался с ноги на ногу и, не зная, что ему делать со сломанной рукояткой, вертел ее в руке. Ему казалось, что Левенштерн и Николай смеются над его неловкостью и ругают за сломанный инструмент.

А на следующий день десятник вручил Битабару новое кайло. Оно было значительно тяжелее прежнего. Рукоятка у него оказалась железной. Битабар с удовольствием ощущал его весомость.

— Ну как, хорош?

— Хорош, хорош! — ответил Битабар.

— Тогда давай руби, — и десятник показал рукой на пласт угля.

Битабар встал на одно колено и, устроившись поудобнее, стал откалывать уголь большими кусками...

Кто-то бесцеремонно затормозил Битабара:

— Эй, выходи сюда!

Голос грубый, властный.

Битабар перестал орудовать кайлом. Он был весь в угле. Работая, он углубился в пласт, вырубив себе пещеру.

— Эй, выйдешь сам или тебя за ногу вытащить?

Битабар чертыхнулся. Кто так бесцеремонно разговаривает с ним? Неловко повернувшись, батыр ударился головой. Обозлившись, он попятился из своей пещеры.

— Сейчас сверну тебе шею, тогда будешь знать, как мешать мне работать!

— Еще посмотрим, кто кому свернет! — не унимался нахальный незнакомец.

Битабар рассердился не на шутку. «Придется разок помять ребра самодовольному болтуну», — решил он, выходя на четвереньках из пещеры.

— Ну, где ты, смельчак? — Битабар поднял свою лампу.

Перед ним высился массивной глыбой рослый рябой широкоскулый казах с редкими усами над верхней губой. Он нагло усмехался раскосыми глазами:

— Ну, здесь я!

И широкая ладонь рябого тяжело, словно удар лапы тигра, опустилась на плечо Битабара. От неожиданности Битабар пошатнулся, но удержался на ногах. «Собачий сын!» — мысленно ругнулся борец и встал перед рябым:

— Ты, видать, из тех, которые сами ищут себе нахлобучку!

И Битабар, схватив рябого за плечи, рванул его на себя. Тот покачнулся, но не упал. Устоял на ногах. «А он, собачий сын, и в самом деле какой-то крепкий, как гора!» — подумал Битабар, удивленно косясь на незнакомца. Еще никто, с тех пор как Битабар стал борцом, не мог устоять против его первого натиска. Соперник, словно

подгнившее дерево, валился перед ним. Битабар, не давая опомниться, еще делал подножку и с треском опрокидывал на спину... А этот рябой устоял!

Рябой громко расхохотался, и его голос прокатился по подземелью.

— Ты Битабар? Да? Я узнаю тебя по хватке!

— Может быть, и он,— отозвался Битабар.— Говорят, что в низовьях Сарысу был борец по имени Ылгаз. А не ты ли тот Ылгаз?

— Может быть, и он,— отозвался рябой словами Битабара.

Два упряма, которые только что готовы были сцепиться, смотрели друг на друга при свете своих шахтерских ламп и вдруг порывисто обнялись.

— Ылгаз, оказывается, ты тоже здесь?

— Уже второй месяц... Я теперь старый шахтер.

— Приехали и мы...

— Слыхал. Мне сказал наш тамыр.

— А кто твой тамыр? Леуен, что ли?

— Да, он самый... Лебен... штерн,— Ылгаз уже почти научился произносить трудную фамилию главного инженера.— Он привез нас на шахту.

— Меня тоже уговорил он. Без него, может быть, не узнал бы, что такое шахта.

— Человек он хороший.

— Э-э, не спрашивай! Такого по всей степи не сыскать.— Ылгаз посмотрел на кайло.— Оно с железной рукояткой?

— А тебе тоже такое сделали?

— Да, с железной рукояткой. С деревянной кайло слабое, как игрушка. Им разве наработаешься?

— Верно, Ылгаз. А с железной рукояткой в руке легко рубить уголь.

— Рубить руби, да поглядывай вокруг, чтобы не погибнуть.

— Э-э, а отчего я погибну? — насторожился Битабар.

Ылгаз пояснил батыру, что дневная норма для каждого шахтера — вырубить пласт угля в восемьдесят сантиметров.

Но крушить уголь надо осторожно и через каждые полметра необходимо укреплять проход, ставить подпорки.

— А то всякое может случиться, — закончил Ылгаз. — Рухнет на тебя порода, обвалится потолок и похоронит заживо.

Битабар внимательно слушал добрые советы. Вспомнил, что и другие ему не раз говорили о том, что надо ставить подпорки, но он почему-то считал, что все эти бредня мешают ему развернуться по-настоящему «Нарублю побольше, — думал раньше Битабар, — а потом можно и подпорки ставить».

Проходивший мимо десятник задержался возле них:

— Языки чешете? А что наработали?

— Смотри, нашандик, сколько нарубил!

Десятник, окинув наметанным глазом уголь, смерил глубину и, довольный, сказал:

— Молодец, Битабар! Три погонных метра. Это целых четыре нормы. — И показал на растопыренных пальцах: — Четыре нормы, понял?

— Четыре, нашандик, это карошо! — Битабар улыбнулся, и весело заблестели на его вымазанном угольной пылью лице зубы и белки глаз. — Подпорки ставить надо?

— Да, ставь скорее и рубай дальше, до конца смены еще есть время! — десятник повернулся к Ылгазу. — И ты тоже не топчись понапрасну, иди вкалывай. Если будешь шляться по забою, урежу выполненную норму, понял?

3

Заходящее солнце слепило глаза, когда Битабар вышел из шахты. На душе было легко и радостно. Труд, тяжелый и напряженный, приносил батыру удовлетворение. Здесь-то он наконец нашел то, к чему долго стремился, — появилась

возможность показать свою богатырскую силу, выносливость. И сейчас, выходя из шахты, он ощущал во всем теле приятную усталость победителя, словно ему пришлось подряд провести много трудных борцовских поединков. Битабар потянулся, расправляя плечи, и широкой грудью вдохнул свежий воздух:

— Хорошо дышать на земле!

Рядом возвышался террикон — гора, которая росла каждый день. Сюда сваливали вынутую породу, куски темного камня, что находились рядом с угольным пластом. Породу вынимали и сваливали, она никому не нужна. Первые дни Битабар никак не мог отличить пласт угля от пустой породы и крушил все подряд. Но потом освоился, научился разбираться по одному виду, по блеску.

Битабар не спеша двинулся к своей юрте, что возвышалась на бугре в конце улицы.

— Эй, Биеке, не спеши! — услышал он за спиной голос коротышки Али.

— А, брат пророка Магамета! — Битабар остановился.

Али не серчал за то, что его так именуют. Где-то в глубине души низкорослый степняк даже гордился своим именем, ибо знал, что в Коране много сказано добрых слов о сподвижнике и брате Магомета Али.

— Битабар, тебя вызывает Левенштерн.

— К своему тамыру всегда рад пойти, — ответил Битабар и направился к конторе.

В приемной он столкнулся с Ылгазом. Тот был, как и Битабар, весь черный от угольной пыли. Видно, и его пригласили к главному инженеру прямо после смены. Увидев Битабара, рябой великан шагнул навстречу:

— Тебя тоже вызвали?

— Да, вызвал тамыр Леуен, — ответил Битабар.

— И меня. Не знаешь, зачем?

— Нет, не знаю.

Открылась дверь, обитая черной клеенкой, из кабинета вышел главный инженер. Лицо суровое. И весь он — сдер-

жанный, сосредоточенный, даже немного хмурый. «Вот какими оказываются начальники, когда находятся у себя», — подумал Битабар.

Левенштерн после приветствий сделал знак Ылгазу, чтобы тот немного подождал, а Битабара пригласил войти.

Комната, где сидел Левенштерн, оказалась просторной, и, как заметил Битабар, в ней свободно могла бы разместиться самая большая юрта. Стоял длинный стол, а по бокам — стулья. На стене висел большой портрет Ленина. Ленина батыр сразу узнал. У него в юрте хранился маленький снимок вождя, и Битабар готов был спорить до хрипоты и доказывать, что Ленин истинный казах.

На портрете в кабинете Левенштерна Ленин стоял во весь рост, заложив одну руку в карман, а другую вытянув вперед. У Ленина были карие, слегка раскосые глаза и рыжая бородка, как у большинства людей рода Алимбая.

И Битабару он показался еще ближе, роднее. «Наш человек, — утвердительно думал батыр, — потому так и заботился о степняках-казахах».

— Зарплату получил? — спросил Левенштерн.

— Получил, тамыр. Спасибо!

— А пайки?

— Все получаем, тамыр.

— Паек велел вам выписать побольше...

— Жена очень довольная, тамыр. Она расхваливает продавца. Когда, говорит, доходит мой черед, продавец весь сияет, как начищенное песком блюдо. Если людям взвешивает один раз, то ей взвешивает всего по два раза.

— Я сказал, чтобы тебе дали побольше талонов и на мануфактуру.

— Спасибо, тамыр, — ответил Битабар, — вроде и сыты и обуты. Слава аллаху, не бедствуем.

— Теперь надо работать получше, чтобы оправдать доверие.

— А как же не работать, тамыр? Надо работать.

Левенштерн пригласил сесть. Битабар не любил садиться на стул, но отказаться не посмел. Сидеть на таком шатком предмете ему неудобно.

— Сегодня проходило собрание шахтеров,— перешел к делу Левенштерн,— ты был под землей, и тебя не стали отрывать от работы.

— Да?..

— Разговор был большой. У нас, у шахты, есть план, где записано, что за один день надо дать столько-то тонн угля, понимаешь? А добывать уголь, выполнять план надо нам, шахтерам. Вот и решили, советовались, как сделать, чтобы скорее выполнить план.

— Так, так...

— На собрании шахтеры решили включиться в социалистическое соревнование. Смена со сменой, бригада с бригадой, один шахтер с другим...

— Постой, тамыр. А что такое социалистическое соревнование?

— Это как борьба. Кто кого победит, понимаешь,— начал объяснять Левенштерн.— Только бороться будут шахтеры под землей с помощью кайла. Кто больше нарубит угля, тот и победитель. Тому почет и премия.

— А, борьбу я люблю, тамыр! Меня называют балуаном Битабаром,— сказал Битабар и протянул свою широкую, как лопата, ладонь.— Давай руку, тамыр! Записывай и меня на соревнование! Не буду же я отставать от людей?!

— Ты говоришь не те слова, батыр. Почему тебе отставать? Надо говорить о том, чтобы быть впереди других людей.

— Конечно, конечно... Если бог даст, тамыр.

— Хорошо, запишем. Только вот с кем ты думаешь соревноваться? Может быть, с коротышкой Али?

— Нет, нет! Не надо писать,— быстро произнес Битабар.— Что люди скажут? Смеяться станут...

— А с кем же тогда? — спросил Левенштерн, давая

Битабару возможность самому выбрать себе достойного конкурента.

— Э-э, тамыр. Есть такой человек на шахте. Он там сидит,— Битабар показал рукой на дверь.— Наверное, он подойдет.

— Что ж, хороший соперник,— обрадовался Левенштерн.— Я и сам так предполагал.

— Правильно думал, тамыр.

— Ваше соревнование будет напоминать казахскую борьбу. Два знаменитых батыра будут состязаться в забое! — Левенштерн встал, прошелся по кабинету и остановился против сидящего Битабара.— Только смотри не окажись побежденным!

— Э-э, хвала аллаху, пока еще не было у меня дурной славы.

— Победители соревнования получают награды. У нас нет одnogорбого верблюда, нет скакунов, но мы выдадим премии. Награждать будем торжественно, перед людьми.

— Хорошо, тамыр! Готовь призы. Я не скажу: «Отдай их сейчас, пока еще не нарубил угля». Но запомни: до сегодняшнего дня от Битабара призы еще не уходили.

— Я все знаю, мне говорили. Но я все же решил напомнить, чтобы старался.

— Спасибо, тамыр.

— Если есть какие-либо просьбы, говори, не стесняйся,— сказал Левенштерн.

— Есть одно желание. Воды мало дают. Приходишь после смены — надо помыться, попить чаю...

— Да, вопрос о воде — это трудный вопрос. Подвозить ее не успевают.— У Левенштерна лицо стало озабоченным.— Придется выделить больше транспорта. Затем... скажу, чтобы моему тамыру Битабару Елбаеву наливали воды побольше, сколько попросит. А еще есть пожелания?

— Других пожеланий нет, тамыр,— Битабар с облегчением поднялся со стула.

Перед магазином толпилась очередь. Пожилой толстый продавец с головой, похожей на перевернутый котел, быстро отпускал товары: взвешивал, отмерял.

— Давай, давай сюда талоны! — В мясистых пальцах продавца мелькали ножницы, он лихо ими орудовал: не успеваешь уследить, как разрезал талоны, отхватывая нужные квадратики. — Так, полкило масла... Сахар. Мясо. Ну все, отходи! Не задерживай!

И так каждый день с утра до вечера. Очередь не убывает. Шахта растет, а магазин один. Кое-кто пытался спорить: талонов отрезал больше, а взвесил меньше!..

Слеусин не понимала, почему люди скандалят. Она очень довольна продавцом. Тот видит издали, когда Слеусин подходит к магазину. Пусть стоит очередь хоть пятьдесят человек, он ни с чем не считается, оказывает ей уважение:

— Семья Битабара Елбаева! Подходи ближе, ближе. — И строго обращается к людям: — Говорю вам, отодвиньтесь! Говорю вам, дайте дорогу семье знаменитого шахтера!..

Привыкла к такому обращению Слеусин. Она уже не смущается, не краснеет, а рассекает толпу и под острыми взглядами протягивает свои талоны.

— Получите мясо... Вот сахар... А муки надо?

Чаши весов колеблются. Одни товары сменяют другие. А длинная очередь молча наблюдает, следит за проворными руками продавца. Слеусин никогда не смотрит на весы, она и так знает, что ее не обманут, дадут всего, что надо.

— Что глазеее! — ворчит иногда продавец, когда люди из очереди начинают следить за тем, как он торопливо взвешивает. — Трудитесь, как Битабар, и у вас все будет!

Из магазина женщины спешат, неся в руках сумки или корзины, а Слеусин выходит с мешком на спине.

Откуда же такая благодать? Она не ломает голову, не задумывается над этим. У нее талоны мужа и сына. Амантай сам напросился на работу, в школу его не взяли — учебный год давно начался, шлаться без дела по поселку негоже. Он уговорил отца, а тот упросил своего тамыра Левенштерна, и рослый мальчишка, который уже выглядел как молодой джигит, пошел на шахту коногоном. С лошадьми обращаться он умеет, а крепить вагонетки его обучили быстро. Мальчишке нравилась его работа в шахте. Он тоже, придя со смены, как взрослый, с гордостью сообщал о том, сколько тонн угля вывезли на вагонетках... За эти месяцы он как бы повзрослел, держался уверенно, старался во всем быть похожим на отца, даже ходить стал вразвалочку, тяжело ступая. Заработков отца, который давал по три-четыре нормы за смену, да плюс еще и сына вполне хватало на зажиточную жизнь.

Но Слеусин считала благодетелем лишь одного толстого продавца с головой, похожей на перевернутый казан, она говорила ему слова благодарности и, довольная, с мешком, наполненным покупками, возвращалась домой.

1
5

— У нас гость. Приехал Мусатай,— шепотом сказала мужу Слеусин, когда тот, усталый после дневной смены, вернулся в свою юрту.

— Откуда он взялся? — удивился Битабар.

— Твой родственник, ты и спрашивай.

Битабар вошел в юрту. У очага, тепло закутавшись, сидел Мусатай. Его не узнать. Очень исхудал, побледнел. Да к тому же еще отпустил бороду. Битабар, забыв старые обиды, устремился к нему, широко раскинув руки:

— Мусатай! Ты откуда?

Тот торопливо сделал знак рукой, как бы говоря: «Тише, не кричи!» — и сам шепотом спросил:

— Биеке, ты такой же или другой? Может, стал белсенди?

— А что такое «белсенди»?

— Ну — это которые все мутят народ, активисты.

— Я шахтер! — с гордостью произнес Битабар. — Не знаю, кто такие активисты.

— Вот и хорошо, Биеке... Оказывается, я не ошибся... Я пришел к тебе как к брату. У нас одна кровь! И я слышал, что ты хорошо устроился на шахте, живешь зажиточно. Вот и решил прийти, надеясь, что приютишь брата...

— Моя юрта всегда примет гостей! — Битабар уселся рядом. — Как в ауле? Все ли живы-здоровы?

— Э-э, что там осталось от аула, не спрашивай... Говорят, все разбредись... Давно там не был. У меня нет никаких новостей, Биеке.

— Ты что, едешь из других краев? — спросил Битабар, начиная подозревать, из каких именно мест возвратился родственник.

— Э-э, не спрашивай!

— Ладно, не буду... Сам потом расскажешь. Лежи себе, места всем хватит. Постель есть. Есть и паек.

Слеусин тем временем расстелила дастархан. Битабар, опережая жену, своими руками разломал на крупные куски буханку белого хлеба, стал доставать из мешка пригоршнями сахарный песок и сыпать его прямо на обеденную скатерть.

— Куда спешишь, не видишь пустой чашки? — рассердился Слеусин. — Слава аллаху, в этом доме хватает посуды.

— Неважно, жена! Клади нам побольше масла, не жадничай. И подливай чаю, пока мясо сварится.

Мусатай уплетал за обе щеки. Он, видимо, давно не наедался досыта. На ломти хлеба накладывал крупные куски масла и потом макал в сахарный песок, торопливо жевал, запивая чаем, чтобы не подавиться. Битабар смотрел на него с жалостью. Как там ни говори, а детство они провели вместе, в одном ауле. Были дни, когда Битабар

стал знаменитым борцом, а Мусатай вел все его дела, правда, жульничал, подличал, вел нечестную игру... Но, аллах свидетель, как давно все это было! В памяти остались и добрые воспоминания, что на всех тоях, на всех празднествах они бывали вместе, никогда не расставались. Сердце степняка отходчивое, забывает недоброе, хранит только хорошее. Битабар искренне верил Мусатаю, помнил наказ умирающего аксакала Алимбая. В те времена Битабар привык не задумываться над разными житейскими вопросами, предоставляя право решать Мусатаю. Сейчас иное время. Распрянулись все завитушки длинной житейской дороги, сровнялись ухабы и ямы, мелкими показались и прошлые обиды, и старый гнев. С высоты нового своего положения Битабар был готов простить Мусатаю прошлое и принять его в свою юрту. Как говорят в степи, друзей находят, а родичей не выбирают.

— Ешь, ешь,— Битабар пододвинул к Мусатаю поднос с мелко нарезанным вареным мясом.— Когда живот полный, беседа становится приятней.

— Давно не ел настоящего мяса, сваренного по-нашему,— признался Мусатай.

Наевшись досыта, Мусатай вытер жирные пальцы рук о голенища сапог и попросил постелить ему одеяла недалеко от огня, чтобы прогреть свои кости.

6

Два батыра, ставшие шахтерами, вели спор под землей. Десятник тщательно проверял выработку каждого. За их соревнованием пристально следил весь поселок.

Возле конторы установили большой щит, который называли Доской почета. Около нее всегда толпились люди. Битабар ни разу не подходил к этой доске, хотя много о ней слышал разных разговоров. Сегодня, выйдя из шахты, он завернул к конторе будто бы по делу.

Заметив коротышку Али, подозвал его:

— Что там интересного?

— На доске портреты тех, кто идет первым в соревнованиях. Вон, на самом верху, тебя поместили и Ылгаза.— И, помолчав, добавил: — А за вашими образинами выставили и мое лицо.

Битабар повеселел.

— Ну, а кто же, сказано, лучше выполняет нормы?

— Хотя я и на третьем месте, но результат мой лучший!

Все кругом засмеялись.

— Посмотрите на батыра-коротышку! — Битабар шутя протянул к нему руки.— Иди-ка сюда, я покажу тебе первое место!

— Нет, нет, не надо! — Али ловко увернулся от рук богатыря.— На первом месте Ылгаз, а ты второй.

— Брось! — сразу насупился Битабар.

— Нет, нет, не слушай его,— сказал высокий джигит, который стоял рядом.— Результаты за первые десять дней станут известны послезавтра. Тогда и премии вручат победителям.

— Э-э, понятно,— ответил Битабар и, еще раз скользнув взглядом по своему портрету, не спеша зашагал домой.

Сегодня он потрудился на славу. С самого начала, как только взял в руки кайло и нанес первый удар по угольному пласту, Битабар нашел нужный ритм и монотонно крушил черный камень. Подсобные рабочие едва успевали отгребать горы угля. По их глуховатым возгласам в начале смены, а потом по ругательным словам, потому что они устали, Битабар безошибочно определял, что нарубил много. Десятник тоже находился рядом, подзадоривал, однако и без его подхлестывающих слов Битабар, увлеченный трудом, крушил плотный угольный пласт...

Ощущая усталость во всем теле, Битабар нетерпеливо вышагивал по улице, наслаждаясь неярким зимним днем. Ему приятно было вдыхать холодный воздух, чувствовать

лицом порывы ветра, который влетал в шахтерский поселок, кружил на улице снежную темную пыль, сдобренную угольной порошей, катил мелкие камешки. «Уже два месяца прошло после первого снега,— неторопливо думал батыр,— наступает время глубокой зимы». И впервые за свою жизнь он думал о зиме спокойно, без тревоги. В прошлые времена в такие зимние дни его постоянно мучили заботы о скоте, о топливе. А сейчас у него приятно и спокойно на душе. Недавно семья шахтера перебралась в каменный дом. Битабару дали двухкомнатную квартиру. Комнаты просторные, каждая — как добрая юрта. Угля в достатке — топи себе, не жалея! В комнатах каменного дома даже в самые холодные дни стоит летнее тепло, и жена не нарадуется на новую жизнь. И русская печка ей понравилась. Нет ни копоти, ни угара. Вари, жарь, сколько душе угодно, тем более что продуктов много — и мяса, и муки, и крупы, и сахара, и масла, и всяких разных конфет да печенья... А если чего не хватит, то есть талоны, бери мешок и шагай в магазин. Но в то же время вместе с приятным чувством в глубине души Битабара поселилась смутная, неосознанная тревога. Его беспокоило положение Мусатая. Тот гостил уже больше месяца. Поправился, округлился. Сытая жизнь и безделье, казалось, лишь радовали его. Он целыми днями, как шутит Амантай, «добросовестно отлеживает дневную смену на мягких одеялах». То ли спит, то ли о чем-то думает. Битабар уже не раз пытался заговорить с родственником, предлагая тому пойти в шахту: «Если не возражаешь, я завтра поговорю с моим тамыром, и он найдет тебе подходящую работу». Но Мусатай всякий раз отмахивался: «А куда нам спешить, Биеке?» Битабару ничего другого не оставалось, как менять тему разговора. В его сердце крепкими корнями держались обычаи степняков, и, согласно тем неписаным законам, хозяин юрты обязан давать гостю все самое лучшее, самые лакомые куски пищи и не беспокоить разными намеками. Битабару по наивности казалось, что,

если Мусатай уйдет обиженным, он разнесет дурную молву по всей степи. А что может быть страшнее для степняка, чем дурная молва!.. «Э-э, пусть живет, места хватит, хватит и еды,— решил Битабар, стараясь заглушить смутную тревогу,— каждый человек отвечает сам за себя!»

Битабар переступил порог дома, снял теплую куртку.

— Жена, давай воды! Умываться буду.

Слеусин высунулась из кухни, и на ее лице появилось постное выражение:

— Ойбой, нет воды совсем...

— Разве не привозили?

— Привозили, но народу было много... Мне не хватило.

Битабар ругнулся, снял шапку:

— Ладно, подавай чай.

— Я же сказала, что воды нет.

— И на чай нет воды?

— Совсем нет! Ни на чай, ни на еду... Я ничего не варила еще.

Битабар, чертыхаясь, прошел в переднюю комнату. Хорошего настроения как не бывало. Мусатай, закутавшись в одеяла, лежал у стены на подушках. Он безразлично посмотрел на вошедшего и снова отвернулся, как бы торопясь досмотреть интересный сон.

Слеусин подбросила в печку угля, взяла ведро и отправилась к шахте, чтобы добыть хоть немного воды.

Битабар уселся на паласе, поджав под себя ноги. Просидел несколько минут в задумчивости, не зная, что предпринять,— то ли ждать жену, то ли завалиться спать... Тут заворочался Мусатай:

— Биеке!

— Слушаю, Мусатай,— Битабар повернул голову в сторону родственника.— Ты что-то хотел сказать?

— Да, Биеке... Хотел сказать,— Мусатай высунулся из-под одеяла и приблизился к шахтеру.— Вот уже десять дней думаю, как быть...

— Э-э, раз начал, то говори...— Битабар не любил

тянуть резину. Он был раздосадован тем, что не было воды, и думал только о ней, потому и не придавал особого значения настороженности Мусатая.

— Битабар,— снова начал тот таинственным шепотом.

— Ну!

— Послушай мои слова!

— Я слушаю тебя.

— У меня... у меня...— Голос Мусатая осекся, и, озираясь на закрытую дверь, он беззвучно выдохнул: — Понимаешь, у меня большой клад!

Битабар не вскрикнул, не оживился, как того ожидал Мусатай, а продолжал думать о чем-то своем.

— Очень большой клад,— повторил Мусатай,— хватит нам на всю жизнь...

«Плохо без воды»,— думал Битабар и, не придавая особого значения словам Мусатая, произнес:

— Сейчас самый большой клад для нас — вода...

— Да послушай ты меня! На всю жизнь нашу хватит этого клада.

Но Битабар не стал слушать Мусатая. С улицы донеслись удары хлопушки и хрипловатый голос водовоза:

— Эй! Вода! Пришла вода! Берите воду!..

Битабар вскочил и пулей вылетел на улицу. Неподалеку от дома остановилась грубо сколоченная подвода, а на ней длинная железная бочка. Со всех сторон к ней стремились жители поселка, гремя пустыми ведрами.

Быстро образовалась очередь.

— Сначала мне наливай! — кричала какая-то женщина визгливым голосом.— Мне!

— Куда ты суешься, я первая! — ответила ей другая женщина.

— Эй, не наливай тому мужику, он без очереди!

Битабар огляделся, почесал крупными пальцами подбородок. Возвращаться домой за ведрами уже поздно, ему может не хватить воды. Да и двух ведер, как ему казалось, было недостаточно.

Вдруг его взгляд остановился на паре лошадей, что стояли неподалеку, запряженные в повозку. Битабар, не долго думая, двинулся к повозке. Быстро снял с крайней лошади упряжку из крепкой сыромятной кожи. «Уведи коня — никто не обратит внимания!» — подумал Битабар и шагнул к подводе водовоза:

— Что за шум! А ну, расступись!

Люди недовольно посторонились, пропуская громадного человека, который к тому же был без ведра. Битабар похлопал ладонью по железной бочке, как бы определяя по стуку количество содержимого, потом не спеша просунул под нее кожаные ремни из упряжки. Со всех сторон на него глазели удивленные жители поселка. Что это он задумал?

— И-йе! Помогите мне, духи предков!

Битабар, повернувшись спиной, присел, слегка крикнул. Тяжелая железная бочка, наполненная водой, медленно оторвалась от подводы и очутилась на спине батыра. Битабар, не оглядываясь, сделал один шаг, другой... В голове мелькнула мысль: «Только бы не подставил кто-нибудь подножки!» А женщины, мужчины, подростки, держа в руках пустые ведра, застыли на своих местах. Еще никогда никто из них подобного не видел. Многие стояли с открытыми ртами.

Битабар подошел к своей двери, крикнул хрипло:

— Мусатай, выходи! Вода прибыла!

Мусатай, соскочив с подушек, вдруг стал злым и сердитым. Он набросился на Битабара:

— Зачем же ты так, а? Думаешь, тебе все простят? Накликаешь на себя беду!..

— Ладно, потом разберемся, кто из нас прав, кто виноват, — оборвал его шахтер. — Готовь посуду.

Мусатай стал выносить ведра, чайники... Через несколько минут вся утварь, в которую можно было налить воду: кастрюли, корыто, маслобойка, тазы, котелки, пиалы, чашки, бурдюки — была наполнена.

— Кажется, всё, больше некуда,— сказал хмурый Мусатай.

— Надо подумать,— Битабар оглядел комнаты, ища пустой сосуд, вспомнил про свои и Мусатаевы сапоги, голенища которых были выше колен.

— Вынимай войлок из сапог!

— Э-э, зачем же?

— Вытаскивай, раз говорю! В четыре сапога почти четыре ведра воды войдет.

Мусатай принес сапоги, вынул из них войлочные подстилки.

— Вода в сапогах пахнуть будет, Биеке.

— Ничего! Пригодится для умывания.

Битабар, приподнимая почти опустевшую бочку, наполнил и сапоги.

Больше лить было некуда, а в бочке еще оставалась жидкость. Битабар постучал в дверь соседям:

— Выносите ведра, наполню!

Жена соседа притащила ведра, кастрюли... Разлив воду, Битабар вышел с пустой бочкой на дорогу. Люди по-прежнему толпились у повозки. Все смотрели в его сторону, как бы спрашивая: что же дальше?

— Эй, водовоз! — крикнул Битабар. — С завтрашнего дня будешь первым делом подъезжать к моему дому! Понятно? А не то я сам буду забирать бочку.

Опустив пустую тару на землю, он толкнул ее ногой, и она покатилась к подводе. Битабар стоял, скрестив руки на груди, и улыбался, довольный своей выходкой. Еще бы! Никто во всем поселке не сможет поднять такую тяжесть.

По улице, перегнувшись на одну сторону, спешно двигалась Слеусин. Ей удалось раздобыть почти полное ведро воды, и она спешила домой. Еще издали Слеусин увидела своего мужа, который толкнул железную бочку, и та, гремя, покатилась по дороге. А вездесущие подростки, перебивая друг друга, рассказали ей ошеломляющую новость: Битабар унес домой всю воду!

— Ойбой, хозяин нашего дома, что же ты наделал? — Слеусин, сгорая от стыда, приложила ладони к щекам, выговаривая мужу обидные слова.

— Какое твое дело, жена! Лучше ставь скорее чайник на печку. Клади мясо в котел и вари. Разве ты не знаешь, что твой муж и гость давно голодные?

7

На следующий день Битабар не вышел на работу, проспал. Поздно поели, поздно спать легли... Проснулся, открыл глаза — день давно наступил, зимнее солнце поднялось высоко. Батыр несколько минут тарашил глаза на окно, за замерзшими стеклами которого светило солнце. У Битабара заныло сердце: «Надо вскочить, одеться и бежать на шахту...» Но тут же представил, как криво усмехнется рябой Ылгаз, начнет ругаться десятник... Нет уж, лучше не ходить совсем!..

— Эй, жена, вари мясо! Вчера как следует не наелся, живот пустой!

Снова расстелен дастархан, появились хлеб, сахар, масло, курт... Из кухни доносится ароматный запах и слышно, как в котле приятно побулькивает бульон.

Мусатай сидел напротив и, отхлебывая чай, хмурился. Ему не нравилось, что Битабар не вышел на работу, он пытался втолковать Битабару, что еще и за вчерашнее его могут наказать.

— Э-э, брось! Пей чай, промывай живот для жирной сорпы,— весело ответил Битабар, наполняя пиалу густым чаем.

Вдруг за окном послышался стук колес, заржали кони. Кто-то подъехал к дому. Битабар усмехнулся:

— Научил водовоза, сам привез воду!

Мусатай вскочил с места, прижался носом к замерзшему оконному стеклу:

— Нет, не водовоз... Другой человек, важный!

Не успели они перемолвиться, как распахнулась дверь и в комнату вошел Левенштерн. Сняв шапку, весело проговорил:

— В доме чай сладен, а хозяин жаден!

— И-йе, тамыр!.. Проходи!.. Проходи!..— Битабар то-ропливо и неуклюже вскочил на ноги, давая возможность гостю пройти на почетное место.— Да, чай наш сладкий, а хозяин хочет быть жадным, но у него не получается!

— Сиди, не прыгай как ребенок,— одернула его жена, которой не понравилась суетливость мужа.— Гость и сам пройдет

Мусатай растерянно отодвинулся, уступая место, весь как-то съежился, поник.

Левенштерн уселся, поджав по-казахски ноги.

— Да, на дворе мороз дерет за нос,— он потер нос, щеки, хитро улыбнулся.— А ты вчера устроил цирковое представление, весь поселок сегодня о тебе говорит!

— Оказывается, уже и вам рассказали?

— А ты как думал? Посторонние наблюдатели расписали во всех подробностях твой «подвиг».

— Озлился я, тамыр,— Битабар беспомощно развел руками.— Пришел со смены, а воды нет... Чаю нет, обеда нет... А я как верблюд, который прошел с выюками через пустыню, голодный был!

— Водовоз пришел ко мне с жалобой на тебя.

— Так... тамыр.— Битабар положил руки на колени и напряженно ждал.

— А я выругал его и наказал. Да еще за неисполнение моего приказа привозить вовремя воду в шахтерские дома наложил на него штраф десять рублей. Вот так, батыр.

— Ха... Хи... Хо-хо! — рассмеялся повеселевший сразу Битабар.

Но Левенштерн оборвал его смех, сурово посмотрев на шахтера:

— Мне доложили, что ты не вышел на работу. Приехал, вижу — правда. А за смену Ылгаз целую гору угля

нарубил.— Левенштерн говорил тихо, не сводя сощуренных колких глаз с Битабара.— А какой скакун первым придет, завтрашний вечер нам покажет. Такие-то дела!.. Смотри, Битабар, как бы твои лопатки земли не коснулись.

— Вчера воды не было, тамыр... А когда появилась, когда чай вскипятили, когда обед сварили, ночь была, поздно спать лег,— стал оправдываться Битабар.— Вот так, тамыр... Но еще есть ночь впереди! Буду крушить уголь ночью, буду рубить еще день... Разве не смогу тогда выполнить нормы за этот день? У Битабара силы много, на много дней хватит!

— Верно,— сказал Левенштерн.

— Спасибо, тамыр.

Левенштерн еще посидел немного, отведал вареного мяса, выпил чаю и стал прощаться. Перед уходом он спросил Битабара, показывая на Мусатая:

— Кто этот человек?

— Родня...

— Работает он где-нибудь?

— Гость ведь,— ответил Битабар.

— Знаю гостей-казахов, гостят по месяцу. В степи люди говорят... сейчас вспомню!.. Так, кажется: если гость одну ночь переночевал, то — хороший гость. А если дважды переночевал, то уже — джут, по-русски — разорение... Так ведь, а? А сколько ночей гость спит в этом доме? — в упор глядя на Мусатая, спросил Левенштерн.

— Совсем мало, тамыр,— вступился за Мусатая Битабар.

— Так, так,— вставила Слеусин и то ли наивно, то ли с умыслом продолжала: — Вчера уже ровно месяц сравнялся, как приехал.

Битабар сверкнул глазами на жену:

— Лучше бы чай горячий принесла, чем словами обжигать!

Левенштерн покачал головой:

— Целый месяц! Пришел бы сразу на шахту, сколько бы сам себе заработал и государству помог!

Мусатай, пугливо озираясь, пробормотал под нос:

— На шахту не гожусь... нет здоровья...

— Приходи, приходи, не стесняйся! — подбодрил его инженер. — Денег заработаешь, паек станешь получать. — И, помолчав, строго произнес: — Битабар уголь добывает, за то ему паек дается. Сын его Амантай еще несовершеннолетний, а тоже трудится. А ты, гость, уже месяц сосешь их труд. У нас таких дармоедами зовут. Понял?

Мусатай, согнувшись, почтительно прижал руки к груди:

— Понял...

Битабар, видя трудное положение Мусатая, встал на его защиту и, чтобы смягчить слова Левенштерна, вынужден был впервые в жизни говорить неправду:

— Это я, тамыр... я не разрешил гостю... пусть отдохнет. Успеет еще устроиться на шахте.

— А, вот в чем дело! — Левенштерн улыбнулся. — Ну, после отдыха пусть приходит ко мне.

Главный инженер попрощался.

В доме после его ухода воцарилась напряженная тишина. Мусатай время от времени тревожно постукивал пальцами по отполированной маленькой кубышке, в которой хранился насыбай¹, и вздыхал. Битабар взял пиалу с холодным чаем, осушил ее и, почувствовав, что утолил жажду, перевернул пиалу вверх дном.

Мусатай снова вздохнул:

— Ай, Битабар-ай, испугался я, видя твои проделки. Не померли бы за несколько часов без воды. Зачем вытворять такое? До нашандика, видишь, дело дошло. В дом приехал... Что теперь будет?

Битабар растерянно развел руками:

¹ Насыбай — табак.

— Кто бы мог подумать, что приедет тамыр? После смены устал я, чаю хотел. Разве не разозлишься, когда простой воды в доме нет?

В разговор вмешалась Слеусин:

— Раньше я недолюбливала этого твоего тамыра. Теперь вижу, что он хороший человек. Очень добрый человек. Мусатай обиделся:

— Сношенька, как понимать это? Чаю выпитого жалко?

— Хорошего справедливо будет хорошим называть, кайнага.

— Хороший?! Да чем он хороший? Тем, что давно среди казахов живет и знает нас как облупленных? Хитрый он, собака, вот что!

— Для нас он все равно хороший. Сколько добра нам сделал. В нашем Битабаре души не чает. К другим, может быть, не ходит, а к нам зашел. Спасибо ему за это.

Мусатай поднялся:

— Значит, келин прогоняет меня? Что ж, я уйду.

Битабар, видя, что дело принимает нежелательный оборот, закричал на жену:

— Эй, баба! Прикусила бы ты язык. Лучше позаботься, чтобы еда вовремя сварилась, я ведь сказал, что выхожу в ночную смену!

Слеусин молчала. Мусатай продолжал собираться.

— Ой! В своем ли ты уме? Ну куда ты пойдешь? — заволновался Битабар.

— Сноха гонит. К чему мне оставаться!

— Зачем вы так, кайнага! — расстроено проговорила Слеусин. — Я ведь не прогоняла вас.

Битабар ухватился за полу чапана Мусатая, потянул к себе.

— Никуда не уйдешь, Мусатай. Не изнашивается и заячья шкура за год. Разве я не стою заячьей шкуры? Стою ведь. Да и куда тебе идти? Во всякие времена родные нуждаются в поддержке. Кто поможет, если не родственник... Мой дом — твой дом, живи сколько угодно!

— Нет, Битабар, не хочется мне, будучи в разладе со снохою, жить в твоём доме. Сказал — уйду, и уйду...

— Хочешь, я прогоню твоего обидчика?

Слеусин прищурила глаза:

— За что же вы так, кайнага! Ели-пили приготовленное мною. Или я не угождала вам? Но если что лишнее сказала, так извините... Не уходите, кайнага,— сказала Слеусин уже мягче.— Вы сын большой юрты. Весь аул уважает вас. Мой муж побьет меня, если вы уйдете. Оставайтесь...

Мусатай этого и хотел. Теперь, когда его положение в этом доме улучшилось, он мог тут жить сколько бы ни захотел. Для виду он немного поломался и как бы нехотя согласился пожить еще немного.

Слеусин принялась готовить еду, а Битабар стал собираться в ночную смену.

8

Степняки говорят, что хороший конь показывает свои достоинства в трудном состязании, на скачках. И Битабар, понимая, что финиш соревнования с Ылгазом близок, спешил наверстать упущенное. Под землей не видать, день стоит или ночь пришла. Скупое освещает забой шахтерская лампочка. А в руках у батыра кайло. Оно глубоко вонзалось в угольный пласт, словно он мягкий, как морская глина. Вогнав его, Битабар наваливался на рукоятку, слегка ее поворачивая, и крупные куски угля с треском отламывались.

— Апырай! — подбадривал себя Битабар.

И снова крушил. Откатчики, орудуя лопатами, отгребали уголь, грузили его в вагонетки. Иногда Битабар откалывал крупные угольные глыбы, которые не возьмешь лопатой. Чертыхаясь, откатчики оставляли лопаты и вдвоем еле поднимали кусок, перебрасывали его в вагонетку...

— Вот лучший, остервенел совсем в работе!.. — выру-

гался один из них и вытер пот со лба.— Гонит без передыху! Откуда только силы берутся?

— Они, казахи, крепкие, особенно те, кто из дальних степей,— пояснил ему товарищ.— Там пьют вместо воды кобылье молоко, а оно, говорят, мужику силу дает.

— Загоняет нас... Хотя бы наша смена скорей кончалась!

— И я взмок, словно в парной побывал... Хотя мылом натираться.

А Битабар, не обращая внимания на сетования откатчиков, долбил и долбил черный камень. Затупится одно кайло — он берется за другое. А то спешно несут точить. Только гул стоит от его мощных ударов, треск от разламывающихся кусков угля, да слышен скрежет лопат... Жарко под землей, душно. Угольная пыль слепит глаза, забивает нос, оседает толстым слоем на губах...

Битабар останавливается на минутку, вытирает рукавом пот с лица, и снова при неярком свете керосиновой лампочки мелькает тяжелое кайло...

И не заметил он, как послышался сигнал, означавший конец смены, все бил кайлом в угольный пласт, пока его не стали тормозить откатчики:

— Эй, парень, кончай!

Битабар нехотя опустил кайло. «Что-то быстро смена кончилась,— подумал он,— только по-настоящему разогрелся!»

Пришел десятник, промерил вырубленный уголь. Улыбнулся, поднял большой палец:

— Хорошо!

Битабар поднялся наверх, вымыл руки, плеснул водой в лицо, промыл глаза, с жадностью осушил чайник чаю. Потом принялся за еду, принесенную женой. Чуть теплые куски вареного мяса ему казались необычайно вкусными. Он с наслаждением впивался зубами в баранину и торопливо жевал. Впереди — дневная смена, которая должна решить все, выявить победителя... Надо набираться сил...

Битабар почему-то вспомнил, как Левенштерн объяснял ему, что **каменный** уголь когда-то давно-давно был деревьями, **что** здесь все цело, жадно тянулось к солнцу... Только вот **как** оно все попало глубоко под землю, Битабар понять не **мог**. Трудно поверить, что пласты угля когда-то трепетали **зеленой** листвой от ветра... «Сын Амантай поймет, — **думал** Битабар, — он с новой осени станет ходить в школу, **там** узнает буквы, и ему понятны будут книги, написанные **мудрецами**. За обучение платить не надо, школа **своя, шахтерская**».

— Эй, **Битабар**! Не слышишь — сигнал дали!

Шахтеры, пришедшие на дневную смену, спешили к шахтному **стволу**, чтобы спуститься в забой.

— **Сейчас!**

И **снова** он в забое. Только что закончили ставить крепление. **Пахнет** хвойным деревом. Двое откатчиков, уже других, **свежих**, готовились грузить вагонетки.

Первую половину смены Битабар отработал почти легко, в **запале**. Уголь тек под ноги кусками, крупной, глыбами. Битабар **все** глубже и глубже вгрызался в пласт, орудуя кайлом. **Помогая** откатчикам, он ногой отталкивал нарубленный уголь, который мешал ему разворачиваться. Но постепенно усталость начала давать о себе знать. Не так легко **отламывались** крупные глыбы камня, не так глубоко входило **вдруг** потяжелевшее кайло... Деревенела рука в предплечье, **ломило** в позвоночнике. Вымокла нижняя рука; **неприятно** прилипая к телу, она сковывала движения... По **лицу** катил пот, оставляя грязные следы. В ушах стоял **непрерывный** грохот от неистовых ударов кайлом, от треска **разбитого** камня... Душил кашель, угольная пыль **драла** горло... **А** в голове плыл туман, мозг сверлила только одна мысль — скорее бы все это кончилось...

Но он **пересиливал** себя.

Почему-**то** вспомнилось, как нелегко было первый раз поднимать **верблюда**.

— **Апырай!** — шевелил губами Битабар. — Помогите, духи **предков!**

Вспомнилось и то, как несколько месяцев назад, когда впервые самостоятельно стал рубить уголь, над ним подшутили шахтеры. Заводилой был тогда коротышка Али. Он яробрался в забой, к Битабару, который яростно крушил пласт, и воскликнул: «Биеке, остановись!» Битабар опустил руку, перестал долбить уголь. «Слышишь?» Битабар прислушался, и его чуткое ухо уловило чуть слышное потрескивание где-то над головой... Битабар замер. Что это значит? А шустрый Али предостерегающе крикнул ему: «Сейчас обвалится потолок... Хватай бревно, клади себе на плечи и поднимай! Я сбегая за подмогой!» Битабар схватил крепежное бревно, придавил к потолку и уперся в него плечом... Треск все доносился, и молодому, неопытному шахтеру виделись разные мрачные картины... Но вскоре Битабар увидел огоньки лампочек, услышал голоса приближающихся людей, облегченно вздохнул — идет подмога. «Держишь?» — издали спросил Али, и Битабар спешно отозвался: «Держу!» Каково же было удивление Битабара, когда по всему штреку разнесся раскатистый многоголосьный хохот... Шахтеры набились в его забой, поднимали свои лампочки к самому лицу Битабара и хохотали! Потом сказали ему: «Брось! Не держи потолок, не обвалится!» Битабар нехотя опустил двухметровое крепежное бревно и, видя смеющиеся чумазные рожи, понял, что над ним подшутили. Он озлился, хотел было раскидать всех шахтеров, но сдержался, понимая, что сам сглупил, поверив коротышке Али... Разве человек способен удержать такую махину земли и камней?..

Потом такие же шутки проделывали с другими новичками, и он вместе со всеми смеялся и кричал: «Держи!»

Битабар вытер лоб, чуть улыбнулся воспоминаниям... Хотелось пить, в горле першило. Рубаха совсем прилипла к телу, и он чувствовал, как по спине промеж лопаток струйкой стекает пот.

— Апырай! Приз будет мой!.. Помогите, духи предков! Он не видел, как за его спиной столпились люди, как

удивленно освещали вырубленную им в угольном пласте продолговатую пещеру, из которой взмокшие откатчики с трудом выбрасывали уголь... Десятник и бригадир переглядывались между собой, восхищенно прищмокивали губами.

В забой пришел и Левенштерн. Главный инженер восхищенно смотрел на работу богатыря, затем распорядился, чтобы скорее ставили крепление.

Когда же наконец прозвучал долгожданный сигнал, извещавший об окончании смены, Битабар последний раз вогнал кайло и, навалившись всем телом, отколол здоровенную глыбу угля...

Ноги вдруг стали чужими, ватными и он зашагал к шахтному стволу, мечтая о глотке воды и свежем воздухе.

Выбравшись из клетки, подошел к крану, подставил под холодную струю разгоряченное лицо и с жадностью, не замечая привкуса ржавчины, стал глотать желтоватую воду. А его тормошили за плечо, кричали товарищи:

— Не пей, подожди! В столовке чай готов со свежей заваркой!

9

Торжественное собрание проходило в клубе, где по воскресеньям показывали кино. Шахтеров усадили друг против друга, освободив середину зала, как на казахском тое.

Левенштерн, гладко выбритый, при галстуке, на груди алый бант, открыл собрание:

— Товарищи, сегодня у нас большое торжество, большой революционный той! Мы встретили трудовыми победами шестнадцатую годовщину Октябрьской революции. Мы перевыполнили план и сегодня докладываем, что задание правительства республики выполнили досрочно! Вот это и есть наш той, товарищи! А в честь героев труда хотя скачек и не будет, но борьба состоится!

Шахтеры радостно захлопали в ладоши, заулыбались.

— От имени первой бригады выступит не знавший поражения балуан Битабар,— Левенштерн вывел на середину круга смущенного Битабара.

— От имени второй бригады выходит тоже известный балуан Ылгаз.— И рябого великана Левенштерн вывел на круг.

Битабар, приняв всерьез слова главного инженера, расстегнул пояс, начал снимать стеганный чапан. Раз вывели на середину, отказываться он не привык. Но Левенштерн замахал руками, засмеялся:

— Нет, нет, не раздевайся! Наша борьба совсем иного рода... Она шла там, под землей.

Главный инженер встал между борцами, взял каждого за руку.

— Балуан Битабар выполнил свою норму на двести девяносто семь процентов. Да здравствует славный шахтер Битабар! Ура! — Он под радостные возгласы поднял руку победителя соревнования.

— Балуан Ылгаз выполнил свою норму на двести семьдесят процентов.— Левенштерн поднял руку Ылгаза.— Ура славному шахтеру Ылгазу!

Победителям соревнования вручали награды. Первую премию — пять метров зеленого плюша и новые блестящие резиновые калоши — поднесли Битабару. Вторую премию — пять метров синего сатина — поднесли Ылгазу.

Ылгаз равнодушно принял награду, сунул за пазуху и ушел на свое место. Он был раздосадован, что оказался вторым...

Потом стали вручать премии другим отличившимся шахтерам.

Люди хлопали в ладоши, восторженно приветствовали награжденных, которые, смущенно улыбаясь, уносили отрезы на платьях, куски сатина, фланели, калоши, кастрюли...

Знакомый кабинет, знакомый длинный стол. На стене

портрет Ленина с простертой вперед рукой. И снова спрашивает себя Битабар: «Что он говорит?» Битабару хочется знать. Все знать. В кабинете шумно. Иногда он слышит, как упоминают имя вождя. «Не отворачивай своего лица от человека доброй наружности», — говорят степняки. Лицо Ленина доброе, и в глазах теплота. «О чем же он говорит? Наверное, о хорошем говорит».

Рядом с Битабаром сидел за столом Галиев. Веселый и добродушный татарин. Горняки называют его «нашандик шахткома». Галиев, смеясь, напомнил Битабару, как тот не желал покидать юрту, переселяться в каменный дом.

— А как сейчас? — спросил Галиев. — Жена привыкла? Довольная?

— Новый дом — очень хорошая юрта, всегда тепло, — улыбнулся в ответ Битабар.

А над столом, уставленным едой и бутылками, гремел голос Левенштерна:

— Степняки говорят, что мясо на тое не такое вкусное, как сваренное в своем котле. У нас сегодня свой, шахтерский той. Кушайте, пейте, товарищи!

Галиев пододвинул тарелку с едой, еще не знакомой Битабару.

— Это баранья колбаса, а это телячья.

— Нет, спасибо, — ответил Битабар, отодвигая тарелку. Он оглядел стол. На столе много закусок и много бутылок: белые, синие, красные.

Галиев протянул Битабару наполненный стакан.

— Нет, этого я не пью.

— Так нельзя, тамыр, — сказал Левенштерн, подойдя к Битабару. — За сегодняшний той надо выпить. Тогда, в горах Иманака, ты пил с нами...

— Битабар должен выпить! — слышались голоса шахтеров, сидящих за праздничным столом.

Неожиданно рядом с Битабаром села незнакомая женщина. Она улыбнулась ему, потом заговорила, смешно мешая казахские слова с русскими:

— Мынау¹ вино. Виноград биледи²? Мынау и есть виноградный сок. Битабар будет это пить. Даже в раю это пьют!

Ну что ж, раз люди просят, Битабар согласен. Он не упрямец.

Выпил один стакан.

Потом другой.

А потом почувствовал себя очень странно: все перед глазами закружилось, все поплыло веселым туманом. Предметы потеряли четкие очертания, раздвоились. Напротив рябой Ылгаз. Нет, не один Ылгаз, а два... Битабар зажмурился, чуть приоткрыл левый глаз — опять один Ылгаз... Но стоит открыть оба глаза, как рябой великан раздваивается. Битабар с беспокойством потер голову: «Может быть, с ума схожу?»

— Ты обманул! — услышал он голос Ылгаза и увидел, как рябой великан протянул к нему две правые руки.

— Кого обманул? Сохрани меня бог! Я еще никого в жизни не обманывал.

— Ты меня обманул!

Битабар снова закрыл левый глаз. Один Ылгаз исчез, а у того, который остался, выражение лица злое, холодное.

— Ты украдкой ходил в ночную смену! И поэтому опередил меня! — кричал Ылгаз.

Сбоку послышался голос Али:

— Если Битабар и вышел в ночь, так это потому, что перед тем не работал.

Битабар понял наконец, в чем его упрекает рябой великан. Он в упор посмотрел на Ылгаза и с презрением сказал:

— Думал, что ты человек, а ты собака, оказывается. Не веришь моей победе? Не надо. А я так скажу: ты работай и днем и ночью, я же буду только полсмены. А все равно тебя обгоню! Первым буду!

¹ Мынау — это.

² Биледи — знаешь.

— Не обгонишь! Не будешь первым!

— Буду первым,— уверенно ответил Битабар.— А если тебе завидно, то на, бери.— И Битабар вытащил из-за пазухи плотно свернутый зеленый плюш и калоши.— Бери,— он усмехнулся.— Если тебе завидно. Я сроду не прилеплял к себе премий. Вот сижу и думаю, кому бы подарить.

Ылгаз отодвинул вещи:

— Зачем они мне? Не возьму. Если я и возьму, то только с победой.

— Победой тебе не взять, бери так!

Ылгаз зло скривил губы. Битабар презрительно сощурился. Премия то перед Ылгазом, то перед Битабаром.

На глаза попался смеющийся Али.

— Бери, друг, ты эту премию,— сказал Битабар.

Али благодарно кивнул:

— Если два льва спорят, справедливо, что добыча достается третьему.

Среди общего веселого смеха раздался голос Левенштерна:

— Мы не ограничиваем время работы в шахте. Не говорим — работай только днем или работай только ночью. Мы за хорошую работу! Будь то днем или ночью! Так что работайте, богатыри, добывайте уголек. Зарабатывайте славу.

Рядом с Битабаром опять женщина. Волосы у нее русые, глаза синие. Она ласково сказала:

— Это колбаса телячья, а это баранья колбаса. Надо кушать.

Битабар показал жестом: «Не хочу есть. Битабар пьет, но не закусывает».

Заиграла музыка, и Битабар увидел женщину пляшущей. Ноги ее легко подпрыгивали.

— Апырай!

Женщина стояла близко-близко к нему. Над ним склонились синие глаза. А может быть, над ним склонилось

небо? Белые облака плывут. Теплом веет. «Что делает эта кафир?»

Она сидела рядом. Она трогала каждый его палец и смеялась:

— Каждый палец как моя рука!

И снова в глазах синее небо. Оказывается, небо может смеяться, как и эта женщина...

У Битабара шла голова кругом. Он старался не смотреть на женщину с глазами цвета знойного неба. Потом он опять пил вино. Женщина тоже пила. Что-то она ему говорила, а он боялся смотреть в ее сторону. И все вокруг было удивительным, теплым и синим. Битабару было очень хорошо. Мимо плыли какие-то дома, изгороди. Позади осталась шахта. Кажется, он куда-то шел. Шел, опираясь на что-то горячее. Вдруг ему вспомнилась женщина. Танцует... Считает пальцы... Неожиданно мелькнула мысль: «Неужели они такие же, как и казахские жены? Или...» Едва он это подумал, как его обдало невыносимым жаром. Как будто бы огненный обруч охватил тело. Все внутри закипело и понесло его каким-то мощным течением в неизведанную бездну...

10

Битабар проснулся от испуга. За окном светлело. Все вокруг было бело, чисто. Белый потолок, белые стены, белая кровать. Рядом лежала женщина. Совсем не похожая на Слеусин. Русоволосая. Тело белое, нежное. Ноги ровные, как скалки. Она безмятежно спала, скрестив ноги, закинув одну руку за голову.

Битабар ужаснулся: «Как попал сюда? Почему рядом женщина?!»

Он вспомнил Амантая, подумал о своей Слеусин. Всю их долгую жизнь жена была с ним ласкова. Ни взглядом, ни словом не обидела его. И в нужде, и в богатстве была одинаково заботлива.

Битабару стало стыдно и досадно. Перед женой, перед сыном. Несмываемый грех это. Как загладить вину?

Часы пробили шесть.

Битабар не шелохнулся. Часы пробили семь. Женщина продолжала спать.

Битабар не выдержал, снова посмотрел на спящую. «Апырай! Казахским женам никогда не сравниться с этой женщиной!» Вновь Битабара охватил огненный обруч. Он повернулся. Женщина проснулась и обвила его шею горячими руками.

Когда часы пробили восемь, Битабар встал.

— Пожалуй, пойду,— сказал он.— Ребенок дома, гость живет у нас.

Полусонная, усталая женщина кивала головой.

— Как тебя зовут? — спросил Битабар, одеваясь.

— Мария.

— А, Мария? Хорошее имя! Мария! Как я пришел сюда, Мария?

Женщина лукаво улыбнулась:

— Сен болмады, жур деди. Я пошла сосын. Сен болмады, есик аш деди. Мен ашты сосын!.. (Ты сказал «идем», я пошла, ты сказал «открывай дверь», я открыла.)

Битабар, покачивая головой, громко смеялся:

— Мария, и ты на шахте работаешь?

— Я в конторе.— Она показала рукой, что работает на счетах.— Выдаю вам пайки, выдаю деньги...

— А-а... А где дети? Где муж?..

— Детей нет. Муж умер. Потом в Караганду приехала...

— А-а...

За дверью в лицо ему дохнул свежий ветер.

II

В сером утреннем сумраке он спешно шагал на шахту, стремясь поскорее уйти от дома Марии. Ему казалось, что из всех окон смотрят на него укоризненно и осуждающе.

На шахте Битабар встретил сына. Амантай, оказывается, пришел раньше отца. На лице парня можно было прочесть все то, что было у него на уме,— волнение и тревогу за отца.

— Папа, ты где был?

— Э-э, сынок... Не спрашивай,— Битабар на ходу придумывал, что бы ответить и как бы оправдаться.— Ночью тамыр увел меня к себе... Я был пьян. Насильно увел прямо с тоя.

— А-а, ясно... Мама испугалась, плакала... И я испугался за тебя. И дядя Мусатай очень беспокоился.

— Чего за меня бояться? — Битабар погладил сына по голове шершавой ладонью.— У кого хватит сил меня повалить, а? Не беспокойся... Пошли на работу.

Спустившись в шахту, они расстались, Амантай, весело напевая, побежал по просторному штреку к вагонеткам, к лошадям. Битабар посмотрел ему вслед. Светлые мысли у сына, поверил каждому слову... Ребенок еще!.. Битабар грустно вздохнул. Стыдно ему, что сказал сыну неправду. А как сказать правду? Разве потом оправдаешься?

Медленно шел Битабар к своему забою. Во рту неприятная горечь, в теле — противная слабость, словно он уже отработал смену. А голова стала тяжелой, словно ее наполнили камнями.

Взял в руки кайло, повертел. Стукнул раз, другой... Рука как ватная, словно из нее вынули стальную опору. Битабар присел на корточки, оперся спиной, почувствовал приятную прохладу, исходившую от каменной стены. «Сейчас бы чашку кумыса,— мечтательно подумал он, облизывая языком пересохшие губы.— Или хотя бы айрана!»

Раза два в забой заглядывал десятник, Битабар не видел его. Наконец тот не выдержал, спросил:

— Что сегодня с тобой, Битабар?

— Э-э, нашандик... Вчера водку пил. Все болит сегодня...

Десятник хитро прищурил глаза, ухмыльнулся:

— Водку пил, болеешь. А потом что было? Куда хо-

дил? — И покачал перед лицом Битабара пальцем: — Николай все знает! Можешь и не говорить, не оправдываться!..

Десятник опустил рядом с шахтером, покровительственно похлопал Битабара по плечу, потом, подмигнув, показал корявый большой палец:

— Мария — баба ядреная, как по-вашему?.. Мария жаксы! Во! И Битабар что надо! Во!..

Битабар потупил голову.

«Вот черт, уже разнюхал все! — подумал Битабар. — Все знает!»

А десятник, заметив смущение шахтера, не стал терзать его душу. С кем не бывает! Подумал, подумал и велел:

— Ладно, топай-ка ты домой!.. Работник из тебя сегодня никудышный... Отоспись, а завтра выходи в первую смену.

— Спасибо, тамыр...

Битабар поднялся и нетвердой походкой, словно под ногами качалась земля, двинулся по штреку...

12

На улице холодный свежий воздух показался приятным, каждый вдох освежал, словно глоток прозрачной родниковой воды. Добрался до дому, открыл дверь. Жена, мрачная, как грозовая туча, стрельнула колючим взглядом:

— А, беспутный хозяин этого дома явился!..

Битабар стянул чапан, снял шапку. И только теперь обратил внимание, что в доме холодно. Пощупал печь — холодная, нетопленая.

Мусатай, завернувшись в одеяла, лежал на подушках у стены. Услышав голос, он высунулся, хмуро спросил:

— Где ты ходишь ночами, Битабар?

Битабар присел рядом. Он понимал, что теми доводами, которыми отвечал сыну, здесь не обойдешься. Да к тому же Мусатай терпеть не может любого упоминания о тамыре Левенштерне.

— Той вчера поздно кончился... А после меня увел... увел насильно Ылгаз, тот самый, который прибыл на шахту с низовья Сарысу...

Мусатай сразу повеселел:

— Разве балуан Ылгаз здесь?

— Да, здесь... Он даже раньше нас приехал на шахту. Хорошо живет!

Битабар спасительно уцепился за благоприятную тему для разговора. Рассказывая о соревновании с Ылгазом, Битабар понемногу успокаивался.

— Жена, почему в доме холодно? Почему печь не топила?

— Нет угля, кончился. А хозяин этого дома здесь не ночует, и ему все равно, тепло в комнате или холодно...

— Апырай! — Битабар проворно встал. — Почему раньше не сказала? Давно бы привез... Сейчас привезу целую гору, топи только!

13

В конторе, едва Битабар вошел в приемную главного инженера, сразу встретился лицом к лицу с Левенштерном. Рядом с ним стоял Ылгаз.

— Как дела? — поинтересовался главный инженер, испытующе глядя на шахтера, как бы спрашивая: «Почему не на работе?»

— Плохо, тамыр... В доме холодно.

Левенштерн поднял брови:

— И тебе уголь нужен?

— Да, тамыр, надо бы...

— Вот и Ылгаз тоже просит угля, — Левенштерн повернулся к секретарше. — Вызовите ко мне бухгалтера.

Девушка, скользнув глазами по озабоченным лицам шахтеров, удалилась. Левенштерн пригласил обоих к себе в кабинет. Через несколько минут вошла Мария.

— Вы меня вызывали, Иван Иванович?

У Битабара сердце похолодело и опустилось куда-то вниз. Жар полыхнул в лицо, словно он приблизился к яркому костру: «О аллах, сохрани!.. Не дай покрыться позором!»

Левенштерн, посмотрев по очереди на шахтеров, улыбнулся чему-то своему. И Мария, кажется, догадывалась, что именно задумал главный инженер, и ее полные сочные губы растянулись в улыбке.

Битабар застыл в напряжении, лоб покрылся испариной, а во рту пересохло. «О аллах, эта кафир, эта неверная даже не стесняется, не опускает глаз как женщина, — с тревогой думал он. — Сейчас она вытворит что-нибудь!»

— Мария Александровна, у моих шахтеров перевелся уголь, как быть? — спросил Левенштерн, и в его голосе Битабар уловил скрытый подвох.

— Если кончился уголь, значит, надо выписать, — ответила она.

Смущенный Битабар не знал, как себя вести, куда деть свои крупные руки. Он сначала отвел глаза, чтобы не глядеть на Марию, однако не мог не глядеть на нее, Мария невольно притягивала его взгляд. Сейчас, при дневном свете, он имел возможность разглядеть ее. У Марии круглое розовощекое лицо, кожа гладкая, как у ребенка. Глаза, как вода, голубые. Волосы русые, светлые. И вся она кругленькая, крепко сбитая. Грудь высокая, тугая, ворот кофточки расстегнут и открывает шею... Битабар впервые в жизни видел такую женщину. Он смотрел на нее и не верил, что именно она вчерашней ночью покоилась на его руке...

— Идемте, — словно сквозь сон услышал Битабар голос Левенштерна.

Они пришли к месту выгрузки угля. Там высилась крупная, как лежащий верблюд, черная глыба. Она поблескивала в лучах зимнего солнца. В стороне толпились шахтеры, глазели. Им интересно, что будут делать с этой глыбой. Не зря же привел этих силачей главный инженер.

— Вот ваша работенка, кто-то из вас постарал-

ся.— Левенштерн показал на глыбу.— Тут на добрый месяц топить печь хватит!.. Кто из вас возьмет этот кусочек угля?

Битабар помялся, потом заговорил первым:

— Ылгаз моложе меня, пусть он берет.

нет, батыр! — Ылгаз даже отступил назад.— Дорогу всегда уступают старшим.

— Но свою силу норовит показать молодежь.

Ылгаз обошел угольную глыбу, меря ее прищуренным глазом. Пнул ногой — она не сдвинулась. Покачал головой:

— Нет, мне такого угля не надо.

Кто-то из шахтеров выкрикнул:

— Это Битабар вырубил! Пусть сам и забирает!

Битабар на мгновение оторопел. Неужели такую махину отколол он? Кажется, тогда, в смену, когда догонял Ылгаза. Битабар подошел к углю. Спиною почувствовал, как на него смотрят со всех сторон. Да еще Мария рядом стоит и улыбается, уперев руки в бока.

— Эй, расступитесь! Дайте арбу подкатить,— нарочито весело выкрикнул Битабар, снимая свой ремень.— Если не подниму, то помогите, люди!

Битабар обвязал ремнем руки, присел у поблескивающей громадины:

— Помогите, духи предков!

Угольная глыба оторвалась от земли. Люди замерли вокруг. Битабар, красный от неимоверного напряжения, со вздутыми, словно веревки, жилами на шее, шагнул к подводе и опустил глыбу... Подвода не выдержала и с треском развалилась.

— Так тебе и надо! — злорадствовал кто-то издалека.— Не будешь такими ломтями рубить!

Битабар стоял, опустив крупные руки, тяжело хватая открытым ртом воздух. Он смотрел на свою поломанную телегу и не знал, как быть дальше.

— Не печалься, батыр! — Левенштерн похлопал ладонью по спине борца.— Уголь будет!

Главный инженер тут же распорядился, чтобы лучшим

шахтерам сейчас же отвезли на подводе угля. Потом велел починить сломанную подводу и вернуть ее хозяину.

И еще Левеншпитерн сказал, что такие громадины больше рубить не стоит: ~~их~~ трудно грузить, да и вагонетки на них не рассчитаны...

— Хорошо, ~~та~~мыр, — произнес виноватым голосом Битабар. — Я все понял.

14

Некоторое время Битабар ходил притихший, обеспокоенный. Но время шло, и душа снова обрела покой. Битабар стал вспоминать Марию.

Вечерами, когда тушили свет и укладывались спать, он долго лежал на спине и, закрыв глаза, пытался представить себе ту, с которой провел всего одну ночь. Вспоминал ласковый голос русской женщины, ее нежные руки, жаркие вздохи... И сам себе улыбался в темноте. Потом поворачивался к Слеусину, протягивал руку. Жена лежала неподвижно, закутанная в нижние одежды.

— Что это у тебя за тряпки? — произнес он. — Путаница одна... Снята бы, что ли...

Слеусин, удивленная словами мужа, шевелила губами:

— Что с тобой случилось?

Битабар, не обращая внимания на ворчание жены, ощупывал ее костлявое жилистое тело:

— Э-э, одни кости... Ровная, словно доска...

Слеусин вспыхнула и сердито ответила:

— Ты что, только узнал меня? Что за напасть!..

Жена отодвигалась к стенке, куталась в одеяло.

Мерно тикали на стене часы.

Протяжно, с хрипотцой прокричал соседский петух. Его сильный гортанный голос четко выделялся на фоне петушиного хора. — «Ночную смену отмечает, — подумал Битабар, поворачиваясь на бок. — Еще только полночи прошло».

Вдруг кто-то резко и требовательно забарабанил в окно.

«Никак гость далекий,— решил Битабар,— близкие днем приходят!» И громко спросил:

— Эй, кто там?

— Открывай! — послышался незнакомый властный голос. И тут же распахнулась дверь, в комнату влетел холодный воздух, вошли незнакомцы, стуча сапогами. Семья Битабара, по аульному обычаю, никогда не запирала двери, не делала крюков.

— Кто это в ночную тьму сон людей тревожит? — рассерженно спросил Битабар, на шаривая в темноте одежду.

Двое незнакомцев чиркнули спичками, вспыхнули яркие язычки огня. И в этом свете Битабар увидел, что в дом вошли пятеро, все в военной форме. Испуг холодными мурашками пробежал у борца промеж лопаток: «Милиция!»

— Ойбой! — взвизгнула сдавленным голосом Слеусин и, закрывшись одеялом, забилась в дальний угол.

— Кто здесь живет? — спрашивал все тот же голос, и теперь Битабар при свете лампы увидел рослого милиционера.

— Я... я живу, нашандик...

— Как зовут? Как фамилия?

— Битабар... Битабар Елбаев,— Битабар почтительно ссутулился перед ним, опуская плечи.— Битабар не вор... Битабар не обманщик!..

— Еще кто есть?

— Э-э, жена есть... Сын Амантай...

— А еще? — требовательно и властно задавал вопросы старший.

— Го... гость... из аула...

Старший дал знак рукой. Двое остались у двери, а остальные вместе с хозяином вошли в соседнюю комнату. Мусатай, делая вид, что он спит, лежал под одеялом,

накрывшись с головой. Вперед шагнул один милиционер с наганом в руке.

— Эй, вставай! — он потормошил его носком сапога. — Просыпайся!

Мусатай нехотя высунулся из-под одеяла. Битабар с удивлением увидел, что у родственника на лице нет и тени страха, словно он давно ждал такой встречи.

— Показывай документы! — потребовал милиционер.

Тем временем старший, вынув из кармана фотокарточку, подошел ближе к свету. Он посмотрел несколько раз на Мусатая и на фотокарточку, сличая их, потом произнес:

— Он самый!

К Мусатаю подскочил милиционер, обыскал, потом, тщательно осмотрев рубашу, куртку, брюки, разрешил ему одеваться.

В доме начался обыск. Все перевернули вверх дном. Опорожнили сундуки, вывалив все содержимое на пол, ощупали каждое одеяло, подушки.

Проснулся Амантай и ошалело таращил глаза на милиционеров, которые хозяйничали в доме, а его силач отец беспомощно взирал на них. Громко рыдала Слеусин.

— Признавайтесь, куда спрятали золото? — кричал старший на Битабара и Мусатая.

Битабар удивленно разводил большими руками, торопливо бормотал:

— Никакого золота Битабар не прячет... Паек есть... Зарплата есть... Битабар уголь рубит... Зачем Битабару золото, нашандик?

Мусатай, опустив голову, молчал.

— А ну, вставай!

Милиционер взял из-под Амантая мешок, который принес Мусатай. Битабар ни разу не подходил к нему, не интересовался, что там лежит.

Из мешка вытряхнули на пол клочья шерсти, тряпки, тряпки, кусок кожи, скомканную рубашу... Что-то тяжелое глухо ударилось об пол.

— Здесь, кажется! — милиционер нагнулся, поднял

— Э-э, таксыр, подвинься чуть-чуть,— произнес Битабар и добавил по-русски: — Мало-мало давай места!

— Чаво? — огрызнулся тот и толкнул сильнее.— Заткни хайло, а то схватишь.

Сам не такой уж крепкий, Битабару будет по плечо, а командует, будто нары принадлежат ему. Или убежден, что степняки народ робкий и простодушный?

Битабар не знал, что делать. Схватить его за шиворот и поднять, как когда-то в молодости прикончил матерого волка?.. Но Битабар не решился на такие действия. Как бы потом хуже не было. Борец отодвинулся на самый край нар. Кто-то крикнул с верхнего настила:

— Здоровый, а трусливый!.. При таком росте и силенка должна быть. Закатил бы ему в лоб, и дело с концом!

Но Битабар отмалчивался. Зачем связываться? Дурной человек как брехливая собака. Лучше не трогать, меньше шуму будет...

— Э-э, таксыр... Простите! Простите!...

— Давай чеши отсюда! — зарычал курносый, сталкивая Битабара.

Тощий как жердь парень приподнялся на локтях и посоветовал, будто бы жалея Битабара:

— Ты лучше уйди. Он же зверь настоящий, ежели разозлится!..

Степняк тоже подумал: «Может, действительно лучше уйти с нар? Зачем связываться?» — а вслух сказал:

— Эй, таксыр, поднимите голову... Я возьму свой коржун...

— Чаво?

— Моя мешка...

— Какой такой мешок? Никакого твоего мешка нету!

— Зачем такие слова говоришь?.. — Битабар удивленно оглядел всех, ища сочувствия и поддержки. Неужели они не видят, что у курносого под головой пестрый мешок? Вчера Слеусин принесла в нем передачу. Битабар протянул руку.

— Вот моя мешка!

— Ты чего, очумел? Это мой!

— Э-э, таксыр!.. Как же так? Вчера жена принесла его мне. Там лежат хлеб, масло и курт. Не верите, таксыр? Откройте, посмотрите!..

Курносый не стал заглядывать в мешок. Чуть приподнявшись, он метнулся дикой кошкой вперед, и его маленький жесткий кулак с размаху впечатался в лицо Битабара. У того из глаз посыпались искры. Двумя руками степняк закрыл лицо, торопливо отшатнулся. Он был чем-то похож на вынутую из воды крупную рыбу. Бессилен и жалок.

Тощий, который еще недавно выражал сочувствие, теперь зло усмехался и подзадоривал курносого:

— Вдарь еще раз! Их учить надо, таких...

Курносый снова замахнулся, но Битабар испуганно попятился к стене.

— Не надо, таксыр!.. Не надо!..

У Битабара мелькнула мысль: «Схватить бы его за ногу да шмякнуть, вlepить в каменную стенку!» Но он тут же сдержал себя. Их много, а он один. Что будет делать, если все разом кинутся на него?

— Ну, чей мешок? — с издевкой спросил курносый.

— Ваш...

— То-то...

Битабар примостился на корточках у противоположной стены, опершись спиной о холодную цементную стену...

Утро надвигалось медленно, словно не желало придти в камеру. Битабар сжал голову ладонями. Он не знал за собой никакой вины, но чувствовал свою незащитность и беспомощность перед законом. Кто его поймет? Кто ему поверит? И с тяжелым сердцем стал думать о сыне, о жене. Как они будут жить, если его осудят? Вдруг он вспомнил Марию. Явственно вспомнил, как она лежала рядом с ним... Битабар зажмурил глаза, словно Мария находилась перед ним и он не желал на нее смотреть.

«Апырай! Нечистые поступки ведут за собой беду, — с горечью думал батыр. — Когда спотыкаешься на дороге

жизни, то и упасть нетрудно... А упавший человек встает тяжело».

17

В эту ночь и Мария не могла уснуть. Вспомнилось детство, юность... Далеко осталась Россия. Как случилось, что Мария оказалась в этом пустынном краю, где ничего, кроме травы да угля, нет? Что ищет она здесь, о чем хлопочет? О богатстве, о счастье? Счастье... Мария вспомнила Битабара. Легкая улыбка тронула лицо. Битабар... Битик или просто балуан, как зовут его в народе. Как все перепутано на свете. Далекий заснеженный городок ее детства и знойная степь, где родился Битабар. А ведь так легко было разминуться здесь, в бескрайней степи, хозяином которой был неприкаянный кочевой народ казахи.

Удивительный народ казахи. Выносливый, терпеливо переносящий и зимнюю лютую стужу, и обжигающий летний зной. Он отважен и доверчив, наивен и чист. Это, конечно, образ Битабара: доверчив, могуч и чуточку наивен.

Мария вздохнула. Взяла горячую подушку, повернулась на спину, закинув руки за голову. Она лежала тихо, спать не хотелось. Вдруг ей пригрезилось, что она так же, как черноглазые казашки, живет в степи, среди этих громадных, как великаны, наивных и романтических людей. Одета она в длинное платье, на голове белый кимешек¹. Рядом с ней Битабар, а Мария — жена казаха...

Причудится ведь такое! Она улыбнулась и снова повернулась в постели. За окном забрезжил рассвет. Встала раньше обычного, рано пришла на работу. С беспокойством ждала: когда же придет Левенштерн?

Секретаршу главного инженера, молоденькую девушку, забросала просьбами:

— Как только приедет главный, сразу извести меня.

¹ Кимешек — женский головной убор.

Минута в минуту, как и положено, явился на работу Левенштерн. Мария сейчас же пошла к нему в кабинет.

Главный инженер удивился ее раннему приходу, но виду не подал, а лишь мягко спросил:

— Мария Александровна, что случилось? У вас утомленный вид. Это не похоже на вас.

Мария улыбнулась:

— Слава богу, Иван Иванович, со мною все в порядке.

— В таком случае, что же могло взволновать вас и заставило прийти ко мне так рано?

Мария как будто бы ждала этого вопроса. Она оглянулась, словно кто-то мог их подслушать, и пододвинула свой стул поближе.

Левенштерн чуть прикрыл глаза, мгновенно пришли на память события недавнего прошлого: Караганда и эта голубоглазая русоволосая женщина, так резко отличающаяся от остальных. Когда они познакомились, он понял, что она не только красива, но и умна. Она вполне подходила на должность главного бухгалтера, и Левенштерн, не задумываясь, предпочел ее другим. Вскоре он убедился, что она к тому же очень деловита. Все это только усиливало внимание главного инженера к вновь поступившей. Он был благосклонен к ней, чаще других вызывал в кабинет и осторожно давал понять молодой женщине, что она нравится ему.

Что странного в том, что сорокалетний, в расцвете сил мужчина увлекся молодой женщиной? Может быть, и ничего. Но Левенштерн был очень осторожен не только в жизни, но и в любви. Он никогда не шел прямо в атаку. Он умел обдумывать все загодя, чтобы потом действовать наверняка. Он терпеливо и не спеша готовил сети. Он был опытен, а потому уверен в себе. Тем более что Мария не пугалась, шла ему навстречу, прямо в его ловушку, как ему казалось. Но скоро он понял, что это ему в самом деле только казалось. Мария была странной женщиной. Она как бы не понимала, чем вызвано особое внимание Левенштерна. В любое мгновение их встречи она была серьезна,

- Вы тоже пойдете?
 - Я готова следовать за вами, Иван Иванович!
 - А, ладно. Пойдем переговорим, выясним все точно.
- На этом и закончился разговор инженера и главбуха.

18

Битабар и не подозревал, что у него в шахтерском поселке столько друзей. Он не знал, что каждый день к конторе шли целые делегации горняков и просили главного инженера, парторга, председателя шахткома заступиться за «чемпиона соревнования». Приходили Ылгаз, коротышка Али, хмурый десятник Николай и многие другие. Шахта бурлила, всюду только и говорили о том, что милиция арестовала беглого казаха, который своровал слитки золота, и сожалели о несчастном шахтере Битабаре, который принял в свой дом родича, не зная, что тот беглый, что его разыскивают по всей степи...

— Засудят силача нашего, хотя он и не думал укрывать!

— Всем миром идти надо и доказать, что человек хороший! Власть наша — Советская!

— Просить надо партийных, им доверие большое! Пусть возьмут на поруки!

Рабочие — народ дружный. Они умеют постоять за себя, не дадут в обиду товарища.

19

С лязгом и звоном распахнулась дверь.

— Елбаев Битабар, на выход!

Битабар вышел. Заложил руки за спину. Он уже знал порядки.

— Иди вперед!

Битабар шагал по коридору.

— Направо!

Сделал поворот.

— Налево!

Знакомая тесная комната. Тот же слегка скуластый, с загорелым лицом следователь. Только черные волосы не растрепаны, гладко зачесаны. Воротник гимнастерки застегнут на все пуговицы. И сам он весь какой-то иной, хотя так же непрестанно дымит папиросами.

— Ой, Битабар, что с твоим глазом?

Это голос Марии. И только теперь Битабар видит, что она здесь. Мария сидит рядом со следователем. Сердце степняка дрогнуло: «Откуда появилась здесь эта кафир? Что ей надо?»

— Это его один заключенный кулаком погладил,— вставил слово караульный.

— Как же так? Кто же осмелился избивать такого силача? — удивленно и с нескрываемым сочувствием спросила Мария.

Караульный усмехнулся:

— Нашелся один. Такой великан, аж в два раза крупнее Битабара. Ростом вот такой,— и он выставил свой мизинец.

Все рассмеялись. Битабар неловко топтался на месте. Он только теперь заметил, что в кабинете присутствуют Левенштерн и Галиев. «Мой друг, мой тамыр.— Битабару как-то сразу стало легко.— Видно, он сразу пришел, как узнал про мою беду». Битабар кинулся к главному инженеру.

Левенштерн тоже пошел навстречу, улыбаясь, протягивая руки:

— Что случилось? Раньше мы знали силача Битабара, шахтера Битабара. А теперь чуть не стал преступником Битабар...

— Э-э, тамыр... Теперь все можно сказать!.. Разве мне верят...

— Рабочий класс Казахстана молодой еще, но уже сильный! — Председатель шахткома тоже вышел из-за стола, пожал руку.— Мы не дадим в обиду своего чемпиона!

— Это Мария Александровна, наш главный бухгалтер,— говорит Левенштерн, а Битабару кажется, что тот представляет ее специально.— Знаешь ее, тамыр?

— А, Марья... Марья карош... Марья карош женщин...

Мария весело засмеялась. От ее звонкого смеха в этой тесной комнате сразу как-то стало веселее, словно заглянуло в окно солнце.

— Мария Александровна действительно хорошая женщина,— Левенштерн изучающе смотрел на Битабара.

— Да, тамыр...

Битабар кивнул Левенштерну, а сам подумал: «Почему он ее так расхваливает?» И мельком взглянул на Марию. Та продолжала улыбаться. Она повернулась к следователю, и хмурое скуластое лицо того как будто бы засветилось изнутри. Следователь подмигнул Марии и тоже заулыбался. «Оказывается, и начальники в тюрьме могут смеяться? — удивился Битабар.— О, справедливый аллах!»

Следователь, не переставая улыбаться, обратился к Битабару:

— Мы освобождаем вас, гражданин Елбаев, отдаем на поруки. Понимаешь?.. Вот они, Иван Иванович, Мария Александровна и Мухтар Галиевич, дают за вас поручение.

— Хорошо, нашандик... Рахмет.

— Не меня, их благодари,— следователь взглянул на часы.— Гражданин Елбаев, вы свободны!

— Спасибо, нашандик, рахмет,— Битабар приложил свою тяжелую ладонь к сердцу и поклонился.— Здесь еще мой родственник... Мусатай... нельзя его освободить?

Левенштерн и Галиев нахмурились. Следователь отрицательно покачал головой и строго сказал:

— Мусатай будет отвечать за свои дела. А вы, гражданин Елбаев, повторяю, свободны!

Что такое «будет отвечать», Битабар не понял. Он только подумал: «Сам освободился, а Мусатай остается... Что завтра скажу родным, аулчанам?» По суровому лицу следователя увидел, что спорить здесь не имеет смысла:

«Начну требовать, он меня обратно засадит... Власти у него много, даже мой тамыр почиттелен с ним...»

Открылась дверь. Битабар вышел на улицу. **Зажмурился** от яркой белизны. За эти дни выпало много снега, и шахтерский поселок стал нарядным. Как много простора! Как чист и свеж воздух! И небо над головой высокое и светлое!..

У тюремных ворот стояла машина. Та самая, которую в прошлом году поднимал Битабар, вытаскивая из трясины.

— Садись, друг, поедем, — пригласил Левенштерн.

Битабар покачал головой.

— Не серчай, тамыр, я пойду своими ногами, они соскучились ходить по земле.

Вдыхая полной грудью морозный воздух, Битабар шагал к поселку. Под подошвами похрустывал снег. Терриконы, кажется, стали еще выше... Шахта... Из труб идет дым, поднимаясь столбом в чистое небо... За шахтой расстилается степь, в загадочном зареве чуть виднеются холмы...

Он шел по улице, ставшей за эти дни родной и близкой, словно прожил здесь всю свою жизнь. За поворотом — его дом. Снег белой шапкой лег на крышу. Из трубы вился синеватый дымок... Светились приветливо окна...

20

Несколько дней, проведенных Битабаром под стражей, заставили его по-новому посмотреть на обыденную жизнь, понять цену свободы. Никто не заставляет тебя подниматься, никто не гонит на работу. Все делаешь сам. И окно в доме широкое, много дает света.

На улице идешь в любую сторону, куда только захочется, домой возвращаешься после смены с приятной усталостью... Что же еще нужно человеку? Зачем ему золото, зачем деньги? Краденое богатство никогда не дает ощу-

щения счастья. Все сокровища мира не стоят одного дня свободы.

Битабар, шагая по улице шахтерского поселка, отвечал на приветливые возгласы знакомых и не знакомых ему людей. Он как-то сразу перестал чувствовать себя чужаком. Все жители казались теперь ему близкими и дальними родственниками, как в родном ауле, только здесь их всех объединяла не кровная связь, а трудовая жизнь шахты.

Люди жили одной трудовой семьей. Здесь каждого человека оценивали не по накопленному богатству, а по его трудовым успехам. Битабару приятно было чувствовать себя центром внимания, словно вернулись дни его молодости, когда непобедимым борцом разъезжал он по степи. Только слава его теперь была совсем иной, наполненная смыслом жизни. Он нашел свое место, утвердил себя.

Но его мучили и тревожные мысли. За эти дни Ылгаз намного обогнал Битабара, и придется крепко приналечь, чтобы догнать рябого великана. Тот наверняка уже нарубил целую гору угля. Надо было что-то предпринять. И Битабар впервые за всю свою жизнь начал ценить время, дорожить каждой рабочей минутой. Он стал раньше выходить из дому, спешил на шахту, чтобы там лучше подготовиться и поскорее спуститься под землю.

Однажды он привычно спешил на шахту. Вдруг его остановил женский голос:

— Битабар, погоди!

Битабар вздрогнул. Он узнал этот голос. Со стороны канцелярии к нему спешила Мария, раскинув руки, как будто собиралась обнять Битабара. Голубые глаза женщины были похожи на озера в жаркой степи.

— Битик! Как хорошо! Я знала, что ты не виноват. Битик...

Губы ее раскрылись в приветливой улыбке. Слова манили, звали...

Битабар растерялся. Ему хотелось ответить на приветствие, но что-то остановило его. Он отвернулся. Мария подошла ближе:

— Битик...

Битабар глядел в сторону. Но, глядя в сторону, он все же видел ее всю. Мысленно. Видел белую нежную шею Марии, видел ее грудь, тонкую талию, которую можно обхватить ладонями. Битабар знал эту женщину. Он помнил о ней все. Нет! Нет! Он не знает этой женщины! Ничего не знает! И не хочет знать! Загадочная, таинственная, она, как весенний поток бурной реки Сарысу, унесет с собой, соьет с ног. Она, как знойный ветер, обожжет и иссушит.

Битабар махнул рукой и пошел прочь.

Мария догнала его. Она заглянула в его глаза, но ничего не успела сказать.

— Мария, уходи. Битабар пошел к тебе... Потом попал в тюрьму... Путь Марии плохой. Марья — некароший.

Мария не поняла этих слов и растерялась. Битабар больше не останавливался. Теперь в его собственной воле — остановиться или нет.

«Поймет или не поймет, ее дело, — думал Битабар, шагая, — меня не касается. Марья некароший».

В шахте он встретился с Ылгазом. Тот работал старательно. Да, десять дней такой работы, и попробуй догони его. Увидев Битабара, он закричал:

— Ну, балуан, теперь держись! Работай хоть днем, хоть ночью — меня тебе не догнать!

Битабар не стал возражать. Зачем возражать напрасно? Сначала надо добиться кое-чего, а потом уже и спорить. Он молча прошел мимо, мечтая о той минуте, когда очутится в забое, когда кайло окажется в его руках.

21

Битабар опаздывал на собрание. Пока поднялся из шахты, умылся, переоделся, другие, более шустрые, уже спешили к шахтерскому клубу. А Битабар не привык суетиться, спешить, тем более после нелегкой работы. У него в ушах все еще гремят удары кайла по угольному

пласту, щемит в глазах от соленого пота, усталое тело ноет, особенно предплечье и спина... Но все же то была приятная усталость, наполненная радостью победы. Еще бы! Он сегодня за одну смену выдал пять норм. Десятник хлопал его по одеревеневшему плечу и показывал растопыренную пятерню:

— Ну сегодня врзал!.. Пять норм!.. Понимаешь, пять!.. Это же рекорд!..

Что такое «рекорд», Битабар не знал, но слова «пять норм» понимал превосходно. Он устало улыбнулся, смахивая пот со лба. Не зря старался, смена прошла удачно. А как сегодня работал Ылтаз? Сколько он выдал? Он вопросительно посмотрел на Николая, и тот, понимая, о чем думает шахтер, ничего не ответил, а только показал на пальцах: три с половиной.

«Через неделю догоню, если и дальше так буду работать,— думал Битабар, направляясь к клубу.— Обязательно догоню этого рыжего верзилу!»

Когда он открыл дверь в зал, собрание уже шло и с трибуны выступал главный инженер. Битабар, втянув голову в плечи, старался войти незамеченным и присесть где-нибудь на свободном месте. Глянув на президиум, заметил рядом с Галиевым нового человека. Слегка курносый, скуластый, светловолосый, одет по-городскому. Вместе с Левенштерном вчера вечером был у Битабара.

— Тамыр, этот человек пришел, чтобы увидеть тебя,— сказал Левенштерн, представляя своего гостя.

Битабар, уловив скрываемое внутреннее волнение, заключил, что незнакомец — большой человек, по чину выше Левенштерна. И не ошибся в своих предположениях. Незнакомец пожал корявую сильную руку Битабара и назвал себя Заманбеком Батталхановым, приехавшим из Алма-Аты.

— Давай знакомиться, батыр,— он говорил уверенно и уважительно, не отпуская из своих рук широкой пятерни Битабара.— Давай знакомиться, знатный шахтер Караганды!

Битабар провел гостей во вторую комнату, усадил на почетное место, обложил подушками. На разостланном дастархане появилось много сахара, конфет, масла. Жена стала спешно варить мясо.

— Как живете на шахте? Не обижает Левенштерн? — допытывался приезжий, отхлебывая круто заваренный чай.

— Э-э, зачем такие слова говорить? Битабар ни на кого не жалуется! Пусть даже убьют его, он слова плохого не скажет.

Батталханов забеспокоился, остро взглянул в глаза батыра.

— Судя по таким словам, тебя, наверно, обижали, Биеке?

— А чем он может меня обидеть? У Битабара есть руки, есть ноги, есть и сила. Уголь Битабар рубает хорошо, пусть тамыр скажет.

Левенштерн смотрел на гостя из Алма-Аты, подтверждая слова Битабара.

— Он у нас первый чемпион.

— Вот так и живем, — Битабар подвинул тарелку с вареным мясом. — Битабар никого не обижает. И другие не должны обижать Битабара. Степь кругом большая, место для одной юрты всегда найдется. Битабар сам пришел на шахту, его не тянули на аркане.

— Я много слышал о тебе, батыр. — Батталханов взял кусок мяса. — Слышал еще много лет тому назад, как ты побеждал всех, теперь рад твоей победе на шахте. Поэтому хотел увидеть, посмотреть на тебя.

Битабару было приятно, что такой важный человек прибыл из главного казахского города Алма-Аты в далекую Караганду, чтобы познакомиться с ним. Он вспомнил, как в молодости прибывали люди из далеких аулов взглянуть на батыра, как незаметно они старались прикоснуться руками к его плечам, спине, чтобы ощутить мощь его железных мышц, как ему приходилось показывать «богатырскую игру», демонстрировать силу, поднимать верблюды...

Сейчас иное время, иная слава идет о Битабаре. Его портрет на самом видном месте Доски почета, о нем написано в газете.

— А некоторые все еще болтают, что из казахов не выйдут шахтеры, что их под землю ничем не заманишь.— Гость многозначительно взглянул на Левенштерна.— А вот он разве не настоящий шахтер?

Главный инженер хитро улыбнулся:

— В том, кажется, есть заслуга и Левенштерна.

— Конечно, есть!..

И вот сейчас, когда Битабар на цыпочках вошел в переполненный зал, Заманбек Батталханов порывисто встал и, прерывая выступавшего Левенштерна, громко произнес:

— Товарищ Битабар Елбаев, пожалуйста, проходите сюда! Сюда, на сцену, в президиум. Здесь место знатному шахтеру!

Зал одобрительно зашумел, и Битабар, смущаясь и краснея, зашагал по узкому проходу к сцене. На ногах батыра казахские сапоги саптама, сделанные местным сапожником из сыромятной кожи, с высокими и широкими голенищами. На плечах темно-зеленый чапан, подпоясан батыр широким ремнем с серебряными насечками.

В президиуме задвигали стульями, потеснились, освобождая место Битабару. Он поднялся по лесенке, шагнул к столу, покрытому красным ситцем. Заманбек протянул почтительно шахтеру обе руки, приветливо улыбнулся.

— Садись, садись, карагандинский батыр!

Битабар осторожно примостился на стуле, боясь, как бы он не разломился под тяжестью тела. Потом успокоился, прислушался к словам Левенштерна, чья плавная речь лилась и лилась, словно речка по камешкам, приятно журча. Левенштерн говорил о достижениях шахты, о перевыполнении планового задания, называл имена шахтеров.

Потом заговорил Заманбек Батталханов. В зале стало тихо, шахтеры внимательно слушали каждое слово началь-

ника угольного треста. Битабар, подавшись вперед, не сводил глаз с Заманбека. Речь его была цветистой и яркой. Битабар понял самое главное: что раньше казахи только кочевали, пасли скот, немного обрабатывали землю. И сейчас они пасут скот и кочуют. Раньше у казахов не имелось своих рабочих, а сейчас они есть. В степных просторах много разного богатства лежит под землей, и взять его оттуда могут лишь рабочие руки. В казахских степях появился новый рабочий класс, и вся власть в руках рабочих.

— В наших руках,— заговорил Заманбек,— в руках самого передового класса, рабочего класса!

Битабар положил на стол, покрытый красным ситцем, свои мозолистые ладони с вьевшейся в них угольной пылью и в недоумении стал рассматривать: «Неужели в этих руках вся власть? А как же тогда нашандики, куда они денутся?»

— Рабочий класс — главная сила мирового пролетариата,— продолжал Заманбек,— так сказал наш вождь товарищ Ленин!

Битабар успокоился: раз сказал Ленин, значит, все правильно.

Вместе со всеми он горячо аплодировал, звучно хлопая в свои широкие ладони.

А Заманбек не собирался покидать трибуну. На сцену вынесли фанерный щит, на котором художники нарисовали план будущего города Караганды, центра казахского угольного бассейна. Заманбек Батталханов, двигая по плану длинной указкой, рассказывал, какой станет Караганда в ближайшем будущем, показывал, где вырастут новые жилые дома, где будут магазины, театр, кино, баня.

Баня заинтересовала Битабара. Он любил мыться, греть кости в сухой азиатской парилке, где топят под полом и нагревают камни, на которых можно расположиться и нежиться... Зал дружно аплодировал, и Битабар хлопал яростнее всех.

— Строительство нашей Караганды записано в госу-

дарственный пятилетний план — план народа. Народ хочет лучше жить, народ принял решение выполнить пятилетку за четыре года. Для этого надо только трудиться от всей души, не жалея сил! Если мы будем больше давать стране угля, а металлурги дадут больше железа, то наша Караганда станет красивым городом еще раньше. Все зависит от нас с вами, товарищи!

Заманбек сделал паузу, подождал, пока стихнет зал, и продолжал:

— Вот только что поступило сообщение, что в далеком шахтерском крае, который называется Донбасс, шахтер Алексей Стаханов за одну смену выдал семь норм и нарубил отбойным молотком сто две тонны угля!

Битабар не знал, что такое отбойный молоток, он знал только кайло. Он потянул за рукав Галиева, и тот стал объяснять, какой из себя этот удивительный молоток, который сам, только нажимай, входит в угольный пласт, как нож в масло. «Волшебный какой-то молоток,— подумал с завистью Битабар.— Мне бы такой!»

— Алексей Стаханов применил новые методы труда, до конца использовал технику,— говорил Заманбек Батталханов.— У нас еще нет таких отбойных молотков, но они скоро появятся и на наших шахтах. Наши шахты получают в скором времени новое современное техническое оборудование. А люди, замечательные люди, у нас есть. Это гордость рабочего класса Казахстана. И я рад сегодня сообщить, товарищи, что наш балуан Битабар, знаменитый в прошлом борец, а сегодня знатный шахтер Битабар Елбаев тоже установил рекорд. Он выдал за свою смену пять норм!

Громко зааплодировали, и Битабар, смущаясь, поднялся со стула, неловко поклонился залу. Но аплодисменты не стихали. Галиев подтолкнул батыра в бок и показал на трибуну. Битабар понял — слово дается ему. Он засмущался еще больше: что он скажет такому важному собранию? Битабар привык выходить на круг для борьбы, смело глядя в лицо опасности, привык кайлом рубить уголь

в своем забое, где он оставался один на один с черным камнем. А вот много и складно говорить он не привык. Грамоте с детства не был обучен, в состязаниях остро-словов не участвовал. А тут надо речь держать перед всей шахтой, сказать что-то умное, а то потом засмеют.

Битабар скользнул взглядом по рядам, увидел живые глаза коротышки Али, которому только попадись на язык...

— Давай выходи! — Галиев нетерпеливо подталкивал Битабара.

Битабар собрал все свое мужество и, тяжело ступая, шагнул к фанерной трибуне, словно к сопернику по борьбе. В зале сразу стало удивительно тихо.

— Мое слово будет такое,— начал он и, облизав пересохшие губы, продолжил громким голосом,— слово Битабара! Оказывается, если в почете шахта, то в почете и мы — шахтеры! А для этого мы должны работать. Так давайте, джигиты, покажем свою силу! Будем работать — рубить уголь!.. Много угля! Великий батыр Ленин дал нам власть. А мы дадим нашей власти много угля! — Он посмотрел, как улыбались и шумно били в ладоши шахтеры, приветствуя его, Битабара, и закончил: — Русский балуан Алексей дал семь норм! Сегодня Битабар дал только пять... Но Битабар тоже даст семь норм! Вот мое слово!..

22

Битабар выполнил свое обещание — дал за одну смену семь норм. Только не сразу, не на следующий день. Первые же попытки догнать неизвестного русского шахтерского богатыря кончились безуспешно. Более пяти норм за смену Битабар нарубить не мог. Он ходил хмурый и злой. Ни с кем не разговаривал, а дома, завалившись спать, часами лежал лицом к стене и думал. Как же так? Почему у русского получается, а у него не выходит семь норм?.. Неужели тот сильнее Битабара? Он принес домой вырезку из газеты, где был напечатан портрет Алексея Стаханова,

и долго рассматривал улыбчивое, открытое лицо русского батыра. Ничего сверхъестественного в его облике не было, и силой особой не веяло. Простой, обычный человек. Только вот глаза выдавали в нем большую энергию, напористость: взгляд у Стаханова был обнажающе прямой, честный. «С таким приятно бороться,— думал Битабар,— наверно, и он в молодости занимался «богатырскими играми», много ездил по русским краям, боролся на русских тоях... Жаль, что с ним мне не пришлось встретиться. Великий батыр!»

В воскресенье к Битабару неожиданно пришел в гости десятник Николай. Он вошел в дом и, широко улыбаясь в усы, громко сказал:

— Принимай гостей, шахтер!

Николай уселся, поджав по-казахски ноги, и поставил на дастархан бутылку водки, которую вынул из кармана.

— Будем мозговать, шахтер!

Битабар отказался пить водку и велел сыну принести объемистый бурдюк с кумысом:

— От водки голова болит, плохо, плохо... А кумыс очень хорошо, нашандик!

Николай не отказался от кумыса. Выпили, закусили, потом Слеусин подала бесбармак.

— Мы решили тебе помочь,— начал Николай,— тебе одному не справиться с рекордом.

— Битабару помогать не надо! — нахмурился батыр, неприязненно оглядывая Николая. — Битабар будет рубить уголь сам!

— Не кипятись, ты не чайник,— Николай налил себе кумыса.— Я дело говорю.— И он передал Битабару, что бригада шахтеров хочет оказать ему помощь. Каждый думал, и вот сообщая пришли к мнению, что Битабар теряет много времени на подтаскивание и установку крепежных стоек.

— Понимаешь, Федька-рыжий принес газету, а там написано, что Стаханов сам не ставит крепежи, он только рубит уголек. Всю смену напропалую только рубает!

Битабар от удивления даже опустил руки с чашкой и пролил немного кумыса на брюки.

— Где газета? Покажи! — не поверил он словам десятника.

Николай вынул из кармана сложенную газету и медленно, четко выговаривая каждое слово, чтобы было понятно Битабару, стал читать статью, в которой описывался ударный труд Никиты Изотова.

— Э-э, это совсем не тот русский батыр, — сказал Битабар.

— Да, но он первым пошел на рекорд, а Стаханов за ним и обогнал своего учителя. Они соревновались, как вот ты с Ылгазом, понимаешь? Стаханов стал первым, понимаешь?

Теперь Битабару многое стало ясным. Он нашел резерв нужного времени, те драгоценные минуты, которых так не хватало ему в забое. Надо заранее подготовить крепежные стойки, подтащить их к забою, а еще лучше, если такую работу будет делать кто-то другой. И, как бы читая мысли Битабара, десятник сообщил, что с завтрашнего дня к Битабару прикрепляется опытный крепильщик.

Битабар несколько мгновений смотрел на Николая, словно тот ему привел в подарок верблюда. Потом порывисто встал, схватил Николая в объятия, приподнял:

— Апырай!.. Какой ты есть хороший друг!

Битабар позвал Амантая и велел сыну сейчас же резать самого жирного барана, а потом звать всех членов бригады:

— Сегодня в моем доме будет той!

А через два дня, тщательно подготовившись, запасшись крепежным лесом, Битабар вышел на ударную смену и выдал, наконец, желанные семь норм.

Весть о победе разнеслась по шахте. О ней писали в местной газете, говорили по радио, и жена Битабара, утирая от радости концом платка слезы, слушала диктора и не замечала, как пригорает обед...

Кайло не отбойный молоток. Вырубленные Битабаром семь норм, конечно же, намного ниже были норм Алексея Стаханова, но карагандинцы гордились своим рекордсменом. Битабар и его друг и соперник по соревнованию Ылгаз участвовали в областной профсоюзной конференции, там их обоих избрали делегатами республиканского съезда.

Накануне отъезда в Алма-Ату Битабар спустился в шахту. Настроение у него было боевое, и он решил попытаться за смену дать больше, хоть немного больше семи норм, хоть восемь, чтобы ехать в столицу республики с победой.

Шахтеры и рабочие молодой Караганды, избранные делегатами на республиканский съезд профсоюзов, заблаговременно прибыли на вокзал. Впрочем, это временное строение трудно назвать вокзалом — низкая бревенчатая избушка, на фасаде вывешен кумач со словами приветствия делегатам.

Поезд был уже подан, паровоз попыхивал дымком. Путь предстоял нелегкий, хотя по прямой до Алма-Аты не так и далеко. Однако еще не проложен железнодорожный путь, и ехать приходилось окружной дорогой через Акмолинск, Кокчетав, Кзыл-Жар, Омск, Новосибирск, Семипалатинск...

Подкатил легковой автомобиль, и вышел Левенштерн. Лицо усталое, в глазах тревога. Он оглядел делегатов и сказал бесстрастным сухим голосом:

— Надо садиться... До отхода осталось пять минут.

— А как же Битабар? — слышались вопросы. — Почему опаздывает? Как же без него ехать?

— Садитесь в вагон, — повторил Левенштерн. — Надо ехать!

Ылгаз первым почувствовал беду в скупых словах Левенштерна, в его необычно бледном лице.

— Что с Биеке? Почему он не с нами?

— Он ехать не сможет,— Левенштерн обвел всех сухим грустным взглядом.— Произошло несчастье... Обвал... Мы его отправили в больницу... Не знаю, выживет или нет.

Раздался звон вокзального колокола.

Делегаты вслед за Левенштерном двинулись к вагону. Прозвучал гудок паровоза, и пассажирский поезд тронулся в дальний путь...

24

Битабар с трудом поднял тяжелые веки, открыл глаза. Необычная белизна поразила его. Все вокруг было снежно-белое: белый потолок, белые стены, белая простыня... Он закрыл глаза, пошевелил пальцами правой руки.

Вдруг до его слуха донеслись тихие всхлипывания и чей-то строгий голос:

— Нельзя, понимаете, нельзя к нему!

— Я только одним глазком посмотрю, только одним глазком, доктор!..

Битабар узнал голос жены. Слеусин здесь, это хорошо...

Он чуть улыбнулся. Снова открыл глаза, огляделся. Где он находится, в чьем доме? На чьей постели лежит?

— Где я... лежу? — Битабар напряг голос, казалось, что прокричал свой вопрос, а вышел чуть слышный шепот.

— В больнице,— вздохнув, сказала жена.— Уже три дня...

— А-а...

Рядом с кроватью незнакомая женщина в белом наряде. Битабару показалось, что это пришла Мария. Он хотел закричать, прогнать ее от себя, но только тут заметил, что женщина другая, старая, у нее седые волосы. Она с ложечки что-то капает ему в рот и все время говорит:

— Пейте... Пейте... Это лекарство... Оно помогает вам.

— Пей, Биеке,— повторяет жена.— Пей, Биеке...

Битабар проглотил лекарство и спросил:

— Ты давно здесь?
— Да,— ответила Слеусин.— Сплю в коридоре.
— Как Амантай?
— Работает... Хорошо работает.
— А где наш тамыр?
— Говорят, что он еще не вернулся из Алма-Аты.
— Да, да, понимаю... Он на съезде... А то бы пришел, конечно, пришел!..

25

Дни проходили один за другим... Кончалась зима, на-
двигалась весна. Она была еще далеко, но солнце уже
растапливало сосульки над окном, и Битабар видел, как
прозрачные капельки сбегали с остроконечных ледяных
пальцев и падали вниз...

Битабар постепенно поправлялся. Железный организм
борца выдержал и победил в борьбе со смертью. Переломы
срастались, большое тело медленно наполнялось жизнен-
ной силой. Битабар уже чуть привставал, ворочался на
кровати. Только его донимал кашель.

Здесь, в больнице, он понял, как его уважают шахтеры.
К нему каждый день приходило много людей, знакомых
и незнакомых. Приносили еду, фрукты.

В палату ввалился рябой Ылгаз. Больничный халат,
словно детская рубаша на взрослом джигите, еле-еле дер-
жался на его плечах. Ылгаз принес блюдо с горячей,
дышащей ароматным паром вареной бараниной.

— Меня, понимаешь, тоже поставили в очередь,— с
порога начал Ылгаз свои возмущенные слова.— Безобра-
зие! К другу не попадешь, словно он начальник важный!..

Развязав платки, он поставил блюдо с мясом на тум-
бочку у изголовья батыра:

— На, поешь... Тут курдючное сало, самые вкусные
кусочки мяса, почки... Я в детстве очень любил почки, они
такие сладкие! Ешь, поправляйся!..

Битабар с удовольствием взял пальцами вкусное сочное мясо.

— Расскажи, как прошел съезд.

— Народу много, клуб большой... О тебе наши вспоминали. Заманбек говорил, в газетах тоже писали все о тебе: Битабар, Битабар! Герой!.. Шахта наша в почете. Левенштерн деловой человек. Его хвалили.

— А где сейчас наш тамыр?

— Как — где? На работе. Он вчера к нам приходил. Бодрый такой, все требует. Говорит, что цена шахтеру, который не оправдывает доверия партии, доверия советской власти, не больше копейки...

У Битабара болезненно заныло под сердцем: «Почему он ко мне не пришел? Неужели ему легче было идти в тюрьму, чем в больницу?»

Чтобы избавиться от мучительного вопроса, перевел разговор на другую тему.

— А какой город Алма-Ата?

— Эй! Такой большой город, прямо как рай. Приехали мы, а там тепло, снега нет, бурана нет, совсем не чувствуется ветра... Люди ходят в легких чапанах, а мы приехали в сапогах с толстыми голенищами, в тяжелых овчинных тулупах, в малахаях... Скажу, батыр, что в забое я так не потел, как там... Люди на улице на нас смотрят, улыбаются, как будто бы мы из Сибири приехали...

Битабар повеселел, улыбнулся:

— И я тулуп тогда приготовил.

— А какие там яблоки, батыр! Мы таких не видали и не слышали. Пришли на базар, а там целые горы. Бери, выбирай!.. Горят, как тюльпаны, а сами крупные, как твои кулаки.

— Вкусные?

— Такие вкусные, что язык проглотишь!.. За один присест, понимаешь, можно целое ведро съесть. Но все равно не насытишься, только оскмину набьешь.

— Э-э, нет ничего лучше хрустящих на зубах казы и карта,— сказал Битабар.

— Верно, что нет ничего вкуснее казы и карта. Что с ними сравнится?

Битабар и Ылгаз с удовольствием рассмеялись.

26

Недели проходили одна за другой...

Наступила весна. Битабар начал постепенно ходить, опираясь на костыли. Но радости было мало. Ноги не слушались его, были как чужие, и он с трудом передвигался по палате. У него часто першило в горле, его душил кашель, от которого долго болело в груди. Руки и ноги крепили, тело обретало подвижность, однако боли в груди не проходили.

— Все от лекарств, они мне там портят все внутри,— ворчал Битабар.— Пьешь здесь всякую гадость... Хоть бы разрешили чашку кумыса.

Битабар подходил к окну и усаживался на табуретку.

Снег давно сошел. Видны камни, блестят на солнце лужицы, протянулись колеи от повозок... В грязи отпечатаны следы людей... Напротив больницы — дом, над крышей — шест со скворечником. Сидят два скворца. Битабар долго на них смотрел. Птицы о чем-то щебетали, взлетали, садились...

Битабар прислушался, приблизив ухо к стеклу. Ничего не слышно. Почему? Почему не слышно птичьих голосов? Битабар так соскучился по птичьему пению...

Он ткнул в окно концом костыля. Стекло глухо звякнуло и рассыпалось мелкими осколками... В палату ворвался свежий ветер и звуки с улицы.

Больные недовольно зашумели:

— Окно разбил! Окно!..

Прибежал доктор в белом халате:

— Что вы наделали, товарищ Елбаев?

— Надоело лежать в вашей больнице!.. Надоело!.. Вот, сам могу ходить.— Битабар тяжело дышал.— Отпускайте домой!..

Через неделю его повели на медицинскую комиссию. Трое докторов внимательно осматривали его тело, выстукивали пальцами по ребрам, по спине, долго тыкали в грудь и спину черной трубкой и, приложив к ней ухо, выслушивали биение сердца и дыхание, заставляли дышать и не дышать, кашлять... Мучили долго, он слегка вспотел с непривычки.

— Все хорошо, доктор... Битабар совсем здоровый, как паровоз!

Заключение медицинской комиссии прозвучало как приговор: «После перенесенных травм у Битабара Елбаева предрасположение к туберкулезу, и потому ему категорически запрещается работать под землей...»

— Вам нужен чистый воздух,— пояснил седой длинноносый врач, смотря на Битабара снизу вверх,— нужна хорошая пища, свежее мясо, кумыс...

У Битабара пересохло во рту. Он неприязненно и зло смотрел на седого сморщенного доктора, который так безжалостно перечеркивал шахтерскую жизнь, шахтерскую славу батыра.

Битабар мог одной рукой схватить этого длинноносого очкастого человека, осмелившегося произнести такие тяжелые слова, и выкинуть в окно. Ему хотелось шагнуть к столу, схватить бумаги, в которых записывали что-то доктора, порвать их, бросить на пол, истоптать ногами... Как же они осмелились говорить Битабару, что нельзя ему спускаться в шахту? Как он будет жить без шахты?!

— Апырай! — выдохнул Битабар, думая с болью и горечью, что маленькие люди не понимают сердца сокола.

Круто повернувшись, Битабар застучал костылями по полу, направляясь к выходу.

Дни проходили за днями. Битабара наконец выписали из больницы. Распрощался степняк и с костылями. Теперь

его спутником стала палка. Он часто выходил из дому, усаживался на солнцепеке и сидел, прикрыв глаза...

К Битабару приходили шахтеры.

Расспрашивали о самочувствии, подбадривали, рассказывали о новостях.

Битабар постепенно входил в привычную колею жизни. Снова требовательно звучал его голос:

— Жена, вставай, ставь чай... Неси масло.

— Жена, наливай погуще, получше...

Слеусин старалась угодить, она не возражала. Лишь ругала продавца.

— Э-э, жена, постой! Ты же еще недавно расхваливала его?

— Как ты заболел, он сразу изменился... Совсем маленький паек дает... Перестал правильно давать на талоны.

Битабар грустно усмехнулся. Он вспомнил давний разговор с Левенштерном, еще в первые дни приезда на шахту: «Зарплату получил?» — «Получил, тамыр». — «А пайки?» — «И пайки получаем...» — «Их я тебе побольше выписал». А сейчас, выходит, перестал выписывать. Потому и продавец в магазине стал меньше продуктов давать... Битабар решил сам пойти к Левенштерну.

Тяжело опираясь на палку, он с трудом добрался до конторы.

Поднялся на крыльцо, добрал до приемной.

Перед дверью кабинета, обитой клеенкой, за столом все та же молодая секретарша.

— Дочка, скажи, мол, пришел Битабар.

Девушка поднялась и скрылась за дверью. Она вернулась быстро:

— Иван Иванович примет вас. Подождите.

Битабар осторожно уселся на стул. На стене деловито тикали часы: тик-тик... тик-тик... Битабар долго смотрел на часы. И вдруг остро почувствовал свое одиночество. Все вокруг заняты делом. В соседней комнате склонились над столами, пишут, на шахте добывают уголь, а в степи пасут

скот, сеют... Только он, Битабар, развлекается часами, слушает их мерное тиканье. Да сторожит дверь, которая не знает покоя. Люди входят, выходят...

А Битабар все сидит...

Никто его не гонит, никто не приглашает. Даже делают вид, что не замечают такого крупного человека. Проходят, не обращая внимания, как мимо вещи...

Секретарша иногда сочувственно улыбалась. Она добра, понимает затруднение Битабара.

— Иван Иванович очень занят... Может быть, он забыл о вас.— Она снова зашла в кабинет, вышла с приветливой улыбкой.— Проходите!

Битабар шагнул в кабинет. Увидел знакомый портрет вождя. Ленин протягивал к нему руку. Глядя на него, Битабар сделал несколько шагов и опустился на ближайший стул.

Левенштерн сидел далеко, отгороженный массивным письменным столом. Он что-то писал, потом поднял голову:

— А-а, это ты... подходи, батыр, ближе...

В голосе равнодушие. Нет прежней теплоты. Говорит из вежливости и по должности.

— Для Битабара и это место хорошее. От долгого хождения нога болит.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Битабар не сдвинулся с места. Не поднялся навстречу и Левенштерн.

— Тебе назначили пенсию. Не слышал еще? Будешь получать деньги, талоны.

Битабар молча смотрел на Левенштерна, словно видел его впервые.

— Ни мой дед, ни мой отец не получали пенсии... И Битабару она не нужна! Совсем не нужна... а в степи найдется место для моей юрты.

Левенштерн ничего не возразил. Снова склонился над своими бумагами. Ни звука не произнес и Битабар. На

стене в кабинете тоже висели часы. Они громко отсчитывали секунды. Ожидая ответа Левенштерна, Битабар слушал тиканье часов. Битабар повернул голову, и его взгляд остановился на портрете вождя.

Ленин смотрел прямо на Битабара.

Смотрит тепло, ободряя лучистым взглядом. Битабар как-то сразу почувствовал себя увереннее.

Левенштерн поднял голову, спросил:

— Слушаю... Какое дело у тебя?

— Э-э, есть один вопрос, тамыр.

— Говори.

— Битабар целых два месяца валялся в больнице. Ты так ни разу и не навестил, тамыр.

— Много работы... Одна кампания за другой,— начал оправдываться Левенштерн.— Сверху все требуют добывать больше угля, угля... Если не дашь больше плана, грозят снять с работы...

Битабар слушал, понимал всю неискренность пустых оправданий.

— А что говорит Ленин, что стоит за твоей спиной?

— Ленин? — Левенштерн сначала удивленно расширил глаза, но тут же вспыхнул.— Он говорит: больше угля! Пусть каждая шахта выполнит свой план.

— Наверно, он еще говорит, что если передовой шахтер попал в больницу, не навещай его, не спрашивай о самочувствии?

Левенштерн растерянно заморгал, потом повернулся и стал снизу вверх рассматривать портрет.

— Э-э, тамыр! Если хочешь понять Ленина, подойди сюда. Из твоего кресла трудно увидеть лицо вождя.

Сказав это, Битабар встал и, опираясь на палку, зашагал к двери.

— Эй, батыр, стой!

— Нет, батыр больше здесь не останется.— Битабар с шумом захлопнул за собой дверь...

Битабар прошел через весь поселок. Позади остались шахта, дома... Вокруг, насколько мог охватить глаз, расстилась степь.

Родная степь! Согретая солнцем и бесконечная, как сама жизнь... Смеющаяся, зеленая. Нежным ворсом пробивалась к солнцу молодая нежная трава. От земли шел пряный дух, запах пробуждающейся степи, первых цветов...

Битабар остановился. Ветерок прохладной ласковой ладонью провел по воспаленным щекам, по шее... Битабар с жадностью вдыхал воздух, пьянея от знакомых с детства запахов весны. Он лег на спину, раскинув руки и ноги. Небо над головой показалось бездонно синим, чистым...

Беззвучно в вышине кружил коршун, распластав свои крылья.

А еще выше черные точки составили живой треугольник. Он движется в сторону гор Иманак... Журавли! Такие далекие и такие родные... Битабар прислушался. Чуткое ухо степняка уловило еле слышный журавлиный клич:

— Тыр-рау! Тыр-р-рау!..

У Битабара на глазах выступили слезы. Мир так хорош, так понятен... В груди стало жарко, и кровь толчками пошла по жилам, кинулась к лицу. Острая тоска по родной степи, по родному простору захлестнула сердце, затуманила...

Теплый день медленно угасал. Солнце, набрякшее и нежаркое, медленно опускалось к далекому краю степи...

Вдруг впереди промелькнули два силуэта. Большой и маленький. Битабар узнал их сразу — то шли Ылгаз и Али. Они шли прямо к нему.

— Эй, Битабар, это ты?.. Не намереваешься ли, как в молодости, охотиться за молодухами?

Ылгаз и Али громко захохотали.

Битабар привстал.

— Душа болит, словно у меня в груди змея поселилась. Ылгаз и Али уселись рядом на траве.

— Хочу сказать вам одно слово,— начал неуверенно Битабар.— Как вы на это посмотрите...

— Говори,— произнес Али.

— Э-э, степняки! Разве наши предки зарывались и копали нутро земли? — Битабар показал на темный силуэт террикона.— Давайте возвращаться в родные края... И в степи жизнь идет хорошая, не только на шахте.

Слова Битабара были так неожиданны, что Ылгаз и Али примолкли. Не так просто ответить на такие слова.

— Говорят, что в родных краях дела поправляются... Сородичи объединились в колхозы,— продолжал Битабар.

Ылгаз смял в пальцах травинки, выкинул и глухо произнес:

— Нет, шахту я не брошу. Прирос к ней. Да и сын бесплатно в школе грамоте учится...

— Жил в ауле, знаю. Что видел там? — Али говорил быстро, убежденно.— Нет, на шахте лучше!.. Разве сравнишь каменный дом с юртой?..

— Тогда наши пути расходятся... В шахту меня не пускают, а смотреть, как работают другие, не могу... Уйду в степь,— тихо и решительно произнес Битабар.— Прощайте, друзья!

Солнце красным шаром утонуло за краем земли. Быстро густели сумерки.

На потемневшем синем куполе неба вспыхнули звезды.

Их становилось все больше и больше. Стал отчетливее вырисовываться Млечный Путь.

Битабар смотрел на звездное небо, и ему вспомнилось старое поверье, услышанное еще в далеком детстве.

Млечный Путь — это птичья дорога. По ней птицы улетают в далекие края, и весной, как только проснется степь, по ней же они возвращаются. И никогда не ошибаются, потому что звезды им указывают путь. Путь домой, в родную степь...

ЭПИЛОГ

I

Недавно с группой писателей мне пришлось побывать в Караганде. Это большой красивый промышленный город. Прямые улицы, покрытые асфальтом, многоэтажные дома, трамваи, троллейбусы... Много магазинов, кинотеатров, рабочих клубов... В театре шла новая пьеса местного драматурга... Над городом, словно гигантские пирамиды, возвышались терриконы, над некоторыми шахтами светились рубиновые звезды. Нам объяснили, что звезды горят над шахтами, которые перевыполняют задания.

Были мы и на шахте. Это мощное промышленное предприятие, оборудованное самыми новейшими механизмами. Спускались под землю, смотрели на работу шахтеров. По штреку, похожему на метро, двигались вагонетки, целый состав. Мы посторонились, пропуская вагонетки. Они двигались сами, с помощью электрического тока. Мощные насосы гнали свежий воздух. В забое работали угольные комбайны, и шахтер, молодой джигит, управлял сложной машиной... Уголь катился по транспортеру и сыпался прямо в вагонетки...

— Как фамилия шахтера? — поинтересовались мы.

— Джубан Ылгазов, — ответил начальник шахты, сопровождающий нас.

— Сын балуана Ылгаза?

— Нет, внук. Он недавно пришел к нам на шахту.

— Долго ли надо учиться, чтобы управлять таким комбайном?

— Джубан окончил горный институт.

Потом мы поднялись наверх, выступали на читательской конференции, отвечали на многочисленные вопросы, а на следующий день посетили городской музей.

Нас встретил старый, опрятно одетый лысый человек

с живыми глазами. Он назвал себя Иваном Ивановичем, старожилом Караганды, персональным пенсионером.

Иван Иванович повел нас в просторный зал, где все стены увешаны старыми планами, выцветшими лозунгами, где под стеклом хранятся пожелтевшие страницы газет, блеклые любительские фотографии.

— Караганда начиналась так: посмотрите на эти снимки.— Иван Иванович показал на стенд.

Мы увидели землянки, низкие домики... Тут же пасутся коровы, овцы. По будущему проспекту важно вышагивает верблюд, таща по грязи телегу...

— Работали вручную, добывали уголек обычным дедовским способом, с помощью немудреного инструмента.— Иван Иванович показал кайло.

Старое, зазубренное кайло с железной рукояткой лежало на красном бархате, как дорогая вещь. Оно напоминало о тех далеких временах, о первых трудовых победах. И Иван Иванович подвел писателей к пожелтевшим портретам.

— Это герои наших первых пятилеток... Вот знатный горняк Ылгаз... Его внук управляет угольным комбайном... Это Али... А вот весьма колоритная личность, борец Битабар, первый чемпион Караганды по добыче угля... Наш рекордсмен. О нем до сих пор рассказывают легенды...

— А где он сейчас?

— Не знаю... Прошло много лет с тех пор. Может быть, жив, может быть, и нет... Он был завален в забое, его еле откапали. Долго лежал в больнице... Медкомиссия в шахту его больше не пустила. Он бушевал, просился в забой, требовал... Потом уехал в степь, и с тех пор нет о нем никаких вестей.

Судьба Битабара меня заинтересовала.

Удалось узнать, что Битабар из рода аралбай, который кочевал в предгорьях Иманака в долине реки Сарысу.

Горы Иманак — невысокие горы. В зеленой долине расположилось село — более сотни добротных домов, большой механизированный скотный двор, здание правления совхоза, просторный клуб, магазин, поликлиника, школа... Вокруг села — обработанные поля.

Директор совхоза — человек пожилой, степенный, на груди у него орденские планки и рядом с боевыми наградами ордена за мирный труд.

Он радушно меня встретил, начал рассказывать о богатствах совхоза, о людях...

Я долго слушал его не перебивая, обдумывая свой главный вопрос: как узнать о судьбе Битабара?

Наконец спросил.

— Балуан Битабар? — переспросил директор совхоза, и на его обветренном мужественном лице появилось довольное выражение. — Обязательно напишите о нем, о нашем аксакале. Он знатный животновод... Недавно ему вручили орден Ленина.

— Его можно видеть?

— Конечно, можно! Завтра поедem к нему.

— А он разве не здесь живет?

— Дом у него есть, хороший дом. Но аксакал каждое лето перебирается на джайляу. Стадо у нас большое, молодые пастухи учатся у аксакала многому... Он знает, где сочная трава, когда и куда надо гнать скот, где есть вода.

У меня зародилось сомнение: а тот ли это Битабар, которого я разыскиваю? Может быть, совсем другой человек живет с именем героя первых пятилеток? Но вслух не стал высказывать своих мыслей.

Директор совхоза уже отдавал распоряжения на завтрашний день.

На рассвете, когда солнце золотистым шаром едва выкатило над степью, совхозный газик вез нас на джайляу.

Вокруг, сколько мог охватить человеческий глаз, простиралась необъятная степь. Зеленая, в ярких полевых цветах.

Свежий воздух невольно пьянил. А высоко в небе, чистом и бездонном, летели лебеди. Вытянув шеи, они плавно взмахивали своими сильными крыльями. Время от времени лебеди перекликались и на землю долетали их голоса, протяжные и гортанные, чем-то похожие на далекое пение труб...

— Аксакал Битабар сильно переживал смерть сына, долго не верил похоронке, которая пришла из воинской части, — рассказывал по дороге директор совхоза.

— А как звали сына?

— Амантаем звали... Он был призван в армию в первый год войны. Воевал под Москвой, орден получил. А потом, в сорок третьем, погиб на Украине, когда наши войска подошли к Донбассу. Наш полк по соседству находился, тяжелые там бои были тогда. — Директор замолчал, мысленно перенесаясь в то время.

А я, услышав, что имя сына Амантай, как-то сразу ободрился.

Кажется, тот самый Битабар! У того сына тоже звали Амантаем...

— Весной сорок четвертого от наших краев погнали большое стадо на ограбленную фашистами Украину. Телки, коровы, быки... Двенадцать тысяч голов, — рассказывал директор совхоза, — впереди был долгий путь в четыре тысячи километров, впереди лежали реки Урал, Волга, Дон, Северный Донец... Вожаком гуртовщиков был балуан Битабар. Он взял с собой жену, она помогала ему в том великом кочевье. Долог был их путь. Возле Сталинграда случилась беда, когда переправлялись через Волгу. Неожиданно наткнулись на минное поле. Надо было разминировать, сделать проходы, но никто не знал, как обращаться с минами. Несколько десятков коров подорвались. Битабар вскочил на коня и помчался назад, к переправе.

Нашел там сапера и чуть ли не с ним привез к стаду. Сапер показал, как обнаруживать мины, и как обезвреживать, извлекать из земли... Битабар с другими гуртовщиками проходили за каждым движением сапера... Тот проделал «сюрпризы». Зоркие глаза степняков не видели скрытые мины. Они еще трижды натыкались на мины, и Битабар первым ступал на опасную землю, и Битабар видел. Потом в первом же колене, обезвреживал противотанковые мины... Опадала Битабар костяной кистью, и Битабар к тонким нитям проволоки. То была лопатка, в которой запутались мины. Она подскочила прямо к груди Битабара — прыгающая растерялась, в самый последний миг перед тем, как Битабар, но он не сил далеко свою верную смерть. Подняла кулака отбросилась в тело Битабара, но он остался жив. В Донбассе Битабар прибыл не верхом на коне, а в повозке и весь в бинтах...

3

На джайляу мы приехали к вечеру, когда голубоватая дымка тумана стлалась по низинам, и повеяло легкой прохладой. На поблекшем небе всплыла первая вечерняя звезда.

Нас поместили в просторной юрте.

Чабаны закололи молодого барана, и стали спешно готовить ужин.

— А где аксакал? — поинтересовался директор.

— Он скоро приедет... Вы же знаете его, — начал жаловаться молодой чабан, — придирается к каждой мелочи, проверяет. На водопой сам скотину не пускает. И что старику еще надо! Почет есть, уважение есть.

— Битабару надо, чтобы из этой жизни вышел хороший, думающий чабан, — отрезал директор. — Живи, радуйся! Пастух осекся и тут же вышел.

Вскоре послышались цокот копыт, и появился властный

голос, и в юрту ввалился крупный седобородый человек.

Он сразу как будто бы заполнил все свободное пространство.

— Э-э, нашандик директор! Ассалаумагалекум! — Он протянул свои корявые, но еще сильные, покрытые мозолями широкие ладони, похожие на лопаты, все в мелких черных крапинках то ли от угольной пыли, въевшейся в кожу, то ли от земли.

— Где моя лампа? — проговорил аксакал, усаживаясь на кошке. — Где моя шахтерская лампа? Сегодня у нас гости, надо зажигать. Пусть будет светло.

Молодой чабан достал из походного сундука старую шахтерскую лампу, с которой Битабар спускался в забой, приподнял железную сетчатую решетку, зажег фитиль.

Неяркий ровный свет излучала лампа. Ее подвесили на проволочный крюк над дастарханом.

Я внимательно разглядел аксакала.

Смуглое обветренное лицо Битабара было изрезано глубокими морщинами.

Кустистые брови нависали над слегка раскосыми глазами, которые смотрели остро и бодро, излучая спокойный ровный свет, и чем-то напоминали две маленькие шахтерские лампочки.

Седые усы, седая борода.

Широкие плечи, крепкие руки...

Он посмотрел на меня в упор и спросил, обращаясь к директору:

— Кем он будет?

— Корреспондент, — ответил тот Битабару, — из газеты. Написать хочет.

— Газета — хорошее дело, — сказал Битабар. — Но сначала надо покушать, потому что на пустой живот в голову придут плохие мысли.

Мы осушили бурдюк кумыса, отведали наваристую соппу, вареное мясо и потом пили крепкий чай.

Битабар стал рассказывать, как он в Донбассе искал на шахте русского богатыря Алексея Стаханова, но того там

не оказалось, он находился в то время в Москве. Битабар хотел было спуститься в русскую шахту, но ни одна из них не действовала — фашисты затопили их водой.

— А в Караганде бывали? — поинтересовался я.

— Нет, не бывал... Все некогда. Давно ушел оттуда, очень давно. Там, наверное, меня забыли.

Тогда я рассказал ему о городском музее, о газетных вырезках, фотографиях, портретах героев соревнования, о том, что даже кайло хранят.

— С железной ручкой? — насторожился Битабар, в глазах его заблестели огоньки.

— С железной ручкой, аксакал...

— Может быть, мое... Может, Ылгаза... Только у нас двоих были с железными ручками.

Мы проговорили до рассвета.

Много вспоминал Битабар, рассказывая о своей жизни.

— А как вы себя чувствуете сейчас, аксакал?

— Еще не ослаб. Только вот колени... Они не выдерживают, а то бы я сейчас запросто поднял верблюда!

Вот так я и встретился с Битабаром.

Вот так и расстался я с Битабаром, рассказав о нем правдивую повесть жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Маргау. Перевод Т. Золотухиной	 3
Меджун-тал. Перевод Т. Золотухиной	 114
Степной сокол. Перевод О. Саракташ	 165

Литературно-художественное издание

САФУАН ШАЙМЕРДЕНОВ

СТЕПНОЙ СОКОЛ

П о в е с т и Перевод с казахского

Редактор У. Молдахметов
Художник Н. Нурмахамбетов
Художественный редактор Е. Кожабаев
Технический редактор Р. Винокурова
Корректоры Р. Соболева, Н. Тишонко

ИБ № 4204

Сдано в набор 27.09.89 Подписано в печать 15.05.90. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. п. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,02. Усл. кр.-отт 14,18. Тираж 50 000 экз. Заказ 41 Цена 1 р

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Набрано в ВЦКП Госкомпечати СССР с использованием АСУТП «Союз» оператором Р. Сабировой.